

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы

Очерки истории

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве коллективной монографии*

*Под редакцией доктора исторических наук,
профессора П.С. Кабытова*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2014

УДК 947.1/9
ББК 63.3(2)
Э46

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин,
д-р ист. наук, проф. В.А. Юрчёнков

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

Авторы:

П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов,
И.А. Носков, Ю.Н. Гусева, А.А. Мякотин,
В.А. Тюрин, А.В. Сюков

Э46 **Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е годы. Очерки истории:** коллективная монография / П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов [и др.]; под ред. П.С. Кабытова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. – 242 с.

ISBN 978-5-86465-641-9

Монография посвящена комплексному изучению эволюции самарской (куйбышевской) элиты в 1960–1990-е гг. На основе регионального материала изучаются теоретические аспекты элитологии, показаны стратификация и типология элит. Особое внимание уделяется изучению роли партийно-административной, хозяйственно-экономической, образовательной и культурной, военных элит в процессе развития Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. Кроме того, показаны эволюция элиты в 1990-е годы и роль самарского землячества в развитии региона.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов, учителей, краеведов и всех интересующихся историей России.

УДК 947.1/9
ББК 63.3(2)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках проекта проведения научных исследований («Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг.»), проект № 13-11-63002 а(р).

ISBN 978-5-86465-641-9

© Авторы, 2014
© ФГБОУ ВПО «Самарский
государственный университет», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию представляется коллективная монография «Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории», в которой предпринята попытка дать анализ эволюции самарской элиты в 60-е – 90-е гг. XX в. Эта книга, с одной стороны является итогом научной деятельности самарских историков в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда «Региональные элиты: типология, процессы формирования, модели включенности в политическую, экономическую, социокультурную сферы Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.», с другой стороны, продолжает многолетнюю научную традицию исследования взаимодействия власти и общества, реализуемую кафедрой Российской истории Самарского государственного университета.

Изучение проблематики социально-экономического развития Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1980-е гг. и участия в этом процессе региональных элит началось уже в начале 1990-х гг. В 1993-1997 гг. коллективом историков Самарского государственного университета было издано первое обобщающее исследование истории Самарского края с древнейших дней и до конца XX вв. «Самарская летопись». В продолжение этой работы, в 2000-2001 гг., в издательстве «Наука» была опубликована 8-томная «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней». В исследовании была дана широкая панорама событий, прослежен процесс хозяйственного освоения края, наращивание его экономического и культурного потенциала, показана роль в этом процессе социальных групп, классов, в том числе, верхних страт (элит).

Проблематика региональной истории, начиная с середины 1990-х и до сегодняшнего дня, активно разрабатывается историками Самарского государственного университета на страницах общественно-политического и научного журнала «Самарский земский сборник» и научного журнала «Вестник Самарского государственного университета». Важный вклад в изучение региональной истории, особенно в изучение биографий представителей элит Самарского (Куйбышевского) региона внесли эн-

циклопедические издания. В 1993-1995 гг. были изданы 4 тома «Историко-культурной энциклопедии Самарского края (Персоналии А-Я)» (Самара, 1993-1995), представившие богатейший биографический материал. Более значимым проектом стала фундаментальная, шеститомная «Энциклопедия Самарской области» (Самара, 2010-2012), подготовленная по заказу Правительства Самарской области. «Энциклопедия Самарской области» не имеет себе равных в поволжской историографии по широте проблематики, демонстрирует огромный историко-культурный потенциал самарского региона, содержит более тысячи подробных биографий представителей самарских элит. Несомненный вклад в изучение региональных элит внесли издания «Почетные граждане Самары» (Самара, 2008) и «Самарцы в Москве: страницы истории Самарского землячества» (Самара, 2011).

В представляемой Вашему вниманию коллективной монографии «*Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг. Очерки истории*» важное место уделено анализу активности самарской элиты на региональном и общероссийском уровне. Изучение региональной элиты в неразрывной связи с изучением истории Самарской области в 1960-1990-х будет способствовать приращению новых знаний по истории самарского региона, позволит по-новому расставить акценты и уточнить спорные моменты в региональной историографии.

На наш взгляд, стремительное развитие Самарской (Куйбышевской) области во второй половине XX в., превращение ее в крупнейший экономический центр (с аэрокосмическим, нефтехимическим, машиностроительным, энергетическим кластерами промышленности) явилось результатом особой конфигурации местных элит, их высокого интеллектуального, административного уровня и активной деятельности.

При изучении этой проблемы было проведено теоретическое осмысление феномена элит, выявлялись сущностные характеристики их функционирования и взаимодействия. В ходе исследования было обращено внимание на компетенции представителей, которые позволяли осуществить эффективное принятие стратегических и тактических решений по ключевым проблемам раз-

вития региона, осуществление коммуникации между центром и региональным и властными структурами.

Отдельным и, несомненно, важным предметом изучения в коллективной монографии выступил анализ активности самарской элиты на всероссийском уровне (формирование самарского землячества в Москве) и оценка вклада самарской региональной элиты в развитии социально-экономического потенциала региона и социокультурной сферы российского государства второй половины XX в.

Актуальность проблемы, решаемой в монографии, состоит в том, что значительная часть представителей самарской элиты 1960-90-х, прямо или косвенно (в виде династий, групп, землячеств) продолжает активно воздействовать на современные социально-экономические процессы, протекающие в регионе. Актуальность исследования определяется и тем, что во второй половине XX в. и вплоть до настоящего времени Самарский (Куйбышевский) регион демонстрировал высочайшие темпы социально-экономического развития. В исследуемый период развития страны Самарская область входит в число немногих российских регионов-доноров. Во многом этот факт определяется особой характеристикой местных элит, что и обуславливает необходимость пристального изучения этой проблемы.

Несомненно, изучение личностей выдающихся самарцев (куйбышевцев) в неразрывной связи с исследованием истории Самарской области во второй половине XX века будет способствовать приращению новых знаний по истории Самарского региона, позволит по-новому расставить акценты и уточнить спорные моменты в региональной историографии.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив, основную часть которого составляют преподаватели и научные сотрудники Самарского государственного университета и Московского городского педагогического университета: П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов, И.А. Носков, Ю.Н. Гусева, А.А. Мякотин, В.А. Тюрин, А.В. Сюков.

П.С. Кабытов, В.А. Тюрин

ВВЕДЕНИЕ

Динамика и вектор развития общества, его жизнеспособность в огромной степени зависят от меньшинства, наделенного «властным ресурсом». В последние два десятилетия в исследованиях властных структур активно используется термин «элита». Это понятие, не имеющее унифицированного определения, обозначает (в самом общем виде) социальные группы, обладающие высоким (в сравнении с другими общностями) уровнем субъектности. Представители элиты, в силу статуса (формального или неформального), принимают решения, генерируют идеи, которые определяют цели и содержание деятельности других общественных групп. Исследование элит предполагает интеграцию теоретического инструментария многих общественных наук, включая субдисциплины: социологии, политической психологии, конфликтологии, политологии и др. Однако важнейшее место в элитологических исследованиях занимает эмпирический материал и инструментарий исторической науки. Это объясняется тем, что для выявления закономерностей формирования, функционирования и смены (ротации) элит необходим ретроспективный анализ. Требуется рассмотрение достаточно протяженного исторического периода, чтобы в динамике изучить качественные и количественные параметры элиты; выявить повторяющиеся (т.е. закономерные, типичные) явления и процессы в элитообразовании.

Для генезиса современной российской элиты важнейшее значение имеет период «зрелого» и «позднего» советского социализма (с рубежа 1960-х гг.), а также первое постсоветское десятилетие (1990-е гг.). В 1960-е гг. в связи с демонтажом сталинизма и его репрессивных практик, принявшим форму «номенклатурной революции», произошла «кристаллизация» советской партийно-хозяйственной элиты (номенклатуры), ее дистанцирование от других социальных групп. Дальнейшая эволюция партхозноменклатуры сопровождалась ее постепенным закрытием (социальной «герметизацией») и осознанием своих групповых (корпоративных) интересов. Доминирующий групповой интерес совпартэлиты на излете советской истории заключался в конвертации власти

(политико-административного ресурса) в собственность. Поэтому крупнейшая общественная трансформация рубежа 1980-х – 90-х гг., состоявшая в смене государственного социализма периферийным, сырьевым вариантом капитализма, представляла собой реализацию коллективного интереса элиты. Об этом свидетельствует преемственная связь между позднесоветской и российской элитой. В 1990-е гг. в политической и бизнес-элите более 70% составляли представители бывшей комсомольской и партийной номенклатуры. Переход от «советизма» к «постсоветизму» не сопровождался «рывком к власти» новой элиты; произошла социальная мимикрия номенклатуры. Это позволило историку А.И. Фурсову определить его (на наш взгляд, с полным основанием) как нисходящее развитие, «самовоспроизводящийся процесс разложения позднесоветского общества»¹.

Историческая деконструкция, т.е. анализ происхождения, условий возникновения современных явлений и процессов в среде элит, начинается с изучения информационных ресурсов – первичных (источники) и вторичных (историография). В настоящей монографии рассматриваются историографический и источниковедческий аспекты становления и эволюции региональной (на материалах, главным образом, Куйбышевской/Самарской областей) политической и административно-хозяйственной элиты в 1960-е – 1990-е гг. Качественные трансформации в историографии по теме детерминировались в основном внешними факторами: общественной конъюнктурой, политико-идеологическим режимом. Поэтому историографическая периодизация в данном случае совпадает с политической. Развитие историографии по теме включает два этапа: советский (1960 – 1991 гг.) и современный (постсоветский) с 1991 г. по н.в. Советская историография, в свою очередь, неоднородна; в ней выделяются - хотя не столь «рельефно» три периода: первая половина 1960-х гг. – период относительного общественно-политического либерализма («оттепель»); вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг. период преобладания охранительных политических тенденций («брежневизм»); 1985 – 1991 гг. – «перестройка», в течение которой шел процесс демонтажа партийного контроля над исторической наукой.

Научная литература советского периода, в которой рассматривается кадровый аспект деятельности партийно-государственных органов, включает несколько направлений изучения проблем: партийное строительство, организационно-кадровая работа и история КПСС. Эти направления историко-партийной науки были интегрированы в идеологический механизм («агитпроп»); они обслуживали идеологическую и организационную функции партийного аппарата. Преимущественно идеологический характер работ по историко-партийной тематике проявляется в их схоластичности, ограниченном использовании архивных документов; единообразии и апологетическом (в отношении партноменклатуры) характере выводов и оценок; использовании «новояза» (идеологических клише, «официозной» стилистики). Тем не менее, в рамках норм, установленных партийной цензурой, историография развивалась; в отдельных работах о кадрах партийно-государственных органов приводятся ценные сведения, статистический материал, содержатся нетрадиционные, критические суждения и оценки.

В период «оттепели» изучение региональных руководящих кадров развивалось путем преодоления наиболее одиозных черт «сталинской» историографии. Тенденцией историографического процесса был отход от догматики «Краткого курса»; расширение проблематики исследований и обращение авторов научных трудов к архивным источникам и периодике, которые использовались главным образом для «иллюстрации», а не аргументации. Характерным историографическим явлением первой половины 1960-х гг. были работы, в которых обосновывалось преимущество ленинской кадровой политики перед сталинской; подчеркивалась необходимость восстановления «ленинских норм» в функционировании номенклатурных кадров. В начале 1960-х гг. предметом изучения становится региональный аспект формирования и деятельности кадрового состава партийно-управленческих структур. К числу первых историографических фактов следует отнести монографию П.Ф. Пигалева, которая как по постановке проблемы, так и по содержанию является типичным примером исполнения партийного заказа². Новым является то, что автор ввел в

научный оборот сведения об организационных основах работы с региональными партийными кадрами, постановке учетно-кадровой работы. Особую значимость имеет статистика по персональному и должностному составу местных парторганов.

Для изучения кадров партийно-номенклатурной власти необходим анализ первых этапов становления партийно-советского аппарата, в частности, содержания так называемых «ленинских принципов» работы с кадрами, апеллирование к которым играло большую роль в партийной кадровой политике (особенно в годы «оттепели» и «перестройки»). Поэтому одним из важнейших историографических фактов этого периода является, на наш взгляд, монография Е.Н. Городецкого³.

Публикации по кадровым аспектам регионального управления, появившиеся до середины 1980-х гг., относятся к категории научно-популярных, прикладных (не «академических»). Информационную основу работ составлял не архивный материал, а опубликованные нормативно-уставные и директивные документы КПСС. В этих публикациях транслировался опыт работы авторов в партийном аппарате. Как правило, эти публикации также предназначались для сотрудников аппарата и партийного актива. В этом отношении характерен сборник «Партийный комитет и кадры»⁴, содержащий статьи куйбышевских партийных функционеров среднего звена. Наряду с многочисленными «общими местами» о внутрипартийном демократизме, «заботе партии о кадрах» и т.д. в работе можно выявить – при внимательном критическом анализе – полезные сведения о принципах формирования кадрового резерва, критериях и процедурах отбора кандидатов на те или иные вакансии в партийном аппарате, особенностях субординации, статуса отдельных должностных лиц в партийных структурах, механизме взаимоотношений региональных и местных партийных органов, аппаратных традициях и неформальных социальных практиках региональной номенклатуры.

Статьи сборника «Партийная работа: стиль, формы и методы»⁵, подготовленные сотрудниками парткомов Куйбышевской области, также являются пропагандистскими текстами, содержащими вместе с тем анализ опыта организационно-кадровой рабо-

ты, критику некоторых форм работы партаппарата, практические рекомендации. Во всех статьях большую часть занимают шаблонные фрагменты о «живой связи» партии с массами, демократизме ее устройства, социальной однородности советского общества, прогностических возможностях марксизма-ленинизма и т.д. Это своеобразный вербальный ритуал, предназначенный для выражения идеологической лояльности. Соотношение положительных и негативных оценок строго выверено; при общем положительном тоне отмечаются «отдельные недостатки», ошибки «некоторых работников» и проч. Можно отметить положительную связь между служебным статусом авторов и информативностью статей, поскольку вышестоящий работник располагал большим информационным ресурсом. Так, в статье первого секретаря Куйбышевского обкома Е.Ф. Муравьева приводится численный и должностной состав номенклатуры облпарткома, его возрастные характеристики, качественная динамика⁶. Он отмечает увеличение продолжительности пребывания в должности номенклатурных работников в 1970-е гг., считая это как проявлением стабильности кадрового состава, «бережного отношения» к кадрам. Современные исследователи рассматривают такие данные как показатель снижения социальной мобильности, застойности позднесоветского общества. Содержательна статья Н. Тимошина⁷, в которой рассматриваются виды партийной информации и их движение, а также рутинный (делопроизводственный) аспект контроля исполнения решений и постановлений парткомов, жалоб и обращений граждан. Эта информация может быть использована исследователями при работе с ретроспективными документами партийного делопроизводства.

Информативный материал о низовых звеньях управленческой элиты (номенклатуры) характеризуется в многочисленных публикациях о деятельности гор- и райкомов, партийных ячеек⁸. Этот массовый партийно-издательский «конвейер» малоинформативен; полезные (в контексте исследования элит) сведения удастся выявить только при «просеивании» большого потока информации. Эти сведения касаются «управленческой повседневности» партаппарата, рутинной деятельности секретарей, руководителей

отделов и других партработников; методах мотивации, «воспитания», поощрения и контроля партийцев, критериях оценки их деятельности, особенностях карьерного пути представителей низовой номенклатуры; статистические материалы об образовательном уровне аппаратчиков, стаже и т.д.

Разнородную и «массивную» группу публикаций по вопросам кадрового обеспечения партийно-государственной власти составляют статьи в партийной периодике. Типовая тематика публикаций была следующей: региональный опыт работы с кадрами, инструкции по организации работы с личным составом парторганов, разделение функций партийных и советских, хозяйственных органов; должностные полномочия и нагрузка различных категорий партработников; экскурсии в историю партии и ее региональных отделений; материалы для региональных пропагандистов и т.д. Научный уровень публикаций существенно зависел от статуса журнала. Если статьи в печатном органе Куйбышевского обкома «Блокнот агитатора» являются типичными образцами «агитпропа»⁹, то журналы «Коммунист», «Вопросы истории КПСС» содержат профессионально выполненные обзоры по истории партийной (т.е. есть государственной) власти.

Своеобразной вершиной региональной историко-партийной историографии стали очерки истории областных парторганизаций, опубликованные в разных регионах в конце 1950-х – начале 1980-х гг. В «Очерках...», подготовленных куйбышевскими историками, минимальное внимание уделялось анализу структуры местных отделений Коммунистической партии, их составу, кадровым основам деятельности¹⁰. В центре внимания были организационно-производственные мероприятия партии; в духе «казенного оптимизма» преподносились «успехи социалистического строительства». В исследовании органично включались данные о количестве членов и кандидатов партии, а также внештатных сотрудников партийных комитетов, инструкторов, партийного актива и т.д.

Количественный рост историко-партийной историографии обусловил появление исследований вторичного (историографического) материала. В статье Ю.П. Сулова, подводящей итоги

развития историографии парторганизаций Поволжья к концу 1970-х гг., изучение кадрового состава парторганов не выделяется в качестве самостоятельного направления исследований¹¹. Характерно, что в статье упоминаются лишь две работы (по периоду нэпа), в которых затрагивается кадровый аспект деятельности партийных комитетов.

Работы, посвященные западным элитологическим теориям, написаны в особом «разоблачительном» жанре, сочетающем черты пропаганды, памфлета и (в минимальной степени) аналитики. Эти публикации имеют типовые названия: «критика буржуазных фальсификаций...», «буржуазная мифология», «реакционная сущность идеалистических теорий» и т.д.¹² В них давалась «отповедь» западным социологам, которые, по мнению советских авторов, «лакируют» реалии капитализма. Теории элит рассматривались как идейное оформление интересов западного «капитала», его «концептуальное оружие»¹³. Теоретические построения элитологов, согласно «марксистской» точке зрения, вуалировали антагонистическую, т.е. классовую природу западного общества. Элитология представляет социальное неравенство «естественным» и нормативным, связывая его индивидуальными психо-биологическими различиями. Критические оценки элитистских концепций были формальными, являясь данью цензуре. Среди советских «фрондирующих» интеллектуалов существовал интерес к современным «буржуазным» теориям; пропаганда только подогревала его. Полное отрицание легко переходило в другую крайность – безудержную апологетику. Показательно, что ведущий специалист по элитологии Г.К. Ашин в 1990-е гг. критиковал крупнейших западных социологов за отказ от использования понятия «элита»¹⁴. Он выступил с предложением создания научной метадисциплины – элитологии, которая интегрирует науки, исследующие социальные механизмы власти.

В советской историографии исследование номенклатурных механизмов управления, социальной природы советской элиты и «барьеров», отделяющих ее от других групп населения, входило в число из наиболее табуированных тем. Изучение – в соответствии с критериями научности – природы социального неравенства в

советском обществе, закономерностей формирования в нем элитных групп могло разрушить идеологический образ эгалитарного социалистического общества. В период «перестройки» (1985-1991 гг.), отмеченный кризисом базисных структур государства, в том числе партийного контроля над общественными науками, эти ограничения в значительной степени становились фикцией.

В первые «перестроечные» годы исследователи по-прежнему вели изучение в рамках схем официальной идеологии. Во многих публикациях повторялись концептуальные построения периода «оттепели», когда основные проблемы, включая административно-управленческие, расценивались как наследие «культы личности». Вместе с тем проявились новые тенденции; в работе В.А. Яцкова¹⁵ обосновывался тезис о трех поколениях партийных управленцев, который соответствовал трем «возрастам» советского общества. Подчеркивая созидательную роль второго поколения советских управленцев, автор противопоставлял его следующей, постсталинской генерации номенклатурных кадров, для которой характерны потребительство, пониженный уровень личной ответственности.

В период перестройки появились труды, в которых бюрократизм, крайняя отчужденность и авторитарность советского стиля управления рассматривались как сущностные (т.е. атрибутивные, не зависящие от воли руководителей) черты советской политической системы¹⁶.

Преобладание политизированных работ позволяет определить «перестройку» как «публицистический» этап в историографии партэлиты. Публицистический формат характерен для публикаций о региональной (куйбышевской) бюрократии, которые можно разделить на критические и апологетические. Примером последних является статья , в которой доказывался материально-бытовой «аскетизм» номенклатуры, ее способность возглавить «перестроечные» преобразования¹⁷. Эта работа содержит сведения о материальном содержании номенклатуры, штатных изменениях в аппарате КПСС в конце 1980-х гг.

На рубеже 1990-х гг. была опубликована книга М.С. Восленского, которая стала – в известной мере – методологической «про-

граммой» для современных исследователей, изучающих проблемы становления и эволюции партийно-советской элиты¹⁸. В работе содержится концепция квазифеодалной социальной природы советского общества, которая по сути представляет собой развитие теории «нового класса» М. Джиласа¹⁹. Верхушка партийной бюрократии – номенклатура – является, по мнению М.С. Восленского, аналогом эксплуататорских классов прошлого, превосходя их в уровне эксплуатации, расточительном отношении к человеческим и природным ресурсам. Общество, возглавляемое номенклатурой (возникшей, по автору, в 1917 г.) в его работе предстает исторической aberrацией, «империей зла», что позволяет считать эту концепцию информационным продуктом «холодной войны».

Анализ публикаций позволяет сформулировать вывод о том, что в советской историографии региональное руководство (номенклатура, элита) не рассматривалось как социальная общность со своими статусными, корпоративными характеристиками, групповой динамикой. Предметом изучения была кадровая деятельность органов власти, методы комплектования, подбора, мотивации, расстановки кадров. Идеологические (следовательно, и методологические) ограничения делали невозможным изучение таких проблем, как: механизмы политического лидерства, материально-бытовое обеспечение региональной элиты, ее субкультура и корпоративное самосознание, формы социальной репрезентации; система неформальных связей в среде номенклатуры; социальные «барьеры», отделявшие номенклатуру от других общностей; стратификация самой элиты, взаимоотношения ее групп, слоев и и т.д. Вместе с тем, в работах советского периода был введен в оборот значительный, прежде всего статистический, материал, который является важной основой для дальнейшего исследования элит.

Для постсоветской историографии, отказавшейся от догматического (канонизированного) марксизма, первостепенной задачей была разработка теоретического аппарата изучения элитных групп общества. Значительное влияние на методологию исследований системы власти и социальной структуры советского об-

щества оказали работы авторов-эмигрантов: М.С. Восленского, А. Авторханова²⁰, А.А. Зиновьева²¹. В своих исследованиях А.А. Зиновьев выделяет два типа власти в Советском Союзе: сталинистский (к нему он относил, в частности, хрущевскую и горбачевскую власть), в которой партаппарат является инструментом личной власти, и брежневистский, когда партийный аппарат становится замкнутой, самодовлеющей силой. Первый тип власти он характеризовал как «подлинное народовластие» (он опирается на массовое движение, противостоит бюрократии) и, вместе с тем, насильственный и волюнтаристский (потенциально опасный).

В первой половине 1990-х гг. появились исследования, авторы которых предприняли разработку концептуального инструментария изучения «столичной» и региональной элиты советского/русского общества²². Речь шла о развитии теоретических воззрений названных выше авторов (прежде всего, М.С. Восленского). Подчеркивая ценность этих исследований, необходимо отметить их отвлеченно-социологический характер, недостаточную фундированность документальным материалом.

Для получения «качественного» (объективного) знания необходимы адекватные языковые средства, т.е. понятийный аппарат. Корректное – соответствующее критериям науки – описание предмета элитологии возможно с помощью специальной терминологии. В ходе исследования понятийная «сетка» накладывается на эмпирический материал, позволяя выявить в нем в нем существенное (типичное, «регулярное»). С другой стороны, под влиянием материала (фактуры) происходит конкретизация, «обогащение» понятий; более сложными и подвижными (нелинейными) становятся межпонятийные связи. Научные понятия опосредуют – двояким образом – социальное познание. Они являются «призмой» (матрицей), через которую субъект воспринимает социальную реальность; во-вторых, они используются для выражения (экспликации) результатов исследования.

Развитие элитологических исследований требует регулярной «инвентаризации» используемых понятий. Этой задаче посвящено теоретическое исследование Г.В. Гаман-Голутвиной²³. Многие «ходовые», активно используемые термины («властный ресурс»,

«влияние», «проницаемость каналов рекрутирования» и др.) являются интуитивно понятными, а не эксплицированными. Отмечая междисциплинарный характер понятия «элита», автор прослеживает его эволюцию и предлагает свой вариант определения. Г.В. Гаман-Голутвина критически оценивает позиционный и репутационный подходы к определению (демаркации) состава элиты. Недостатки этих подходов (формализм первого и размытость, неопределенность второго) делают их неэффективными, особенно в ретроспективном (историческом) исследовании. Целесообразнее определять элиту по признаку участия в принятии стратегически важных решений. Авторы настоящей работы разделяют этот подход Г.В. Гаман-Голутвиной; он является «сквозным» для всех разделов данной монографии. Публикация Г.В. Гаман-Голутвиной содержит интересный историко-социологический материал, раскрывающий содержание теоретических понятий элитологии. Теоретическим вкладом автора в элитологию является обоснование положения о том, что элита не является только суммой («агрегатом») входящих в неё индивидов. Это коллективный субъект, который обладает социальными параметрами, отсутствующими у отдельных индивидов²⁴. Например, такой характеристикой является степень интеграции, то есть внутригрупповых связей. Интеграция (сплоченность) элиты определяется многими факторами (религиозным, этническим составом и т.д.); как правило, она пропорциональна внешнему социальному давлению на группу. Уровень интеграции, в свою очередь, определяет способность общности (класса, страты) к самоорганизации, т.е. скоординированной деятельности. Таким образом, социальная элита является надличностной (коллективной) реальностью, которая в значительной мере детерминирует поведение своих членов.

Потребностью в макротехории (альтернативной марксизму), дающей алгоритм российского исторического процесса, объясняется интерес исследователей (прежде всего, гуманитариев) к историософским работам А.С. Ахиезера²⁵. Исследователь характеризует российский социум как «расколотое общество», т.е. неорганичное (конфликтогенное) единство двух типов цивилизации: традиционной и либеральной (западной, модернизаторской).

Их интегральной характеристикой является нравственный идеал, т.е. представления о должном и сущем, которые конкретизируются в представлениях об идеальном политическом устройстве, хозяйственном укладе и т.д. Колебаниями между этими цивилизационными полюсами объясняется маятниковый ритм исторического развития, его инверсионность. Возникновение и исторический финал советского общества обусловлены очередным инверсионным циклом российской истории. Советский строй, по автору, был порожден «выплеском» социально-культурной архаики, организационное оформление которого возглавила – парадоксальным образом – ультрамодернизаторская партия (большевики). В эволюции советской элиты исследователь выделяет – вполне традиционно – три генерации. Первое поколение элиты («ленинская гвардия»), интеллигентское по составу, после революции оказалось неспособно к самовоспроизводству и быстро сменилось вторым – сталинским – типом номенклатурной элиты. Последняя, будучи носителем архаичных культурно-психологических черт, была удобным инструментом тирании. Социокультурные изменения в номенклатурном слое, заметные уже в позднесталинский период (более высокий образовательный ценз, городская субкультура и т.д.) обусловили переход от деспотии к номенклатурной олигархии.

Также продолжалась по инерции публикация публицистических работ о номенклатуре. Для этих публикаций характерна политическая «акцентуированность»; авторы рассматривали номенклатуру в качестве главного политического института советской эпохи, через призму которого можно понять советский период истории в целом.

Во второй половине 1990-х гг. кризис историографии элит, вызванный методологическим «хаосом» и ликвидацией прямого политического заказа, был во многом преодолен. Главным показателем этого стали многочисленные конкретно-исторические исследования, основанные на широком круге документальных источников.

Одним из ведущих исследователей политического процесса в Советском Союзе и современной России является социолог О.В.

Крыштановская (она ввела в научный оборот термины «олигархия», «семья» (ельцинская), «силовики»)»²⁶. Для изучения политического класса, высшая страта которого определяется автором как «элита», его внутригрупповой мобильности, источников и каналов пополнения элиты и выхода из нее (экстракорпорации) автор использует модифицированный (применительно к отечественным реалиям) аппарат западной политической социологии.

В исследованиях профессора Т.Г. Архиповой один из важнейших тезисов состоит в том, что в системе партноменклатурной власти существовал концептуально и организационно завершенный механизм работы с кадрами, включавший систему отбора кандидатов, формирование кадрового резерва, политическую социализацию, идеологический и дисциплинарный контроль и т.д.²⁷ Демонтаж этой системы не сопровождался созданием другого – столь же целостного – механизма, что стало фактором архаизации (феодализации) системы государственного управления.

Значительный вклад в изучение слоя региональных управленцев внес пермский исследователь В.П. Мохов²⁸, который первым ввел в научный оборот термин (первоначально воспринятый как парадоксальный) «региональные элиты». По мнению историка, существенным аспектом эволюции политической системы в первой половине 1990-х гг. была «провинциализация» правящего класса, квалифицированная автором как «бунт региональных элит»²⁹. Вследствие дефрагментации, распада системы власти и управления большая часть властных ресурсов перешла к региональным руководителям. В работах В.П. Мохова социальная эволюция слоя региональных руководителей советского (1940-1990-е гг.) и постсоветского периода рассматривается на материалах Уральского региона.

Наиболее активно региональный аспект функционирования элит (политических, административно-хозяйственных) разрабатывается на материалах Сибири. Широким проблемно-хронологическим охватом выделяются работы А.Б. Коновалова³⁰. Автор реконструировал должностную, социoproфессиональную динамику партноменклатуры Западно-Сибирского региона в 1946 – 1991 гг., механизм ее взаимоотношений с центром, содержание

и результаты деятельности. В его исследованиях значительный интерес представляют биографические характеристики руководителей региона в этот период, которые дают представление о социально-карьерных «маршрутах» представителей номенклатуры в послевоенные годы.

Важное место в историографии партийно-номенклатурной элиты занимают работы Г.Л. Олеха³¹, хотя в них рассматривается только начало 1920-х гг., когда возник институт номенклатуры и проявились «родовые черты» номенклатурно-олигархической системы власти. По нашему мнению, в его исследованиях наиболее интересны не материал и выводы, а теоретико-методологический аппарат, который может быть использован при изучении позднесоветского и российского чиновничества. Автор показывает, что организационное развитие РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б) после революции идеально иллюстрирует закон олигархизации массовых политических партий. В его публикациях показан механизм перетекания партийной власти в «узкие коллегии» партийных комитетов, подчинение представительной ветви партийной власти исполнительным структурам, методы контроля партийной олигархии над формированием состава и деятельностью представительных органов. Заслугой исследователя является скрупулезное изучение дифференциации материального содержания и статуса различных категорий партработников, корректное определение понятий «партийное чиновничество», «партийные функционеры», «ответственные работники» и др.

Диссертация Е.В. Миронова³², по нашему мнению, вторична (тематически, методологически) по отношению к работам А.Б. Коновалова и Г.Л. Олеха. Главной проблемой, объединяющей структурные части работы, является эффективность управленческой деятельности местной партийно-государственной элиты. На основе анализа динамики количественного и социального состава партхозэлиты Иркутской области в 1956-1991 гг., ее формальных и реальных полномочий, роли в выработке управленческих решений, форм централизованного контроля над номенклатурой автор делает вполне запрограммированный вывод об истощенности сверхцентрализованной (мобилизационной) системы

управления регионами при переходе к поздне- и постиндустриальному обществу.

Сборник «Региональная политика Н.С. Хрущева»³³ содержит ретроспективные документы, характеризующие взаимоотношения «Кремля» и областных (краевых, республиканских) партийных комитетов в послесталинское десятилетие (1953 – 1964 гг.). Его составители – коллектив историков и архивистов – вводят в научный оборот «массивный» корпус архивных документов (ранее не востребовавшихся), расширяя документальную базу историко-элитологических исследований. Документальные материалы подобраны и скомпонованы таким образом, что в совокупности они дают целостное представление о партийно-кадровой политике Н.С. Хрущева и ее «резонансе» в регионах. Документы группируются, «центрируются» вокруг важнейших общественно-политических событий этого периода: введение совнархозов, компания борьбы с приписками, разделение парткомов по отраслевому принципу, снятие Н.С. Хрущева и т.д. Большинство документов сборника представляют вертикальный (восходящий) поток информации. Они составлены на региональном уровне и адресованы ЦК партии; это докладные записки, официальные письма, фрагменты докладов и выступлений региональных партийных функционеров. Авторы сборника не предлагают своей интерпретации политических событий, «предоставляя слово» официальным документам этой эпохи. Во введении, являющемся прологом и комментарием к архивным документам, сжато и аналитично рассматривается регионально-номенклатурная политика Н.С. Хрущева. Авторы отмечают, что она характеризовалась многочисленными маневрами и «зигзагами». В первые послесталинские годы была значительно расширена номенклатура региональных парткомов, их функции и полномочия. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. высшая партэлита, недовольная злоупотреблениями и кадровым произволом на местах, дала – отчасти – «задний ход», расширив номенклатуру центральных органов. Тем не менее, механизм взаимоотношений «центр-регионы» в этот период оставался неизменным; он характеризовался жестким контролем ЦК КПСС за деятельностью и кадровой динамикой местной власти.

Вместе с тем за стабильным институциональным «фасадом» власти в это десятилетие произошла «ползучая революция», идеологически оформленная как десталинизация. Она заключалась в том, что изменился субъект управления; единственным – «самодержавным» – носителем власти стала партийная номенклатура. Если в начале 1950-х гг. номенклатура испытывала прессинг стороны спецслужб и режима личной (вождистской) власти, то во второй половине 1950-х гг. сложилась другая «конфигурация» власти; региональные отделения КГБ были подконтрольны секретарям обкомов. Отсутствие институционального контроля за партэлитой стало причиной её разложения в «застойный» период советской истории.

В центре внимания большинства региональных исследований находится областной/краевой уровень руководства. Поэтому положительной тенденцией представляется появление работ, в которых исследуются управленческие кадры городского и районного уровней³⁴.

В современном «когнитивном» (информационном) обществе изменяются основания господства. Важнейшим фактором социального доминирования становится владение «знаниевым» капиталом, информационным ресурсом, тонкие манипуляции массовым сознанием. Формируются новые категории правящих элит – символическая, интеллектуальная, «виртуальная» и др. В политических науках вводится в оборот понятие «мягкая сила» (soft power), которым обозначают неявные, альтернативные силовым способы управления. В работе Н.С. Мухаметшиной предметом исследования является символическая элита, властный статус которой обусловлен «невесомыми», информационными факторами³⁵. Эта «элитная» группа рассматривается как атрибут массового общества с его единым информационным полем. Символическая элита определяется автором как наиболее творческая, интеллектуально-продуктивная часть интеллигенции. Она генерирует (и тиражирует через СМИ) образы, смыслы, мифологемы, которые «оформляют» и мобилизуют национальное сознание. По нашему мнению, недостатком исследования является узкая трактовка функций элиты, неоправданно сужающая предмет исследования.

Её деятельность связывается исключительно с формированием национальной идентичности, феноменами национализма и этноцентризма. Поэтому исследование основано исключительно на материалах «нацменьшинств», национальных субъектов Российской Федерации.

Если историко-партийная проблематика изучалась целенаправленно и с высокой степенью интенсивности, то советские властные структуры традиционно рассматривались (не без оснований) как второстепенный элемент системы управления, ее фасад, «вывеска». Место и роль Советов в механизме местной власти, их взаимодействие с обществом и властными институтами рассматривается в работах М.Н. Матвеева³⁶. Проблематика функционирования кадрового состава советов находится на «периферии» его работ. Тем не менее, в монографии самарский историк приводит статистический материал, характеризующих динамику состава Советов в 1977 – 1993 гг.³⁷ Качественный состав Советов автор рассматривает как один из факторов, определявших авторитет и дееспособность Советов, их статус в системе власти.

Перспективной тематикой является изучение структур власти как социальных институтов. Это обеспечивает новый ракурс исследования, позволяя воссоздать социальные характеристики представителей региональной власти: статус (в том числе неформальный), социальная мобильность, нормы поведения и ценностные ориентиры, формы социального контроля, социальные ожидания носителей власти, социальный ритуал и культурно-символические практики.

Важным направлением эпитологических исследований становится изучение технократической региональной элиты. Стоит заметить, что в исследовании этого кластера элиты высокую активность проявляют поволжские историки³⁸. По мнению Е.Д. Невейнициной, рост структур и штатов хозяйственного управления привел к тому, что уже в начале 1980-х гг. технократический сегмент управленческой элиты был одним из самых влиятельных. При этом проникновение технократов в региональный партийный аппарат парадоксальным образом вело к усилению опеки парторганов над менеджерами. Партийные руководители,

окончившие отраслевые вузы, возглавлявшие цехи и заводы, приобрели хозяйственный опыт, а потому считали себя достаточно компетентными для вмешательства в организацию производства.

Во второй половине 1990-х гг. историография региональной управленческой элиты получила организационное оформление в виде научных коллективов, структур, проектов. Одним из них является Центр элитологических исследований во главе с профессором В.П. Моховым, функционирующий при кафедре государственного управления и истории Пермского политехнического университета; в 2007 г. он получил статус научной организации при Академии политической науки.

Среди исследований организационно-кадрового развития системы власти в самарском регионе в послесоветские годы следует выделить работы К.П. Ланге³⁹. Уделяя основное внимание структурным и правовым аспектам регионального управления, автор вместе с тем дает подробную характеристику самарскому политическому классу. Исследователь отмечает, что его консолидация отчетливо проявилась в 1997 г., когда на выборах второго состава губернской Думы (в отличие от первых выборов) не имели шансов пройти «случайные» люди, за которыми не стояли политические или крупные бизнес-структуры. По мнению историка, важным фактором политического процесса в самарском регионе является «привычка» региональной элиты к самостоятельности, ставшая ее социально-психологической характеристикой.

Наиболее полным исследованием экономического и общественно-политического развития Куйбышевской области в 1985 – 1991 гг. является работа В.В. Крючкова⁴⁰. По мнению автора, логику общественно-политических событий периода «перестройки» выражает понятие «кризисный политический процесс». Содержанием политико-административного развития в эти годы был нарастающий кризис, проявлявшийся в дезорганизации местной власти, утрате ею рычагов управления, идейной платформы, целевых установок. Рассматривая появление новых общественно-политических организаций, в том числе неформальных, «оранжевых», исследователь отмечает, что они не стали «альтернативной элитой», однако сыграли роль в дискредитации номенклатурной власти.

Сведения о региональной политической «верхушке», спектре общественно-политических сил, представительстве в Самарской области «столичных» политических организаций содержатся в работах о парламентских партиях.

Несбалансированность развития историографии состоит в отсутствии исследовательского интереса к специальным (ведомственным) системам управления. Публикации по этой тематике единичны; одной из них является статья И.Н. Макаровой⁴¹, в которой анализируется организационно-штатная структура управления образованием в Куйбышевской области в 1954-1965 гг. В работе рассматриваются категории административного персонала в аппарате управления, их численность, материальное обеспечение. Исследователь затрагивает социальные аспекты управленческой деятельности, рассматривая взаимоотношения административного и педагогического персонала, каналы вертикальной мобильности, обеспечивавшие «подъем» педагогических работников ведомственные органы управления.

«Конфигурация» внутриэлитных взаимоотношений в российских регионах к концу «ельцинского» периода российской власти исследуется в работе М. Лапиной и А. Чирикова⁴². Работа основана на материале нескольких типологически-характерных регионов, включая Самарскую область, которая рассматривается как пример области с «сильным губернатором». Динамика внутриэлитных отношений в регионе, с точки зрения авторов, определяется соотношением основных источников влияния и власти: губернатор и его ближайшее окружение, губернская администрация и вся структура местной исполнительной власти, представительная власть, региональные представительства федеральных структур. По мнению исследователей, главными препятствиями развитию региональной элиты являются субъективные факторы: отсутствие у элиты ясных целей и стратегии, навыков управления конфликтами, слабая выраженность консенсусной политической культуры.

Исследования региональных элит в контексте их взаимоотношений с «путинской» властью представлены в сборнике «Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная

или закономерная». Политолог А.А. Александров, автор одной из статей сборника, рассматривая развитие политической жизни в Самарской области в 1990-е гг., пришел к выводу, что ограничение самостоятельности местных элит «вертикалью власти» в начале 2000-х гг., обусловлено прежде всего внутрорегиональными факторами. Если в первой половине 1990-х гг. бизнес-структуры нуждались в поддержке местной власти, то к концу 1990-х гг. местный бизнес окреп, интегрировался в вертикальные структуры и «взял ориентир» на федеральный центр⁴³.

В публикации Э.Б. Куприянычевой рассматриваются тенденции, «векторы» развития самарской политической элиты в 1990-е годы⁴⁴. По мнению автора, генезис региональной элиты «стартовал» в 1989-1990 гг. вследствие распада, фрагментации союзного государства. Исследователь, используя выборную статистику, анализ политических биографий, приходит к выводу, что низовой эшелон политической элиты более «закрыт», герметичен, чем высший (федеральный). Процессы кадровой рециркуляции на региональном уровне власти и управления менее интенсивны. В значительной мере это обусловлено протекционизмом, патриархальной политической культурой. Неформальные связи и отношения пронизывают элиту, определяя ее «глубинную» структуру. Местная политическая элита пополняется за счет элитарного резерва, т.е. по неформальным каналам (по протекции). Властная элита является замкнутой, консолидированной; конкуренция её группировок носит конъюнктурный и «постановочный» характер. Статистика фиксирует стремительное «закрытие», консервацию состава элиты в постсоветское десятилетие. Так, в 1994-1997 гг. в правящую элиту региона вошло всего 5% новых членов. Позитивным сдвигом, по мнению исследователя, является повышение удельного веса гуманитариев. К концу 1990-х гг. административная монополия технократов, характерная для партийно-советской власти, была существенно ослаблена. Автор считает это положительной долгосрочной тенденцией, связывая с ней повышение инновационности и социальной ориентации региональной политики.

В диссертации Д.В. Дудкиной предметом изучения является региональный аспект кадровой политики РСДРП(б)-ВКП(б)-КПСС⁴⁵. Эта проблематика рассматривается в широком временном диапазоне (1917-1991 гг.) без территориальной локализации, т.е. на общесоюзном материале. Данные по Средневолжью приводятся только для конкретизации отдельных положений исследования. Автор отмечает, что этапы кадрового развития местной власти соответствуют (с небольшим временным лагом) годам правления партийных вождей. Механизм кадровой политики не был полностью институционализирован и во многом зависел от личности генсека. Изменения в персональном составе высшей власти сопровождались ротацией региональных кадров. Кроме того, имело место своеобразное индуцирование качеств вождя в системе власти, копирование стиля его деятельности подчиненными. В исследовании отмечено, что кадровая эволюция местной власти с начала 1960-х гг. была весьма противоречивой. С одной стороны, происходил рост образовательного уровня сотрудников партаппарата, повышение удельного веса технократов, прагматиков. Вместе с тем проявилась, особенно с 1970-х гг., феодализация региональной власти, состоявшая в распространении кумовства, nepотизма, протекции; превращении секретарей обкомов в «хозяев» регионов; фрагментации системы власти, усилении ведомственных барьеров; функциональном нивелировании партийных и хозяйственных органов. Эти черты усилились к началу 1990-х гг., когда слом номенклатурного кадрового механизма привел к тому, что личные связи стали практически единственной основой формирования кадрового состава местной власти. Отмеченные тенденции имеют значительную инерцию и проявляются в системе постсоветской государственности.

В «Истории Самарского Поволжья...» рассматривается новейшая история социума, а не власти⁴⁶. Это объясняется – в известной мере – стремлением авторов преодолеть «наследство» историко-партийной историографии, в которой история края в XX веке почти отождествлялась с историей парторганизации. В очерках, охватывающих период 1960 – 1990-х гг., рассматриваются такие сюжеты, как: развитие образовательной инфраструктуры,

научные коллективы региона и их достижения, события театральной и литературно-художественной жизни, крупнейшие историко-краеведческие проекты, общественно-политические акции, динамика уровня жизни. При анализе социально-политического развития области в 1980-1990-е гг. рассматривается не политико-административная «верхушка», а массовые процессы: общественные ожидания, неформальные общественно-политические структуры, проявления общественного протеста, избирательная активность. Вместе с тем дается очень сжатая характеристика некоторых представителей губернского и городского руководства. В исследовании отсутствуют данные о структуре и составе органов власти, политических партий, количестве госслужащих, административных и хозяйственных руководителей. Этот коллективный труд подытоживший развитие краеведения в послесоветское десятилетие, показывает, что к концу 1990-х гг. изучение элит было не «в тренде» самарской краеведческой историографии.

Наряду с исследованием региональной элиты «вообще» (как коллективного субъекта) задачей историографии является изучение качеств ее отдельных представителей. Это направление исследований представлено биографическими очерками, справочниками, энциклопедическими изданиями. Партийные региональные руководители были не политиками, т.е. публичными деятелями, а администраторами. Борьба за должности происходила внутри партийного аппарата («бюрократическая демократия»). Поэтому отсутствовала практика регулярного информирования населения о фактах биографии, личных качествах, административном и хозяйственном опыте номенклатурных работников. Лаконичные биографические характеристики руководителей области/города публиковались в местной печати, как правило, при вступлении в должность, назначениях, должностных переводах и т.д. Единственной историко-биографической работой в советские годы стал сборник «Они служили народу»⁴⁷. Он содержит очерки партийно-революционной и государственной руководителей города (края, области) до 1954 г. Для биографий, представленных в сборнике, характерна некоторая героизация деятельности местной парторганизации и ее руководителей, пафос «борьбы за

социализм». Другими словами, в этом издании акцентирована идейно-воспитательная функция. Событийно-фактическая сторона биографий дана сжато; приводятся только даты важнейших должностных назначений.

Марксизм, признающий субъектом истории только макро-группы, сдерживал развитие историко-биографических работ; в начале 1990-х гг. эти методологические ограничения были сняты. В первой половине 1990-х гг. крупным социокультурным проектом стало издание «Историко-культурной энциклопедии Самарского края»⁴⁸, включающей биографические сведения о выдающихся людях – администраторах, военных, революционерах, организаторах производства, деятелях культуры и науки – оставивших след в истории Самарского края. Сухие биографические факты позволяют, тем не менее, наглядно представить взаимосвязь «малой» (региональной) и национальной истории.

Коллектив самарских архивистов подготовил биографический справочник о руководителях губернской (краевой, областной) парторганизации в 1917 – 1991 гг.⁴⁹ В нем приведены датированные факты служебной и – в меньшей степени – личной биографии партийных руководителей. Выводы и оценки, содержащиеся в справочнике, в основном соответствуют партийным документам, что придает ему сходство с работами предыдущего, историко-партийного этапа историографии.

Персональные данные руководителей властных структур содержит сборник «Политики Самарской области: кто есть кто»⁵⁰. Его составители «агрегировали» биографические сведения, фрагментарно представленные в разных информационных ресурсах (СМИ, материалы избиркомов). Биографический материал систематизирован по персоналиям и уровням управления (район, город, область). Авторы этого сборника ограничились комбинированием фактов, т.е. информационно-поисковой (не аналитической) работой. Состав сведений, характеризующих политическую элиту, ограничен и однороден (унифицирован). Приводится только дата рождения, занимаемая должность, данные об участии в выборах. Социально-профессиональные, образовательные характеристики (тем более качественные параметры) политической

элиты отсутствуют. На основе этого материала можно строить простые количественные модели, позволяющие выявить некоторые закономерности («регулярности») формирования и движения состава политической элиты. Отсутствие научно-справочного аппарата и аналитической обработки материала позволяют заключить, что это издание имеет справочный, а не научно-исследовательский «формат». Терминологической погрешностью является использование понятия «политик» в отношении глав администраций и муниципалитетов. По нашему мнению, эта работа имеет ценность не как историографический источник, а, скорее, информационный указатель (вроде архивного справочника), ориентирующий исследователей в массиве персональных данных.

Важнейшие события в политической жизни региона – электоральные кампании – стали предметом монографического исследования⁵¹. В работе, подготовленной коллективом авторов (И.В. Манаенков, И.А. Носков и др.), рассматриваются выборные мероприятия конца 1980-х – 1990-х гг. Нижней хронологической гранью исследования являются 1989–1990 гг., когда в систему власти был внедрен принцип «состоязания», публичной конкуренции. Авторы рассматривают комплекс факторов, определявших ход выборов – социально-экономическая обстановка, нормативно-правовое обеспечение, организационный «антураж». Весьма интересен анализ динамики электоральных предпочтений населения региона. Исследователи выделяют основные электоральные группы, их социально-профессиональные и демографические характеристики. Одним из сюжетов исследования является политическая география региона, т.е. взаимосвязь между территориальным делением и настроениями «электората». В монографии отмечена «наивность» политтехнологий этого периода (в сравнении со следующим десятилетием). Продуманное выстраивание имиджа, позволяющее переломить «естественное» течение перевыборов, не было характерно. Поэтому результаты региональных выборов были прогнозируемы, «предзаданы». В исследовании «соблюдены» границы темы; не рассматриваются более широкие, выходящие за её рамки вопросы (состав элиты, её численность и т.д.). Вместе с тем, социопрофессиональные и возрастные харак-

теристики депутатского корпуса, приведенные в работе, имеют, на наш взгляд, значительную ценность. Их можно, с известными оговорками, экстраполировать на другие группы региональной элиты. Авторы придерживаются «феноменологического» подхода к выборным кампаниям, избегая умозрительных суждений о подоплеке выборов, политико-финансовых группах влияния, стоящих за отдельными депутатами и т.д. Тенденция политического процесса, отмеченная в исследовании, состоит в расширении участия в нем столичных политиков. Ее закономерным итогом (в «путинский» период) представляется переход к назначению (завуалированному, позднее явному) глав региональной власти.

«Галерею» исторических портретов представляет собой работа краеведа Г.В. Алексушина⁵². Это сборник биографий «власть имущих» (политиков, администраторов), возглавлявших губернию (край, область) в 19-20 вв. Анализ их биографий помещен в контекст («интерьер») региональной истории. Биографические факты, скрупулезно подобранные исследователем, характеризуют личность «первых руководителей», их карьерное «восхождение», результаты деятельности. Жизнеописания руководителей региона являются эффективным (эвристичным) методом изучения региональной истории. Региональные лидеры являются «репрезентантами» местной управленческой элиты, носителями ее типичных черт. С другой стороны, личные качества губернских «столоначальников» оказывали влияние на развитие региона; поэтому вполне уместна периодизация региональной истории по «первым лицам». Работа Г.В. Алексушина не является сборником фрагментарных, разрозненных очерков. В ней присутствует единство (не только формальное), связанное с наличием «сквозных» исторических сюжетов. Автор активно использует сравнительный метод, сопоставляя карьеру, социальное происхождение, образование руководителей дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Например, о последнем – среди рассматриваемых в работе – региональном руководителе К.А. Титове историк пишет: «Его возраст совпадает с возрастом большинства самарских губернаторов прошлого века, он имеет более высокий уровень образования. Но, в отличие от большинства губернаторов доре-

волюционного периода, Константин Алексеевич свой, а не приезжий, чужой человек». Такой подход позволяет проследить преемственность и, с другой стороны, вектор изменений на вершине властно-административной «пирамиды».

В издании «Самарцы в Москве: Страницы истории Самарского землячества» приводятся справочно-биографические сведения о жителях Самары, сделавших карьеру в столице, сумевших войти (инкорпорироваться) в федеральную элиту⁵³. Эмпирико-биографический материал, содержащийся в работе, позволяет делать статистически достоверные обобщения о механизмах рекрутирования «регионалов» в «столичную» элиту; социальных каналах, соединяющих региональный и высший эшелоны власти; соотношении личностных и социальных факторов в карьере «элитариев». В работе имеются «прямые» и косвенные свидетельства о способах служебного «продвижения», (личные связи, протекция, «земляческая» солидарность), являющихся обратной, «теневой» стороной карьеры.

Биографические данные глав города (1918-2010 гг.) приведены в работе А.Ю. Чухонкина⁵⁴. В ней «языком фактов» характеризуется служебная карьера и общественно-политическая деятельность руководителей городской власти.

В «Энциклопедическом словаре биографий современников» (проект «Россия XXI век») Самарской области посвящено 5 книг (2002-2008 гг.)⁵⁵. Он содержит биографические материалы о наиболее активной части населения региона. Это люди, занимающие ведущие позиции в различных областях деятельности (управление, производство, образование и т.д.); их можно отнести к элите в расширенной трактовке этого термина. Биографии представляют собой не перечень фактов, а индивидуализированные характеристики, основанные в том числе на материалах бесед, интервью и включающие сведения об увлечениях, интересах и т.д. Этот справочник в основном отражает социальные реалии начала 21 века; однако приводится немало сведений по предыдущему десятилетию.

Общей чертой историко-биографических работ, снижающей их ценность, является справочный характер, сжатость и эмпи-

ризм. В этом отношении несколько выделяется историко-документальная работа о «рыцаре» партийной идеологии (в ее национал-большевистском варианте) Николае Петровиче Пашенцеве⁵⁶. Воспоминания коллег и современников, приведенные в работе, отмечены пиететом к этой яркой (на фоне общего конформизма) личности; в них характеризуется вклад Н.П. Пашенцева в развитие системы образования в Куйбышеве/Самаре; подчеркивается его научно-педагогический уровень, незаурядность как лектора. Документальный материал исследования позволяет проследить идеологические корни кризиса советской системы, ослабление идейно-информационных «скреп», цементирующих партийную власть; идеологический хаос и эклектику постсоветского периода.

Своеобразной репрезентацией современного состояния самарского краеведения (и шагом в его развитии) является «Энциклопедия Самарского края» (2010-2012 гг.)⁵⁷. Её содержательность обусловлена видовым разнообразием публикаций; она включает обзоры административного и социально-экономического развития Самарской области (губернии), материалы по персоналиям, статьи по истории местной власти и т.д. При подготовке энциклопедии было заполнено немало «лакун» в истории края. Поэтому исследовательское значение «Самарской энциклопедии» не уступает информационно-справочному. В ней введены в оборот новые сведения о кадровой и структурной динамике местных органов власти во второй половине XX века; приведены краткие биографии партийных, государственных, хозяйственных руководителей.

Как известно, исследовательский процесс предполагает последовательное усложнение предмета изучения до уровня его объекта. В исследовании элит, несмотря на стремительное (скачкообразное) расширение проблематики и информационной базы исследований в 1990 – 2000 гг., многие стороны объекта практически не «освоены» исторической наукой. Среди актуальных задач исследования можно, на наш взгляд, выделить: механизм преемственности советской и российской элит, роль региональной элиты в социально-политических трансформациях конца 1980-х – начала 1990-х гг., неформальные связи и каналы влияния в со-

ставе элиты. Также необходимо изучение биографических характеристик представителей региональной власти.

Анализ историографии позволяет «экономить» интеллектуальные затраты. Использование материала и выводов других исследователей существенно упрощает научный поиск. Однако с точки зрения новизны и репрезентативности исследования важнейшее значение имеет анализ первичных ретроспективных документов, т.е. исторических источников. Многогранность, «трудноуловимость» предмета элитологических исследований предполагает – в качестве обязательного условия – использование разнообразных в видовом отношении источников. Анализ различных с точки зрения происхождения и видовой принадлежности источников позволяет проверять (путем сопоставления) их достоверность, надежность, обосновывать выводы в том числе на основе косвенных, «непрямых» свидетельств. Подчеркнем такую специфику источников по истории региональной власти, как конфиденциальный статус многих ретроспективных документов (ввиду содержания персональных данных), секретность отдельных сторон деятельности политико-хозяйственной элиты, целенаправленное искажение или даже дезинформация в документах, фиксирующих деятельность элиты и ее результаты. Стоит также заметить, что источники являются объективированным (овеществленным) знанием, в то время как элитологические исследования предполагают изучение, в том числе, «виртуальных» (субъективных) явлений: самосознание (идентичность) элиты, ее ценностные ориентиры, умонастроения, лояльность, мотивация и т.д. Это выдвигает на первый план проблему интерпретации сведений, содержащихся в источниках, «распаковки» смыслов, определявших деятельность управленческой элиты.

По обобщенному критерию, учитывающему целевое назначение, происхождение и правовой статус источников, их можно разделить на пять групп: 1) законодательно-нормативные и директивные документы; 2) делопроизводство партийно-государственных органов; 3) статистические материалы (опубликованные и архивные); 4) мемуары и воспоминания; 5) материалы периодической печати.

Если ретроспективные документы рассмотреть с точки зрения нормативной субординации, то наиболее высокий статус имеют правовые акты органов власти. Эта группа источников необходима для изучения нормативных и организационных основ формирования состава органов политико-административного и хозяйственного управления, организации в них кадровой работы. Коммунистическая партия, имея формальный статус общественной организации, фактически была основой государственности. Поэтому в контексте исследования элит необходимо изучение регламентирующих документов Коммунистической партии, прежде всего Устава⁵⁸. Статус правовых актов имеют также распорядительные и директивные документы руководящих (представительных и исполнительных) органов партии: Центрального (областного, городского) комитетов, постановления и решений областных и местных партконференций. В постсоветский период видовой состав и иерархия нормативно-правовых актов кардинально изменилась. Тем не менее, по-прежнему действует общее правило: информационное значение правовых актов коррелирует с их статусом и уровнем принятия (утверждения). Поэтому в изучении регионального политико-административного процесса в постсоветский период важнейшее значение имеют законы, принятые Самарской Губернской Думой, постановления Самарской городской Думы, губернатора и мэра; уставы территорий, представляющие собой правовую «квинтэссенцию» местного управления⁵⁹.

Высокий информационный потенциал имеет вторая категория источников – материалы общего и специального делопроизводства органов местной власти. В советской системе управления кадровые решения принимались в партийном аппарате. Поэтому первостепенное значение уделено изучению делопроизводственных документов областного, городских и (выборочно) районных комитетов партии, а также партъячеек⁶⁰. Главной подсистемой делопроизводственных документов является организационно-распорядительная (так называемая общая) документация. Она представляет собой иерархический массив документов, в котором по статусу и полноте информации можно выделить протоколы – важнейший документ коллегиальных партийных органов (кон-

ференций, пленумов, бюро, секретариатов). Тексты докладов и выступлений партработников, зафиксированные в протоколах, носят в основном весьма безликий характер; для них характерны «обтекаемые» формулировки, «общие места», пропагандистские штампы. Тем не менее, протоколы позволяют, в сочетании с другими источниками, исследовать неформальные связи и отношения в руководящих партийных структурах; рассмотреть отношение партийных работников к различным общественно-политическим и социально-экономическим явлениям. Протоколы и приложения к ним (списки, письма, характеристики) важны при анализе персонального, должностного и социального состава руководящих органов ВКП (б) – КПСС. На основе протоколов и приложений к ним можно изучить порядок принятия решений по кадровому составу, их основание; проследить изменения в составе номенклатуры партийных комитетов. Анализ докладов, выступлений и решений, зафиксированных в протоколах, позволяет раскрыть отдельные аспекты механизма контроля над деятельностью региональных партийных кадров.

Наиболее многочисленную группу делопроизводственных документов парткомов составляет информационно-справочная документация: письма, записки, сводки, перечни, заявки, отчеты, характеристики и др. Самые распространенные виды документов – письма, служебные, объяснительные и докладные записки – связаны с оперативным управлением, текущей работой, и поэтому содержат очень фрагментарную информацию о кадрах партийного аппарата и его подразделений. В переписке можно выявить сведения о стиле деятельности партийных руководителей и партаппарата, взаимоотношениях в среде партработников. Более содержательны сводные документы, включающие вторичную информацию: списки, отчеты, перечни, сводки. Значительный интерес представляют регулярные отчеты о работе структурных подразделений областного и городского комитетов ВКП (б) – КПСС. Отчеты отделов кадров и партийных, профсоюзных и комсомольских органов дают «срез» работы с кадрами в Куйбышевской парторганизации за отчетный период. Однако невысокая сохранность этих документов в фондах Самарского областного государ-

ственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ) не обеспечивает необходимой полноты информации.

Наибольшим информационным потенциалом в контексте изучения кадровой динамики региональных органов КПСС обладают персональные и личные дела партийных работников. Они идентичны по составу сведений, но различаются по целевому назначению и условиям возникновения. Персональное дело является дополнением к личному делу, справкой на соответствующего работника. Материалы этих источников могут быть обработаны методами как количественного, так и качественного анализа. Личные и персональные дела партработников дают ценный материал для изучения норм, образцов поведения, коллективной идентичности региональной партноменклатуры, ее социально-профессиональных характеристик.

Третья группа источников – статистические материалы – выделена по форме представления информации. Статистические документы содержат формализованные, т.е. количественные данные. Они имеют унифицированную табличную форму, позволяющую наглядно представить взаимосвязь между объектами и их количественными показателями. Отчетно-статистические документы ориентированы «по вертикали», то есть относятся к вертикальному информационному потоку. Как правило, они предназначены для руководства (восходящий поток) или для массовой аудитории (нисходящий поток). Достоверность отчетно-статистических документов существенно зависит от их адресации. Отчетная документация «для служебного пользования» более надежна, чем опубликованная статистика. При этом имеет значение характер информации; например, искажения сведений о штатной численности менее вероятны, чем о материальном обеспечении чиновников, поскольку вторая категория сведений затрагивает личные и корпоративные интересы управленцев. Полнота информации зависит от уровня управления; для более высоких уровней служебной иерархии предназначались сводные (как правило, более ценные), менее детализированные сведения. Отчетно-статистическая документация составляла одну из подсистем служебных документов партийных органов власти⁶¹. Подразделения партко-

мов, ответственные за организацию партийного учета, составляли регулярные отчеты по унифицированным формам (разработанным в ЦК) о составе областной парторганизации, его движении. С 1960 г. состав комитетов и первичных ячеек партии характеризовался в статотчетах по следующим критериям: распределение коммунистов и кандидатов по возрасту, партийному стажу, образованию, отраслям экономики, социoproфессиональным группам и т.д. Отчетно-статистические документы информативны при их массовом использовании; ввиду высокой формализации (унификации) их удобно использовать в качестве материала для создания автоматизированных баз данных.

Мемуары (воспоминания) представителей политико-административной элиты относятся к источниками личного происхождения. По информационным характеристикам они являются, в значительной мере, противоположностью (и дополнением) официальных документов (нормативных, делопроизводственных). В них представлено авторское видение явлений и событий; при этом субъективный фактор (психологические установки, избирательность восприятия и памяти) неизбежно вносят искажения в излагаемые факты. Существуют научные процедуры, позволяющие элиминировать этот недостаток воспоминаний: сопоставление с другими источниками, оценка фактов с точки зрения логики, психологической достоверности. С другой стороны, субъективизм мемуаров представляет ценность, поскольку позволяет рассмотреть интересы, особенности психологии автора и – опосредованно – его социальной группы. Мемуары (воспоминания) полнее других источников характеризуют неформализованные аспекты государственного управления: механизм согласования и принятия решений; неформальные группы, контакты и связи, внутриаппаратная борьба. Опубликованные воспоминания ориентированы на массовую аудиторию, что с точки зрения исследователей является, скорее, недостатком, поскольку факты и явления, интересные для профессионала (количественный и должностной состав элиты, ее стратификация, повседневный, рутинный механизм управления и т.д.) представляются «скучными» большинству читателей. При подготовке к публикации такие материалы иногда исключаются

редакторской правкой. Среди личных источников по истории административно-хозяйственного управления в регионе следует выделить мемуары А. Росовского, возглавлявшего «вертикаль» советской власти в г. Куйбышеве в 1964-1982 гг.⁶². Книга его воспоминаний содержит материал об инициировании, разработке, корректировке и выполнении хозяйственно-инфраструктурных проектов, определивших современный облик города: строительство новых микрорайонов, гостиниц «Россия» и «Театральная», моста «Южный», цирка и Дворца спорта, метро и т.д. Основная идея мемуаров (не выраженная явно) состоит в утверждении созидательного потенциала городской партийно-советской власти, мифологичности понятия «застой». Характерно, что автор почти не упоминает городской и областной парткомы, уделяя вместе с тем большое внимание взаимодействиям с центральными органами – ЦК, отраслевыми министерствами, НИИ, Госпланом. Это свидетельствует о высокой – мобилизационного типа – централизации хозяйственного управления городом, и том, что одной из главных компетенций руководителя областного центра было умение «решать вопросы» в столице, лоббировать местные интересы.

В мемуарах ректора Куйбышевского политехнического института, секретаря областного парткома Н.Н. Панова⁶³, напротив, небольшое внимание уделяется организационно-распорядительной деятельности (вероятно, из соображений читабельности). В его мемуарах приводятся лаконичные, эмоционально-окрашенные характеристики региональных чиновников – секретарей обкома и др. Значительный интерес представляет материал о разработке, детализации и воплощении проектов по развитию высшего образования в городе – создании железнодорожного института, института культуры и др. Важен вывод автора – «главного по идеологии» в области – о том, что он и другие партработники были настроены прагматически, воспринимая марксистские фразы, идеологические клише как условность, вербальный ритуал⁶⁴. Т.е. напряжение идеологического поля было минимальным, что объясняет легкость изменения политико-идеологической системы на рубеже 1990-х гг.

Книга В.В. Рябова не является «классическими» мемуарами; это сплав воспоминаний, документальных свидетельств и аналитики⁶⁵. Авторские размышления, ретроспективный анализ включены в «ткань» воспоминаний. Автор, полагая себя второстепенным политическим «персонажем» (В.В. Рябов длительное время возглавлял партком ЦК), «стержнем» мемуаров сделал не личную биографию, а функционирование высшего политического института – Центрального комитета КПСС. Анализ деятельности ЦК не является самоцелью. Автора интересуют причины распада СССР; почему система власти, казавшаяся несокрушимым монолитом, рухнула – по историческим меркам – в одночасье. Поиск ответа на этот вопрос является своеобразной «доминантой» мемуаров Виктора Васильевича Рябова. Основными сюжетами в книге его воспоминаний являются: работа коллегиальных органов ЦК, «портреты» партийных деятелей, механизм выработки «принципиальных» решений. Практически все внимание уделяется высшему руководству; сотрудники региональных органов – изредка упоминаемые – предстают «фигурантами», статистами. Вместе с тем мемуарист приводит сведения о «провинциальном» этапе карьеры партийных «боссов», кадровом резерве центральной власти, курировании региональных чиновников партийными «боссами» и т.д.

Широкий спектр общественно-политической информации содержится в материалах периодической печати, существенно дополняющих источники архивного происхождения. С точки зрения изучения «когорты» управленцев пресса дает разнообразную и вместе с тем мозаичную, фрагментарную информацию о кадровых назначениях, перестановках в региональном эшелоне власти, официальные комментарии к кадровым решениям, краткие биографии политиков и хозяйственников, программы и декларативные заявления представителей власти и т.д. Вместе с тем эти сведения, почерпнутые в газетной периодике, требуют критического «фильтра», поскольку подача полной, достоверной информации является далеко не единственной (даже не главной) целью газетных публикаций. Их назначением является воздействие на аудиторию, «коррекция» общественного мнения, «тиражирование»

определенного образа власти. Газетная периодика ориентирована на массовые ожидания и поэтому в большей степени отражает господствующие умонастроения, чем объективные политические, организационно-кадровые процессы. Если для публикаций в советской печати характерна «лакировка» деятельности региональной власти, то в российской прессе 1990-х гг. получил распространение негативизм, стремление к сенсационности; публикация «горячей», но непроверенной информации (на уровне «политических сплетен»), использование публикаций в качестве технологий политической конкуренции. Принимая во внимание ангажированность газетных изданий, нужно знать «спонсора», владельца соответствующего информационного ресурса. Так, газеты «Волжская коммуна», «Волжский комсомолец» и «Волжская заря» были печатными органами, соответственно, областного партийного и комсомольского комитетов, Куйбышевского горкома КПСС. В 1990-е годы область осуществляла бюджетное финансирование газеты «Самарские известия»; «Самарская газета» находилась «на балансе» городской власти⁶⁶.

Подводя итоги, заметим, что в исследованиях новейшей общественно-политической истории недостаточно используется потенциал неопубликованных воспоминаний представителей местного руководства. Только в единичных работах активно используются материалы, которые автор получил путем опроса (интервью, анкетирования) бывших носителей власти. Кроме выбора источников большое значение имеют методы их обработки. Целесообразно освоение исследователями биографического метода для реконструирования карьер в «элитной» среде. Наконец, весьма интересные результаты может дать формирование на основе ретроспективных документов электронных массивов информации (банков и баз данных) с целью их количественной (статистической) обработки. Значительная часть источников о деятельности элит находится в режиме ограниченного доступа – текущее кадровое делопроизводство, ведомственные архивы. Однако, как заметил выдающийся социолог А.А. Зинovieв, «для понимания сути социальных процессов достаточно общедоступной информации»⁶⁷.

Примечания

- ¹ Фурсов А.И. Далекие зеркала: 1913 – 2013 гг. URL: <http://ana-pro.com/category/16/article/2019>
- ² Пигалев П.Ф. Местные партийные органы – органы политического и организационного руководства. М., 1962.
- ³ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965.
- ⁴ Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972.
- ⁵ Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст. / сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982.
- ⁶ Муравьев Е.Ф. Повышать качество нашей работы // Там же. С.3-23.
- ⁷ Тимошин Н. За четкую систему контроля // Там же. С. 153-165.
- ⁸ Трегубов Н. Главное – действенность. Куйбышев, 1970;
- ⁹ Партийная организация области в цифрах // Блокнот агитатора. 1973. №20. С.5-8.
- ¹⁰ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев, 1983.
- ¹¹ Суслов Ю.П. История партийной организации Поволжья (Краткий историографический обзор. 1971 – 1979 гг.) // История партийных организаций Поволжья. Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. II. Саратов, 1983. С.92-110.
- ¹² Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966; Он же. Миф об элите. М., 1964; Он же. Доктрина «массового общества». М., 1971; Он же. Материал к лекции на тему «реакционная сущность идеалистических теорий о роли народных масс и личности в истории». М., 1957.
- ¹³ Ашин Г.К. Вторжение без оружия: идеологическая борьба в современном мире и «массовая культура». М., 1985.
- ¹⁴ Ашин Г.К. Элитология: учебное пособие. М., 2005.
- ¹⁵ Яцков В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М., 1986.
- ¹⁶ Борисов Ю.С. Становление командно-бюрократической системы // Эко. 1989. № 1; Зевелев А.И. Истоки сталинизма. М., 1990; Кочерга Б.Н. Советская бюрократия: путь к власти (исторический

- очерк) // Вестник высшей школы. 1990. №12; Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989 и др.
- ¹⁷ Волжская заря. 1989. 24 ноября.
- ¹⁸ Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- ¹⁹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- ²⁰ Авторханов А. Технология власти. М., 1991.
- ²¹ Зиновьев А.А. На пути к свехобществу. М., 2008; Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994; Зиновьев А.А. Русский эксперимент. М., 1995; Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект (сборник). М., 2009 и др.
- ²² Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты России - от организации «профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис. 1994. № 6; Каратуев А.Г. Советская бюрократия. Система политико-экономического господства и ее кризис (1919-1991). Белгород, 1993; Мерзляков Л.И. Номенклатура и тоталитаризм: характер симбиоза // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994; Пугачев Б.М. развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 16-28; Чешков М. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С.32-43.
- ²³ Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2003. №3. С.97-103.
- ²⁴ Там же. С. 99-100.
- ²⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т.1-3.
- ²⁶ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2005; Она же. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 51-65.
- ²⁷ Архипова Т.Г. Номенклатура в посттоталитарной России // Чтения памяти профессора Т.П. Коржихиной «Российская государственность: опыт и перспективы изучения». М., 1995. С.118-221.
- ²⁸ Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. 1950-1990 г. Пермь, 1998; Он же. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003; Он же. Элитизм и исто-

рия: проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Он же. Топология политического пространства. Пермь, 2002; Он же. Номенклатура: социальная группа или социальный институт? // Социология. 2007. № 1; Он же. Об определении понятия «элита» // Общество и экономика. 2008. № 3-4.

²⁹ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003. С.5-7.

³⁰ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945-1991 гг.). Кемерово, 2006; Он же. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири в 1945-1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук Кемерово, 2006; Он же. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943-1964 гг.): дис. ... канд. ист. наук Кемерово, 1999.

³¹ Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995; Он же. Олигархическая и демократическая тенденции в РКП (б) начала 1920-х гг.: на материалах Сибири: дис. ... д-ра ист. наук Новосибирск, 1996.; Он же. Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию, 1919-1924 гг. Новосибирск, 1992.

³² Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956-1991 гг.: на примере Иркутской области: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

³³ Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953 – 1964 гг. / сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2009.

³⁴ Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945-1982 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965-1970 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.

³⁵ Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара, 2003; Мухаметшина Н.С. Этническая «символьная элита»: некоторые подходы к исследо-

ванию. URL.: http://www.viuonline.ru/tl_files/docs/bulleten/1Muham11.docx.

³⁶ Матвеев М. Н. Власти и общество в системе местного самоуправления России в 1993-2003 годах. Самара, 2006; Он же. Советская власть Самары в 1991-1993 годах. Самара, 2006; Он же. Власть и общество в системе советов народных депутатов в 1977-1993 годах. Самара, 2005

³⁷ Матвеев. М.Н. Власть и общество в системе народных депутатов в 1977-1993 годах. Самара, 2005. С.55-57, 67-69 и др.

³⁸ Милых А.Ю. Технократизм в политическом процессе российского общества: Дис. ... канд. полит. наук М., 2010; Кислицин С.А. Научная элита в системе политической власти. М., 2008; Николаев А.Н. Становление технократической элиты в России. Саратов, 1995; Волосов Е.Н. История технократической элиты Ангаро-Енисейского района: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012; Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе. 1960-1980-е годы (региональный аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003.

³⁹ Ланге К.Л. Становление современной системы региональных органов государственной власти в 1993-1999 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.

⁴⁰ Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985-1991 гг. Самара, 2002.

⁴¹ Макарова И.Н. Состав работников в органах управления народным образованием Куйбышевской области в 1955-1964 гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/1(93).

⁴² Лапина Н., Чириков А. Региональная власть в России: парадоксы становления // Общество и экономика. 1999. №5. С.127-157.

⁴³ Александров А. Самарская область: политические процессы, 1997-2000 гг. // Феномен Владимира Путина и российские регионы: необходимость или закономерность? Сб. ст. М., 2004. С.141-187.

⁴⁴ Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области. URL.: http://www.civisbook.ru/files/File/1999_3_Kupriyanicheva.pdf.

- ⁴⁵ Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный госаппарат (1917-1991 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.
- ⁴⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998 гг.). М., 2000.
- ⁴⁷ Они служили народу / Сост. Попов Ф.Г., Яковлева А.П. Куйбышев, 1968.
- ⁴⁸ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993-1995.
- ⁴⁹ Коммунистическая партия в портретах ее лидеров, 1917-1991 гг.: биограф. справ. / науч. рук. Парамонов В.Н. Самара, 2010.
- ⁵⁰ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 гг.). Самара, 1999.
- ⁵¹ Манаенков И.В., Носков И.А., Марченко Г.И. Выборы депутатов высших органов законодательной власти (Самарская область. 1989-1995). Самара, 1999.
- ⁵² Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996.
- ⁵³ Самарцы в Самаре: Страницы истории Самарского землячества / Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самара, 2011.
- ⁵⁴ Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года. Самара, 2010.
- ⁵⁵ Энциклопедический словарь биографий современников «Вся Россия – XXI век». Кн.1. Самара, 2002; То же. Кн.3. Самара, 2005; То же. Кн.4. Самара, 2006; То же. Кн.5. Самара, 2008.
- ⁵⁶ Шеремеев Е.Е. Николай Петрович Пашенцев (1921-2011 гг.): искусство публично мыслить. Самара, 2012.
- ⁵⁷ Энциклопедия Самарской области. Самара, 2010-2012. Т.1-6.
- ⁵⁸ Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1986. Т.11:1966-1970. 9-е изд., доп. и исправ.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1986. Т. 10 : 1961-1965. 9-е изд., доп. и исправ. И др. Устав Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1986. Т.11:1966-1970. 9-е изд., доп. и ис-

прав.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1986. Т. 10: 1961-1965. 9-е изд., доп. и исправ. и др.

⁵⁹ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-5033, 5035, 5140, 4758 и др.

⁶⁰ Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656, 8775, 8774, 8852, 7206, 714, 8249, 8313, 8715, 1474, 7221, 46.

⁶¹ Там же.

⁶² Росовский А. О времени и о себе. Самара, 2006.

⁶³ Панов Н.Н. Мой Куйбышев, моя Самара // Волжская коммуна. 2003. 11, 18, 20, 25 декабря; 2004. 15, 22 января.

⁶⁴ Волжская коммуна. 2004. 15 января.

⁶⁵ Рябов В.В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005.

⁶⁶ Волжская заря. 1960-2000; Волжская коммуна. 1960-2000; Волжский комсомолец. 1060-2000; Самарская газета. 1990-2000.

⁶⁷ Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия: публицистика 1991-1995 гг. М., 1996. С 84.

РАЗДЕЛ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Вполне закономерно, что проблематика региональной элитологии вышла на первый план научного поиска именно в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в период сложной внутрироссийской общественной трансформации. Вопрос, по сути, был поставлен на повестку дня самой жизнью, происходившими в России кардинальными переменами.

Однако со временем общим местом в рассуждениях российских элитологов стало замечание о том, что «верхушка» новой социальной элиты была плоть от плоти прежней, советско-партийной элиты, основу властных полномочий которой составили овладение и юридическое закрепление прав на государственную собственность, превращение ее в частную⁶⁸. Как указывает один из основателей российской элитологии Г.К.Ашин, «Во многих регионах страны...дело обошлось в основном заменой кадров в самых верхних эшелонах власти, а то и просто ограничилось снятием наиболее одиозных фигур. В средних и низших эшелонах власти сохранилась прежняя партийно-советская номенклатура»⁶⁹.

По мнению специалистов, в 1990-е годы, несмотря на существенное изменение территориально-государственного устройства России, механизмов формирования политических элит (на смену принципу назначения пришли выборы) и характера взаимодействия федеральной и региональной элит, федеральный центр сохранил приоритет в отношениях с региональными элитами. При этом при внешней радикальности свершивших в эпоху перестройки перемен, де-факто в настоящее время имеет место «реконструкция формальных элементов советской политической системы, в том числе, свойственной советской системе высокой степени концентрации политических ресурсов»⁷⁰.

Эти заключения вполне применимы и к Куйбышевской/Самарской области. По данным Э.Б.Куприянычевой, в конце 1990-х годов в самарском регионе 84% представителей политической элиты являлись бывшими хозяйственниками, советскими и партийными

работниками. При этом многие из них скрывали свою принадлежность к прежней номенклатуре⁷¹.

В настоящее время специалисты также отмечают явную тенденцию к «закупорке» каналов рекрутирования региональной элиты⁷², то, что движение номенклатурных кадров в основном происходит внутри элиты, а не пополняется свежими кадрами извне⁷³.

Очевидно, что в 1990-е годы региональные элитные группы получили несоизмеримо большие возможности для реализации собственных устремлений по сравнению с предшествующим историческим периодом⁷⁴. Современные исследователи ввели понятие «сложного феномена регионального вызова»⁷⁵ для обозначения неоднозначных процессов противостояния федерального центра и регионов, имевшего место в 1990-е годы.

Можно заключить, что проблематика изучения региональных элитных групп, в особенности политической, имеет, прежде всего, исключительно важное практическое значение, дает возможность представителям властных структур принимать грамотные управленческие решения.

С этим аспектом проблемы также связан и ее теоретический аспект, представляющий интерес для познания цивилизационных параметров развития России, для моделирования исторических процессов в прошлом, и, быть может, в будущем. Изучение феномена региональных элит значимо при условии понимания элиты как субъекта модернизации, которого отличает наличие стратегического (тактического) проекта, «реализующего собственные (а не внешние) интересы и цели», а также наличие политической воли для его реализации⁷⁶. Один из ведущих специалистов в области методологии исторической науки Э.С.Кульпин-Губайдуллин также предлагает рассматривать в качестве ведущих доминант, определяющих логику и результаты модернизации российского социума, не только факторы знания, свободного труда, целесообразности, но и фактор личности и ее воли⁷⁷.

Однако приходится констатировать, что в сознании современной российской элиты не заложена такая ценность, как «развитие», так как исторически модернизация была всегда связана с

чистками «самого политического класса, призванными обеспечить максимальную эффективность управленческого аппарата в качестве агента модернизации»⁷⁸.

Указанные обстоятельства также убеждают специалистов в необходимости проведения исследований в данной области. В настоящий момент существует весьма обширная литература, рассматривающая различные аспекты российской элитологии как науки, изучающей элитные группы и категории, методики и понятийный аппарат, методологию проблемы.

Теоретическое становление и начало развития российской элитологии связано с трудами Г.К. Ашина. Важнейшей заслугой этого автора явилось скрупулезное изучение теории элит в зарубежных исследованиях, при этом автор решительно критикует зарубежные концепции элит, как «буржуазные»⁷⁹. В работах Ашина предметом исследования стали сюжеты генезиса и типологии концепций элит, изучение элитарного образования, сравнительное изучение возможностей взаимовлияния массовых и элитарных групп. В поздних работах автор предпринял попытку соединить марксистскую теорию с формирующейся концепцией элитизма. Г.К. Ашин заявляет, что в широком смысле элита – высшая страта в социальной стратификации. Это доминантное меньшинство общества, являющееся для большинства референтной группой, моделью поведения, формальным и неформальным авторитетом. В более конкретных смыслах стоит говорить о политической элите. Это социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества; группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения. В правящую элиту, помимо элиты политической, включающей людей, занимающих высшие посты в системе управления, входит экономическая элита, контролирующая материальные и финансовые ресурсы общества (эти две элитные группы могут конкурировать между собой). В информационном обществе в состав правящей элиты могут (и должны) входить, пусть в начале его формирования и на вторых ролях, научная, культурная (медийная) элиты. Правящая элита

характеризуется сплоченностью, связанностью взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает ей привилегированное положение в обществе⁸⁰.

В 1990-е годы среди российских исследователей пробудился значительный интерес к теоретическому осмыслению проблем политологии, и, в частности, элитологии. В это же время начали формироваться современные научные центры и школы, работающие в русле данной проблематики (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Пермь).

Одним из первых подобных центров выступил коллектив исследователей из Ростова-на-Дону (А.В.Понеделков, А.Старостин). Исчерпывающее изучение классических и современных концепций элит было проделано А. Понеделковым в работе «Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России»⁸¹. А.В.Понеделков предложил следующую классификацию российского элитизма: элитизм традиционно-сословного общества, номенклатурный и современный. Таким образом, современные элиты России имеют номенклатурное происхождение и сохраняют многие советские традиции. А.М. Старостин внес существенный вклад в изучение региональной специфики элитизма, аспекта эффективности, а также уточнил факторы детерминации элит⁸². Проблематика феномена власти, сравнительное изучение политических режимов, эффективность власти получили исчерпывающее изучение в работах В.Г. Ледяева⁸³.

Важным этапом в становлении российской элитологии явилось формирование коллектива сотрудников Социологического института Санкт-Петербурга, объединенных А.В. Дукой. Значительным результатом деятельности этого научного центра явилось первая систематизация и историография работ по элитологии⁸⁴. Не меньший вклад санкт-петербургские исследователи внесли в изучение региональных элит (на примере северо-западного региона России), особое внимание авторы уделили зависимости внутренних характеристик элит от экономической среды⁸⁵. Согласно концепции А.В. Дуки формирование элит является результатом перехода общества от сословной к классовой структуре.

Следствием этого процесса является замена аристократии элитой. Иными словами, «элита» в понимании А.В. Дуки является исторически определенной формой существования властных групп.

К сожалению, в современной российской элитологии мало применялся историко-ретроспективный подход, вне которого невозможно проследить российский элитогенез. Исчерпывающим образом это пробел был закрыт исследованиями ведущего российского социолога, политолога, элитолога проф. О.В. Гаман-Голутвиной, показавшей проблемный, многофакторный процесс исторической эволюции политических элит России⁸⁶. На данный момент О.В. Гаман-Голутвина является одним из немногих российских элитологов, в исследованиях которых успешно решаются как теоретические и концептуальные проблемы элитологии, так и вопросы, связанные с характеристикой современной российской элиты, выявляются механизмы и каналы рекрутирования элит и их взаимодействие с отдельными социальными стратами⁸⁷. В исследованиях автора представлена обоснованная, логичная типология элит – боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура. Процессы элитогенеза автор связывает с двумя путями развития общества – инновационным и мобилизационным. Исторически в России сложился и преобладал мобилизационный путь: элита формировалась «сверху», по бюрократическому (номенклатурному) принципу. Именно так в России сформировалась советская номенклатурная элита.

Невозможно обойти вниманием организационную и научную деятельность Исследовательского комитета РАН по политической элитологии, благодаря этой работе стало возможным широкое научное обсуждение проблемных сюжетов российской элитологии на регуляторных научных мероприятиях. Итогом данного общения явились этапные коллективные работы «Властные элиты современной России в процессе политической трансформации»⁸⁸ и «Политическое будущее России: взгляд из центра и регионов»⁸⁹.

Развитие российской элитологии в новейшее время имело определенный дисбаланс. Большая часть исследований была посвящена выяснению теоретических оснований предмета и характеристикам современных элит. При этом изучение истории фор-

мирования элит и их эволюции на тех или иных исторических этапах находилось явно на периферии исследовательского интереса. Одной из немногих политологических школ, пристально обратившихся к данным сюжетам являлся коллектив пермских исследователей, возглавляемый проф. В.П.Моховым.

В работах В.П. Мохова на конкретном историческом материале показана трансформация региональной номенклатуры СССР второй половины XX в.. В обобщающем монографическом исследовании «Региональная политическая элита России (1945-1991)» автор скрупулезно характеризует региональную номенклатуру, проводит обширный статистический анализ социальных параметров, биографий и карьерных восхождений руководящих работников структур исполнительной и партийной власти⁹⁰. Всего В.П. Моховым было изучено более 1,5 тыс. личных дел руководящих работников. Исследователь выявил структурные изменения региональной номенклатуры в изучаемый период (охватывающий почти полвека!), предпринял попытку выявления основных социопсихологических характеристик номенклатурных работников.

В понимании В.П. Мохова элитарность является феноменом исключительно индустриального общества. В индустриальном обществе традиционные сословные, классовые стратификации уходят в прошлое, уступают место универсальным, схожим общественным группам, концентрирующим в своих руках руководство политическими, экономическими, культурными процессами⁹¹.

Таким образом, в современной российской политологии существует две концепции определения термина «элита»: 1) аксиологическая, которая предполагает вневременной факт наличия «элит», в значении «лучших», «выдающихся», «избранных» людей любого общества, на любом этапе истории; 2) структурно-функциональный подход, который под «элитой» понимает строго определенную социально-политическую силу, правящую в обществе на определенном историческом этапе.

Для исследований лежащих на стыке исторической науки, социологии и политологии наиболее адекватен структурно-функциональный подход, ориентирующийся на характеристике конкретной исторической эпохи. В таком случае в качестве «элиты» пони-

маются слои населения, имеющие доступ к ресурсам и центрам власти, обладающие общей системой ценностей и образом жизни, сходной психологией, сплоченностью, заинтересованность в сохранении своего положения.

Структурно-функциональный подход максимально адекватен при изучении советской номенклатурной элиты. Модернизация советского государства на всех периодах его истории имела мобилизационные черты, власть концентрировалась и распределялась в единой высшей привилегированной группе. На этом этапе истории России государство обладало монополией на политическое управление, в результате чего верхний эшелон административно-командной системы (бюрократии) автоматический образовывал элиту. И слой элиты, и сама социальная стратификация выстраивались государством сверху вниз.

Изучение советской номенклатуры как исторического явления началось уже на закате советской эпохи. Одним из первых ученых, сконцентрировавшемся на изучении феномена советского партийно-хозяйственного аппарата, выступил видный советский и немецкий историк, социолог и философ М.С. Восленский. Итогом его многолетней научной деятельности явилась обобщающая монография «Номенклатура»⁹², первое издание которой вышло в 1991 г. (не считая более ранних публикаций этого исследования в самиздате). Согласно определению Восленского, номенклатура это прослойка населения СССР и стран Восточного блока, которая занимала различные ключевые административные посты во всех сферах деятельности в этих странах: правительство, промышленность, сельское хозяйство, образование и т.д., как правило, являясь членами Коммунистической партии. Однако понятие советской номенклатуры следует использовать в двух смыслах: в узком это «освобожденные» работники комитетов партии, и в широком все ответственные работники, назначение на должность которых гласно или негласно производилось секретариатами партии (в том числе, председатели колхозов, ректоры институтов, редакторы газет, вплоть до высшей иерархии религиозных организаций). Зачастую допускалось даже формальное голосование при выборе на должность, но установка на требуемого канди-

дата исходила из партии. Второе (широкое) значение и дало основу понятия «номенклатуры» — то есть перечня лиц, подлежащих назначению.

После распада СССР, одним из первых полноценных научных исследований советской номенклатуры выступила работа Коржихиной Т.П., Фигатнер Ю.Ю., выдвинувших тезис, что изучение номенклатуры позволит понять «природу властно-собственнических отношений» в СССР⁹³.

Чуть позже профессор Пенсильванского университета Михаил Левин сформулировал и предложил свое решение двух ключевых проблем изучения феномена номенклатуры: 1) проблема внутренней стратификации, однородности и целостности номенклатуры, наличие имманентного противостояния государственного и партийного аппарата; 2) проблема качества назначений, реализации контроля над кадрами, в том числе, в высших слоях номенклатуры⁹⁴.

Наибольший вклад в изучение, как теоретических аспектов феномена советской номенклатуры, так и практической деятельность регионального партийно-хозяйственного аппарата внес профессор Пермского государственного технического университета В.П. Мохов. Рассуждая о советской номенклатуре как о политическом институте В.П. Мохов отмечает, что номенклатура — это один из тех элементов институционального развития, который обеспечивал непрерывность и преемственность политического порядка российского общества. Но понимание этого феномена неполно: во-первых, до настоящего времени не изучена истинная роль номенклатуры в истории советского общества, в его социальной жизни и механизмах управления.

Во-вторых, очевидно, что советская номенклатура, многие десятилетия являвшаяся ключевым институтом советского общества, не могла исчезнуть без следа в 1991 г. Безусловно, те или иные элементы, механизмы, проявления этого института должны до сих пор присутствовать в российском обществе. Поиск этих элементов, изучение «наследия» советской административной системы, очевидно, должны стать центральными сюжетами будущих исследований⁹⁵.

Изучение проблемы показало, что советскую номенклатуру нужно рассматривать в числе важнейших социальных институтов советского общества, причем института, практически не имеющего исторических аналогов, института яркого и самобытного, имевшего строгую внутреннюю иерархию и законы функционирования. При этом важно понимать, что советская номенклатура была внутренне неоднородна, существовали определенные противоречия между партийными и хозяйственными структурами, изолированное место занимал «силовой» блок. Важное значение имеет и вопрос о том, как мог при внешней устойчивости и прочности номенклатурной системы произойти ее стремительный крах в начале 1990-х гг.

Таким образом, следует констатировать серьезное и обстоятельное изучение российскими исследователями теоретических и методологических проблем элитологии, наличие огромного числа работ посвященных современным российским элитам. При этом вопросы, связанные с изучением советской номенклатуры, особенно на материалах делопроизводства региональных органов власти, продолжают ожидать исследователей.

Общие тенденции существования советской элиты рассматривались рядом исследователей⁹⁶. К примеру, К.Г.Ашин предлагает рассматривать эволюцию советской элиты как четырехступенчатую поколенческую трансформацию: «ленинская гвардия», сталинисты, элита бюрократии и партийных функционеров эпохи Хрущева и Брежнева, «перестроечная» элита⁹⁷.

О.Крыштановская квалифицированно рассуждает о каналах рекрутирования элит, их партийном и номенклатурном прошлом. Она же предлагает свою характеристику специфических черт советской элиты, а именно: номенклатурность, монолитность, иерархичность, отсутствие самовоспроизводства, географическая мобильность, внутренняя ротация, развитая система привилегий⁹⁸.

Особый интерес в контексте данного исследования могут представлять идеи и материалы пермского автора В.П.Мохова, который одним из первых проанализировал этапы становления советской элиты, увязав их с общими тенденциями развития СС-

СР-России. Особенностью его трудов является прекрасное владение источником, умение его препарировать, высокий уровень аналитичности и разработка собственной методики исследования тенденций существования региональной элиты. Наработки В.П.Мохова представляют собой одну из отправных точек для развития региональных исследований, а также для компаративного анализа⁹⁹.

Однако подавляющее большинство общероссийских работ написаны в политологическом и социологическом ключе, с минимальным историческим экскурсом и, как правило, без применения исторических методов исследования. Исключение составляют вышеуказанные работы и ряд региональных исследований. Весьма востребованными являются вопросы изучения процессов консолидации, трансформации различных групп региональных элит (бизнес-элиты, политический, образовательной), их взаимодействия между собой и с федеральным центром.

Региональные исследования, касающиеся Куйбышевской-Самарской области, не отличаются разнообразием. Одной из первых и, на наш взгляд, весьма удачных попыток, изучения местных элитных групп является статья Э.Б. Куприянычевой «Особенности политической элиты Самарской области»¹⁰⁰. В ней впервые была предложена систематизация, типология самарской элиты, корректно выделены проблемы. Однако не бесспорными выглядят типичные черты региональной элиты и, как и во многих других случаях, в работе речь идет практически только о политической элите.

Обстоятельный анализ региональных социологических работ по вопросам элитологии представлен в публикации Д.В.Покатова. Ученый выделяет группу публикаций, посвященных региональным сюжетам¹⁰¹, но практически все они касаются современных реалий и слабо увязаны с историей. Особо отмечается работа А.К.Магомедова, которая направлена на сравнительно-сопоставительный анализ политических элит Поволжья, но в списке рассматриваемых областей Самарская-Куйбышевская отсутствует¹⁰². Политологические, социологические материалы по современным процессам, протекающим в Приволжском федеральном округе,

имеются, но они написаны в сугубо политологическом или социологическом ключе, и затрагивают, как правило, политическую элиту.

О.Крыштановская и другие специалисты отмечали наличие в высших эшелонах власти в СССР значительного числа выходцев из регионов, ограниченное количество москвичей на высших должностях¹⁰³. Как показывают уже имеющиеся региональные наработки, Куйбышевская область была одним из регионов, регулярно поставлявших в столицу кадры, занимавшие ключевые посты в различных (и не только властных) структурах¹⁰⁴.

Важные рассуждения общего характера, освещающие события в регионе в 1960-1980-е годы, содержатся в серьезных краеведческих исследованиях¹⁰⁵. Отдельные аспекты проблемы, в частности, касающиеся образовательной элиты региона, можно обнаружить в работах П.С.Кабытова, Г.Е.Козловской, И.А.Носкова¹⁰⁶.

Подводя итог историографическому обзору, отметим, что в настоящее время при всем разнообразии современных политологических, социологических исследований, системного изучения региональных элит, каналов их эволюции не проводится. С нашей точки зрения, не в последнюю очередь это связано с отсутствием государственных инициатив в этой области: как правило, ученые в регионах, занимающиеся данной проблематикой, сами являются инициаторами исследований.

Для корректной постановки целей и задач нашего исследования также весьма важен вопрос терминологии, который на сегодняшний день является одним из наиболее спорных. Существует масса определений категорий «элита»¹⁰⁷ и «региональная элита»

Так, О.Крыштановская обозначает региональную элиту как «сквозную», функциональную группу элиты, отделяя ее от бизнес-элиты, партийной элиты, высшего руководства и других групп¹⁰⁸. Специалист не выделяет как отдельный объект изучения научно-образовательную элиту.

А.Е.Чирикова, руководствуясь функциональным подходом, предлагает расширенное толкование термина «региональная элита», представляя ее как две ведущие группы – властную или административно-политическую элиту и экономическую или

бизнес-элиту. Властная элита – группа, отвечающая за подготовку, принятие и реализацию важнейших стратегических решений в политической сфере, ограниченной региональным пространством, обладающая необходимым ресурсным потенциалом. Она согласует свои решения с центром и местными органами власти. Бизнес-элита – «слой, занимающий ключевые позиции во владении и распоряжении собственностью и контролирующей определенную часть промышленного, финансового и коммерческого капитала преимущественно внутри своего региона»¹⁰⁹.

В ее же трактовке функции региональной элиты заключаются в том, что она: 1) проводник общефедеральных идей на местном уровне, реализует их на конкретном уровне; 2) представляет на уровне центра интересы регионов, так как имеют более тесную связь с «внеэлитными группами»; 3) источник рекрутирования¹¹⁰.

Казаков М.А., Лысцев М.С. предлагают считать региональной политической элитой Российской Федерации – совокупность разнородных доминирующих групп территорий, непосредственно осуществляющих функции управления и руководства властными отношениями в социально-политических границах регионов¹¹¹. Куприянычева Э.Б. определяет политическую элиту как «группу лиц, участвующих в выработке, принятии политических решений или влияющих на процесс их реализации на уровне региона»¹¹².

Наиболее полное определение региональной политической элиты (РПЭ) дает В.П. Мохов, утверждающий, что РПЭ – это «лидеры властных структур региона, обладающие: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке и принятии решений (в том числе по кадровым назначениям и перемещениям), контролем за их исполнением, оценками результатов деятельности; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения»¹¹³.

В дальнейшем мы будем придерживаться определения и функций региональной политической элит, данных Моховым и Чириковой. Под понятием «научно-образовательной элиты региона» мы подразумеваем группа лиц, определявших конкретные фор-

мы, методы и результаты работы научных институтов, высших учебных заведений различных профилей, иных образовательных и культурных учреждений, имевших тесную связь с партийной и советской номенклатурой, директорским корпусом промышленных предприятий города и области. Научно-образовательная элита, с одной стороны, формировалась под влиянием политической элиты, и, в свою очередь, являясь источником рекрутирования последней.

Цель данного проекта – выявление динамики эволюции различных групп (политической, научно-образовательной) региональной элиты и анализ влияния ее деятельности на развитие Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е годы. Достижение цели возможно при решении следующих задач:

- 1) изучение социальных, образовательных характеристик представителей региональной элиты;
- 2) характеристика тенденций взаимодействия между различными группами элит;
- 3) анализ динамики взаимоотношений с федеральным центром;
- 4) изучение влияния долгосрочных и краткосрочных политических, экономических, социальных факторов на характер деятельности региональной элиты.

Остановимся подробнее на ключевых проблемах исследования. С нашей точки зрения, в анализе региональной политической элиты следует исходить из того, что в указанный исторический период стал очевиден процесс усиления позиций региональной элиты в противовес центру. Также существенно изменился характер деятельности: от креативности управленцев 1920-х–1930-х годов в сторону воспроизводства норм и практик, когда региональные лидеры все больше играли роль ретранслятора решений центра.

Важно проанализировать, какие ценности и критерии были ведущими для достижения определенной степени иерархии. Если в настоящее время ведущим критерием выдвижения человека является не столько личные качества и поддержка масс, сколько поддержка бизнес-структур, какова были иерархия критериев в советский период?

По мнению исследователей (М.Восленский, М.Афанасьев) ведущими критериями были «исполнительность» и «отношения личной преданности и покровительство»¹¹⁴. Крупный российский элитолог Г.К.Ашин полагал, что именно с «загнивания, деградации элиты» начался общественный «застой» брежневского периода российской истории. Ментальные изменения дряхлеющей элиты, несоответствие между мышлением представителей элиты и задачами развития страны стали основой кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг.¹¹⁵

Отсюда вытекает важная научно-практическая проблема: можно ли предположить, что в предшествующий период возможна была обратная ситуация – эффективная деятельность, особая конфигурация элит (в том числе местных) был залогом положительных сдвигов, результативности, успешных результатов в различных сферах общественной жизни, в экономике, культуре?

Междисциплинарный подход (см. ниже) не позволяет нам сводить к одному знаменателю всю сумму факторов, объективно влияющих на исторический процесс. Ментальность элиты, политическая воля элиты, в свою очередь, развивались в рамках общества, испытывали на себе ее воздействие, были порождением системы социально-экономических, общественных отношений. Сам Г.К.Ашин ниже отмечает, что смена элит отнюдь не является детерминантой исторического процесса, он лишь сопровождает переход от одной социально-политической системы к другой¹¹⁶.

Итак, в своих рассуждениях мы будем исходить из того, что центральная и региональная политическая элита была продуктом эпохи, в свою очередь, процессы, происходившие внутри нее, ускорили процесс распад советской политической и государственной системы.

Переходя к анализу ключевых тем изучения культурно-образовательной элиты, отметим, что общеизвестной является тенденция на технократизацию мышления руководства страны в данный период. Государство делало ставку на управленцев-технократов, техническую интеллигенцию и результатом этого стала однобокость развития общества в целом (в ущерб гуманитарному началу), которая ускорила процесс деформации элиты на всех ее

уровнях. В.А.Мясоедова справедливо отмечает, что сокращение дисциплин гуманитарного цикла, их зашоренность и идеологизация при одновременном увеличении доли технических дисциплин привели к технократизации мышления¹¹⁷.

Очень важным аспектом проблемы является взгляд на систему образования в Куйбышевском регионе как на социальный лифт, источник пополнения рядов региональной элиты. Действительно, специалисты отмечают, что в СССР «в системе высшей школы существовали элитные учебные заведения, которые можно позиционировать как закрытые социальные лифты для рекрутирования советской элиты. К их числу относятся как партийные, профсоюзные школы, так и ряд гуманитарных и технических вузов»¹¹⁸. Подобные исследования в регионе до настоящего времени не проводились.

Решение вышеуказанных проблем, в свою очередь, поможет сформулировать ответы на более фундаментальные вопросы:

- в чем специфика и типичность кадрового потенциала Куйбышевского-Самарского региона по сравнению другими?
- какие из результатов деятельности элиты могут быть оценены положительно/ отрицательно?
- в более широком смысле: какие нормы, правила, стереотипы взаимоотношении государства-общества-элиты советского (досоветского) периодов влияют на оценку прошлого и современного положения элит разного уровня?

Немаловажно и то, какой методологический подход может быть задействован в исследовании. В настоящее время споры ведутся вокруг корректности двух ведущих концепций – структурно-функционального и ценностного (интеллектуально-психологического) подхода.

Структурно-функциональный подход в качестве главного критерия выдвигает социальный статус человека, его роль в системе властных структур, возможность влиять, в частности, на процесс принятия и реализации политических решений¹¹⁹. Однако в такой или подобной формулировке не учитывается результативность работы, которая должна быть одним из безусловных критериев любой деятельности. К тому же однобокость, подразумевающая

недооценку морально-этической стороны самой элиты и ее деятельности, сыграла не последнюю роль в ухудшении условий жизни и развития российского общества и государства в начале 1990-х годов.

Сторонники ценностного подхода говорят о том, что главное – наличие духовных качеств, аристократизма, специфических личностных характеристик, ведущую роль играет фактор личностного превосходства. Лидера отличает особый набор социопсихологических качеств¹²⁰. Эта позиция также является весьма уязвимой, так как фактически не учитывает роль социальных факторов и, как и в предыдущем случае, результативность деятельности лидера.

В своих рассуждениях мы будем исходить из предложенного В.В.Степанковым третьего концепта, объединяющего оба подхода, «...однако приоритетным в выделении «политической элиты» правящего класса считаем не ее морально-этические ценности, а эффективность решения проблем жизни общества и развития государства.

Именно в этом и состоит «ценность ценностного подхода», что дает нам основание высказать предположение о возможности существования третьего подхода к толкованию сущности «политической элиты», условно нами названного ценностно-меритократичным. Его сущность заключается в том, что он позволяет считать «политической элитой» не просто привилегированную группу лиц, задействованную во властных структурах или отличающуюся «духовным аристократизмом», а ту «функционально объединенную» правящую верхушку общества, которая эффективно (качественно) выполняет свои властно-политические функции, а значит имеет заслуги и перед обществом и перед государством...»¹²¹.

Переходя к анализу методики исследования куйбышевской элиты, отметим, что особую роль играет комплексный, междисциплинарный, подход. Даже в самых первых работах элитологов периода 1990-х годов отмечалась важность подобного взгляда на историю региональной элиты «с учетом исторических условий ее

формирования и особенностей системы, составной частью которой она является»¹²².

Таким образом, рассматривать необходимо элиту не как феномен, замкнутую систему, обладающую набором неизменных характеристик, а как часть общеисторического процесса, социума, представители которого плоть от плоти российской цивилизации, носители ее ценностных ориентиров. Элита своими могла стимулировать или, напротив, затруднять модернизационные процессы, но при этом она находилась в рамках, очерченных цивилизационными характеристиками России (ментальностью, природно-географическими факторами, специфическими нормами общественных, экономических отношений и пр.).

Методы анализа проблемы трансформации региональной элиты не являются четко очерченными, однозначными и устойчивыми. В этом вопросе историки, также как и политологи, социологи, сталкиваются с объективными трудностями, среди них: 1) размытость границ между различными элитными группами; 2) особое влияние неформальных связей и отношений, которые приводят к несоответствию формального и неформального статуса изучаемого представителя элиты.

Поэтому очевидно, что для объективного анализа потребуются комплексный подход, сочетание различных количественных и качественных методов, соединение методов исторической реконструкции, наработок социологии и политологии. Прежде всего, безусловно, необходимо провести статистический подсчет, сравнение биографий представителей различных элитарных групп по следующим категориям:

- отраслям деятельности (партийные, советские работники, хозяйственные руководители, руководители учебных заведений и НИИ, руководители общественных организаций, работники культуры, работники силовых структур и пр.);

- уровням власти (областной, городской, районный);
- территориям (областной центр, территории области);
- уровню образования;
- социальному происхождению;
- принадлежности к партии.

Необходимо провести количественный подсчет и выявить динамику численности изучаемых категорий элиты.

Среди наиболее эффективных качественных методов отметим т.н. мягкое интервью, о достоинствах которого авторитетно рассуждает А.Е.Чирикова¹²³.

Опубликованными источниками, которые могут пролить свет на поставленные вопросы, являются разнообразные по характеру краеведческие публикации. Прежде всего необходимо упомянуть справочные издания, содержащие биографические данные о жизни политических деятелей, специалистов мира науки, культуры. К этому типу работ относится, к примеру, книга Ю.А.Чухонкина о руководителях города Самары с 1918 по 2010 гг.¹²⁴, написанный на богатом архивном материале справочник о партийных лидерах, первых секретарях, области¹²⁵. Этапы карьерного роста современных политических деятелей губернии, среди которых много выходцев из советской системы, можно проследить по книге, посвященной истории Самарской Губернской Думы¹²⁶.

Отдельного упоминания заслуживают издания того периода, затрагивавшие историю партийных и комсомольских организаций области¹²⁷. Несмотря на их явную идеологическую зашоренность, они могут служить вспомогательным источником для реконструкции сюжетов политической, общественной жизни региона, так как содержат статистические и биографические данные.

Большой интерес также могут представлять воспоминания тех или иных персон¹²⁸, а также книги – описания карьерных достижений различных заслуженных куйбышевцев¹²⁹. Отдельные данные, касающиеся наиболее ярких партийных деятелей, можно обнаружить в местной прессе (газеты «Волжская коммуна», «Самарская газета» и пр.). При всей значимости этих и им подобных публикаций необходимо четко понимать, что справочники, мемуары не могут быть полноценным и единственным источником информации.

Наименее проработанным и требующим исследовательского внимания выглядит блок архивных источников, хранящихся в региональных и центральных архивах. В числе наиболее перспективных и востребованных в контексте данного исследования

следует назвать документы, хранящиеся в Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СО-ГАСПИ, г. Самара). Это, прежде всего, документы партийного учета (учетная карточка, личное дело и пр.) представителей различных категорий управленцев, общественно значимых фигур области, подавляющее большинство которых не могли не состоять в рядах партии.

Интересны для изучения и делопроизводственные документы, протоколы, первичных партийных организаций, статистика возрастного, социального, образовательного состава членов КПСС и ВЛКСМ. Особую важность могут также представлять общие и региональные данные о кадровом составе работников области, содержащиеся в фонде ЦК КПСС Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва).

В заключение следует отметить, что проблема существования региональной куйбышевской элиты последних десятилетий советской власти является малоизученной. Однако это продиктовано не столько незначительностью проблемы, ее практическая и научная актуальность действительно велика, сколько слабой проработкой методики и источниковой базы. Имеющиеся общие и краеведческие работы, опубликованные источники дают примерное представление о наиболее значимых фигурах, но практически не содержат количественного и качественного анализа различных элитных групп.

Вместе с тем, востребованность проблематики, имеющиеся методологические наработки и наличие пласта не введенных в научный оборот архивных материалов позволяют надеяться на то, что в ближайшей перспективе могут быть выявлены и объективно оценены тенденции развития и деятельности региональной элиты Куйбышевской области в 1960-е – 1980-е гг.

Примечания

- ⁶⁸ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. М.: РОССПЭН, 2006; Ее же. Региональные элиты России: теоретические модели и практики. М.: Имидж-контакт, 2004; Алехнович С.О. Регионы России: современный ракурс и перспективы. М.: РАЕН, 2007; Кочетков В.В. Российская элита и модернизация политической системы: Монография. М.: Инфра-М, 2013; Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. №4. С.82–91; Лапина Н.Ю. Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. 1998. Вып. 1(18); Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН, 2000; Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М., 2000 и др.
- ⁶⁹ Ашин Г.К. Основы политической элитологии. М.: «Либроком», 2013. С.455.
- ⁷⁰ Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство / отв.ред. Е.Ю.Сергеев. М.: Наука, 2007.С.30.
- ⁷¹ Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // Полис. 1999. №3. С.117.
- ⁷² Там же. С.118.
- ⁷³ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №9. С.51–65.
- ⁷⁴ Чирикова А.Е. Региональные элиты России: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. С.44-46.
- ⁷⁵ Афанасьев М. Региональный вызов: Правящие региональные группировки в российском политическом процессе // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М.: МОНФ, 1999. С.10–16.
- ⁷⁶ Элиты и лидеры...С.22.
- ⁷⁷ Он же полагает, что политическая воля лидеров страны и создание действенных механизмов влияния общества на государство и управленческие процессы являются единственным вариантом, спо-

способным обеспечить необратимость и результативность модернизации в современной России. «В условиях крайней инфантилизации общества, что является ее характерной чертой во все времена, но в нынешнее особенно, кажется, что в России модернизация реальна и необратима лишь при блокировании возможности захвата государственной власти какой-либо организованной социальной группой или слоем. Если такой блокировки нет, то бюрократия приватизирует власть-собственность практически по одной и той же схеме: кто чем владеет, тот, то и делает своей собственностью. А далее по Максиму Веберу: бюрократия обладает свойством угнетения любой инициативы общества, и общество начинает развиваться по пути стихийного самотека» (Кульпин-Губайдуллин Э.С. Модернизации в России: история и современность: Методическая разработка темы к курсу «Отечественная история». М.: МФТИ, 2013. С.31, 32).

⁷⁸ Там же. С.24.

⁷⁹ Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

⁸⁰ Ашин Г. К. О понятии «элита» и не только // Власть. 2005. №11. С.42.

⁸¹ Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону: СКАГС, 1995.

⁸² Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2003.

⁸³ Ледяев В.Г. Социология властных элит: концептуальные проблемы // Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004.

⁸⁴ Властные элиты и номенклатура: аннотированная библиография российских изданий 1990-2000 гг. СПб: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2001.

⁸⁵ Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб.: Алетейя, 2001.

⁸⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006:

⁸⁷ Gaman-Golutvina O. Yeltsin and Putin Elites Compared // Soziologische Zeitgeschichte. Berlin: Edition Sigma, 2007.

⁸⁸ Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2004.

- ⁸⁹ Политическое будущее России: взгляд из центра и регионов. Материалы международной конференции. М.: МГУ, 2008.
- ⁹⁰ Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь: ПермКИ, 2003.
- ⁹¹ Мохов В.П. Элиты как руководящая и направляющая сила индустриального общества // Элитизм в России: «за» и «против» / Гл. ред. В.П. Мохов. Пермь: Перм. гос. тех. университет, 2002. С. 118-125.
- ⁹² Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М: Захаров, 2005.
- ⁹³ Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25.
- ⁹⁴ Левин М. Номенклатура - Arcanum Imperii: (Технология управления против социологии управленцев) // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России. М., 1997. С. 70.
- ⁹⁵ Мохов В.П. Мохов В.П. Советская номенклатура как объект научного анализа // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. Вып.1. Пермь, 2000. С. 62-71.
- ⁹⁶ Подробный историографический анализ см., например, Чирикова А.Е. Указ.соч.; Покатов Д.В. Отечественная социология политической элиты: Этапы развития и эволюция // Известия Саратовского университета. 2011. Т.11. Сер. Социология. Политология. Вып. 4. С.35-40.
- ⁹⁷ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: Монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. С.420, 421.
- ⁹⁸ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту... С.52-53.
- ⁹⁹ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2013; Его же. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // На путях политической трансформации. М.: МОНФ, 1997. Вып.8. Ч.2. С.80-92; Его же. Эволюция политической элиты России (1950-1990). Пермь, 1998.
- ¹⁰⁰ Куприянычева Э.Б. Указ.соч.
- ¹⁰¹ Покатов Д.В. Указ.соч. С.38.
- ¹⁰² Там же. С.39.
- ¹⁰³ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту...С.53.

¹⁰⁴ Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества / Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самара: ООО «Офорт», 2011. 244 с.

¹⁰⁵ Наякшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1962; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). М.: Наука, 2000 и др.

¹⁰⁶ Кабытов П.С. Система повышения квалификации и переподготовки работников образования в Среднем Поволжье. Самарский регион: история и современность. (1933-2008 гг.). Самара: ГОУ СИП-КРО, 2008; Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже веков. М.: МГПУ; ОАО «Моск.уч.», 2001; Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. М.: ВЛАДОС, 1997.

¹⁰⁷ Формат обзора не позволяет нам подробно осветить этот вопрос. Приведем лишь несколько определений, каждое из которых несет в себе положительный когнитивный заряд. Е.В.Охотский полагает, что в числе характеристик элиты должны быть названы: общность социального положения ее членов, значительные властные полномочия и совпадение основных целей, интересов и ориентаций, сходство волевых, духовно-нравственных качеств, «однонаправленность вектора карьерных устремлений» (Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. С. 13, 14). Е.Ю.Немчинова отмечает, что представитель элиты обладает ценными для общества качествами, которые не приписываются ему, а выявляются в ходе честной конкуренции и добровольно признаны; он обладает авторитетом и установленным превосходством, выраженном в максимальном влиянии в рамках определенной элиты или общества в целом, позволяющем ему играть наиболее существенную роль в межэлитном взаимодействии, оказывать стратегически важное влияние на социум (Немчинова Е.Ю. Социальная сущность лидеров и элит, процесс их взаимодействия и роль в развитии общества: автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.С.15, 16).

¹⁰⁸ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту...С.51.

¹⁰⁹ Чирикова А.Е. Указ.соч. С.52-53.

¹¹⁰ Там же. С.48, 49.

¹¹¹ Казаков М.А., Лысцев М.С. Региональные элиты и национальные интересы современной России: Монография. Н.Новгород: «Дятловы горы», 2012. С.14; см. также: Казаков М.А. Процесс становления региональных политических элит России: монография. Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2010.

¹¹² Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.

¹¹³ Он же выделяет два значения региональной политической элиты – в широком смысле это промежуточный слой политиков между федеральной и местной элитой; в узком – политическая элита конкретного региона. По внутренним показателям последний делится на два уровня – уровень субъекта федерации (областной) и районный (уровень местного самоуправления) (Мохов В.П. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // На путях политической трансформации. М.: МОНФ, 1997. Вып.8. Ч.2. С.85). См. также работы: Алексеенко И.А. Социально-исторические характеристики региональной политической элиты Алтайского края: 1960-е - 1991 гг. Барнаул, 2011. 22 с.; Вартумян А.А. Региональные политические элиты: формирование, строение, институализация. Ставрополь: ООО «Базис», 2004.

¹¹⁴ Специалисты также отмечают, что фактически к концу изучаемого периода сильно деформировалась система представлений советского человека: ее доминантами стали – самореализация, личное благополучие, карьерный рост. Результатом своеобразной советской модернизации становится социальное расслоение советского общества, внутри которого обозначилась «новая советская элита» в двух составляющих – партийно-государственной (ее можно именовать «номенклатурой») и научно-технической (см., например, Мясоедова В.А. Образование как социальный лифт элитогенеза современной России: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. С.229). Общие рассуждения о роли интеллектуальной элиты в развитии российского общества см. в работах: Горчицкая Е.А. Интеллектуальная элита в культурно-историческом развитии общества/ Под общ.ред. В.М. Шкарупы. Омск, 2010; Интеллектуальная элита в контексте русской истории XIX-XX вв./ под ред. Т.А. Пархоменко. М.: РОССПЭН, 2012 и др.

¹¹⁵ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность... С.432.

- ¹¹⁶ Там же. С.453.
- ¹¹⁷ Мясоедова В.А. Образование как социальный лифт элитогенеза современной России: Монография. М.: МАКС Пресс, 2012. С.171.
- ¹¹⁸ Там же. С.173.
- ¹¹⁹ Охотский Е.В. Политическая элита. М.: Луч, 1993. С.11.
- ¹²⁰ Подробнее см.: Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. М.: ВЛАДОС, 1997. С.53–67.
- ¹²¹ Степанков В.В. Политическая элита в истории: проблема определения сущности// Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №3. С.112–117 (URL: http://vestnik.udsu.ru/2013/2013-053/vuu_13_053_16.pdf, дата обращения – 20.09.2013).
- ¹²² Куприянычева Э.Б. Указ.соч. С.116.
- ¹²³ Чирикова А.Е. Указ.соч. С.38–39.
- ¹²⁴ Чухонкин А.Ю. Руководители города Самары (Куйбышева) с 1918 года: Биографический справочник. Самара: ООО «Самарский дом печати», 2010. 160 с.
- ¹²⁵ Коммунистическая партия в портретах ее самарских лидеров. 1917–1991 гг. Биографический справочник. Самара: ООО «БМВ и К», 2010. 204 с.
- ¹²⁶ Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994–2009). Самара: «ДСМ Принт», 2009. 256 с.
- ¹²⁷ Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1983. 520 с.; Шагай вперед, комсомольское племя: Очерки истории Куйбышевского комсомола. Куйбышев: Куйб.кн.изд-во, 1974. 383 с.
- ¹²⁸ Мельник С. Улицы памяти. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2005. 152 с.
- ¹²⁹ Имена и судьбы. Самара: «Волжская коммуна», 2001. 457 с.; Имена. Самарская губерния: лица эпохи. Самара: «Европринт», 2002. 136 с.; Имена. События. Легенды: Энциклопедия Самарской губернии. Самара: «Агни», 2011. 207 с.; Самарцы в Москве: страницы истории самарского землячества...; Тольятти. Истории успеха. Тольятти: «Ника», 2011. 223 с.

РАЗДЕЛ II.

ПАРТИЙНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 гг.

Во многих публикациях, особенно не «академических», термин «элита» используется как условное обозначение (метафора или концепт), не имеющий точного соответствия в реальности. Однако деление социума на элиту и «не-элигу» («массу» и т.д.) имеет объективный характер, обусловленный неоднородностью социального пространства, иерархичностью социальных позиций, функций, статусов и соответствующих им ресурсов. Исторический опыт показывает, что неизменным предшественником социальных катастроф, упадка и гибели обществ является снижение социальной ответственности, этической и волевой планки активного меньшинства (элиты). Поэтому одна из главных задач «социального проектирования» состоит в создании общественных институтов, обеспечивающих рекрутирование, контроль и обновление (ротацию) политико-административной и других категорий управленцев.

В развитом социуме процесс элитообразования должен быть управляемым; это возможно только путем познания закономерностей (тенденций) возникновения и функционирования элиты. Фундаментальная социальная закономерность состоит в том, что тип элиты определяется природой конкретного социума, преобладающими в нем отношениями. Советский Союз представлял собой властечцентричную систему, основу которой составляли отношения власти и подчинения. Его «несущей конструкцией» являлась система партийно-государственной власти и управления. Поэтому принадлежность к элите, одному из ее сегментов («кластеров», страт) определялась статусом в аппарате партийно-советской власти. Материальное обслуживание, распоряжение информационными, организационно-производственными ресурсами было опосредовано местом (позицией) в системе властных отношений. Специфика правящего слоя в советском обществе заключалась в отсутствии у него (юридически, т.е. формально) собственности на производительные силы. Распоряжение произ-

водственными ресурсами и присвоение дополнительного (прибавочного) продукта носили коллективный (корпоративный) характер. Это не было реализацией марксистского социального проекта; уместно привести точку зрения историка А.И. Фурсова о том, что ведущей тенденцией социальной эволюции России на протяжении пятисот лет было последовательное «очищение власти от собственности»¹³⁰.

Заметим, что элита представляет собой не только «высокостатусную» общественную группу, но и институциональный механизм, обеспечивающий её социальную селекцию, воспроизводство и функционирование. В советском обществе институциональной основой формирования и деятельности управленческой элиты являлась Коммунистическая партия. Термин партия (лат. *pars* – часть), связанный с обстоятельствами возникновения этой организации, по сути является неточным, поскольку определяющей характеристикой ВКП(б)-КПСС являлась как раз целостность, всеохватность функций и деятельности (поэтому она стала удобным инструментом тоталитаризма). Она была центральным, стержневым элементом системы политико-административного управления, его внутренним контуром. Управленческая деятельность партийных комитетов была направлена не только на социально-хозяйственные объекты, но и – прежде всего – на другие структуры власти (советские, ведомственные и др.). Партия представляла собой надстройку над системой власти; была, по терминологии А.А. Зиновьева, «сверхвластью»¹³¹. Разветвленность, громоздкость властной системы предполагала наличие центра, придающего ей единство и скоординированность. Эту функцию выполнял партийный аппарат, используя идеологическое воздействие, партийную дисциплину и, прежде всего, номенклатурную систему. Партноменклатура представляла собой, таким образом, форму контроля со стороны «ядра» власти над ее периферией. Понятие «номенклатура», в контексте анализа систем управления, используется в нескольких значениях; во-первых, это набор должностей, замещение которых осуществлялось с согласия партийного комитета; во-вторых, категория руководящих работников (и ее представители), назначавшихся на должность соответствующим

парткомом и, наконец, организационная форма партийно-кадрового управления.

В советский период, несмотря на многочисленность работ о «партийных кадрах», специальных исследований региональной партноменклатуры (как социальной группы и/или технологии власти) опубликовано не было. Отчасти это объясняется тем, что функционирование номенклатурной власти было актуальной реальностью, а не предметом ретроспективного анализа. Условием исторического исследования является временной интервал («диахрон») между исследователем и объектом. Документальные источники должны переместиться из оперативной информационной среды (т.е. управления) в ретроспективные информационные системы (центры хранения, архивы и т.д.). Механизмы номенклатурной системы относились к внутренней, не публичной стороне деятельности партийного аппарата; являлись одним из видов «аппаратных тайн». Глубокий анализ партийно-номенклатурных институтов привлекал внимание к таким свойствам партийной власти, как декоративный (имитационный) характер представительных органов, преобладание неформальных правил, отношений и связей над официальными (уставными, правовыми) нормами. Поэтому исследователи «с пониманием» обходили эту тематику или рассматривали ее сжато, в числе второстепенных, периферийных проблем. В отдельных – практически единичных – публикациях приводились данные о численности и должностном составе номенклатуры местных парткомов, ее характеристики по внешним (формальным) критериям: стаж, образование, возраст, профессия¹³². Термин «элита» в советской историографии считался своего рода бранным словом из понятийного аппарата третируемой западной социологии и советологии. Согласно «марксистско-ленинской» точке зрения, теория стратификации общества на элиту и массу является искажением, идеологическим «камуфляжем» классовой природы западного общества и его политических институтов, характеризующейся антагонизмом труда и капитала. В 1960-1980-е гг. регулярно появлялись работы, посвященные «критике буржуазных фальсификаций истории КПСС». Они содержали контраргументы на работы западных авторов, в которых

теория элит проецировалась на советскую социально-политическую систему.

Идеологический (канонизированный) марксизм-ленинизм целью общественного развития (уже достигнутой в советском «социализме») полагал снятие социальных антагонизмов, ликвидацию классовой субординации. Соответственно, тенденцией развития советского общества считалось «сглаживание» социального рельефа, повышение межгрупповой мобильности, замещение иерархии другими типами связей (кооперация, координация). Однако реальность позднесоветского («застойного») общества противоречила этой идеологизированной картине. В социалистическом обществе, достигшем своего системного апогея (в официальной терминологии - «развитого социализма»), усиливалось неравенство, социальная фрагментация, проявлялись системные, классовые противоречия и коллизии. Многочисленные явления – стабилизация состава партийной элиты, прекращение ее ротации и переход к самовоспроизводству (рекрутированию из внутренних источников), увеличение материально-бытовых привилегий, укрепление коллективной идентичности (и социального эгоизма) партноменклатуры, ее социальное отчуждение – свидетельствовали о приближающемся структурном кризисе советского социализма. В массовом сознании вызревающий кризис проявлялся в виде общественно-политической апатии, потребительства, критических умонастроений. Таким образом, система управления в условиях разворачивающегося кризиса нуждалась в анализе социальных процессов в советском обществе, особенно в верхних, связанных с властью, слоях. Однако догматизм социальной теории и цензура практически исключали научное (т.е. критическое) исследование управленческой элиты. Монополизация партийной властью социально-философских истин, её роль «эксперта» в социальном познании способствовала деградации партийно-государственного управления, особенно в позднесоветский период.

Детерминация историографии «надсистемными» факторами (политическими установками, идеологией и т.д.) проявлялась в том, что этапы ее развития были проекциями общественно-политических изменений. В 1990-е гг. кардинально изменилась пробле-

матика, теоретический и понятийный аппарат, спектр выводов, суждений и оценок в историографии элит; более дискуссионным и критичным стал характер исследований. Критическое отношение большинства авторов к историко-партийной литературе, стремление преодолеть ее отрицательные черты стало фактором развития постсоветских работ по истории власти. Показательны изменения в тезаурусе исследований; в 1990-е гг. стали активно использоваться понятия «политический класс», «элита», «номенклатура», «политический актор», «субъект власти» и т.д. Для современных исследований характерен интерес к «конфиденциальным» аспектам, «кухне» власти как метод объяснения её сущности и способа функционирования. Одним из основных направлений изучения новейшей истории власти становится исследование партноменклатурной системы. Стал почти общим местом взгляд на номенклатуру как важнейший политический институт, дающий ключ к пониманию «устройства» власти в Советском Союзе, природы социального неравенства и эксплуатации при «социализме». В этом проявляется инерция методологии марксизма, который ориентирует научный поиск на выявление господствующих и угнетенных общностей (классов, страт), социальных механизмов принуждения, общественно-политической жизни как «холодной войны» социальных групп (идентичностей).

В региональных исследованиях – в основном на материалах Урала и Сибири – с достаточной полнотой изучен должностной состав номенклатуры партийных комитетов в 1945-1991 гг., её численность, социопрофессиональная динамика¹³³. Партийная номенклатура изучается не только в политико-административном, но и в социальном ракурсе. Исследователи, привлекая теории и методы социологии, исследуют политико-административную элиту как социальную общность. При этом рассматривается состав номенклатуры, социальная мобильность ее представителей, их карьерные «пути», неформальные практики, субкультура правящего класса, его коллективная идентичность¹³⁴ и т.д. Важным, недостаточно изученным сюжетом, на наш взгляд, является сращивание региональной партноменклатуры с «теневиками», криминалом и «хозяйственниками», объясняющее активное

участие «номенклатурщиков» в демонтаже советской системы на рубеже 1980-х-90-х гг. Значительные результаты достигнуты в изучении механизма согласования и принятия решений местной партэлитой. Региональные исследования показывают, что командно-административный механизм управления экономикой в 1960-1980-е гг. эволюционировал в направлении системы «административного торга» (или «бюрократического рынка»), когда хозяйственные (социальные, организационные и т.д.) решения были результатом неформализованного договорного процесса в управленческой среде.

Характеризуя состояние изучения региональной власти и ее кадров, заметим, что особенность исторических явлений состоит в их «эксклюзивности», единичности. Историческое познание – в этом его уникальность – ориентировано на выявление и анализ, главным образом, индивидуального, а не общего («регулярного», типового). Поэтому изучение партийной номенклатуры как социальной группы целесообразно дополнять индивидуализированными характеристиками (биографическими, психологическими) ее, по крайней мере, наиболее видных представителей. Наиболее удачным примером сочетания этих двух подходов (социологического и индивидуально-биографического) является, по нашему мнению, диссертация и монографии А.Б. Коновалова¹³⁵.

Значительные перспективы имеет изучение партийно-номенклатурных кадров в формате истории повседневности. Единственной работой, в которой рассматривается – на материалах более раннего периода – рутинная деятельность партийных руководителей, ее содержание и «каждодневный» распорядок, является диссертация А.Н. Федорова¹³⁶. Анализ «управленческой повседневности» позволит воссоздать служебный регламент партийного аппарата; выявить многочисленные «мелочи», которые в совокупности составляли суть деятельности партийных функционеров.

Предметом, «сырьем» и результатом деятельности управленческих кадров являлась административно-хозяйственная и социальная информация, которая приобретала юридическую силу (нормативность, официальность) путем документирования, т.е. составления служебных документов. Поэтому анализ порядка функциони-

рования номенклатурной элиты будет неполным без изучения его информационно-документационного аспекта (документооборота, делопроизводства). Документационное обеспечение партийного управления до сих пор рассматривалось только в контексте источниковедческой проблематики. Общее и специальное делопроизводство составляло рутинный аспект, т.е. технологию деятельности партийных комитетов. Анализ делопроизводственного процесса позволяет определить роль его участников – составителя проекта, партийного аппарата, коллегиального органа – в разработке и принятии управленческого решения. Он показывает, что главная роль в аккумулировании и обработке информации принадлежала партийному аппарату, готовившему проекты резолюций, постановлений и другие материалы, а коллегиальные структуры (бюро, пленумы, президиумы) были в значительной мере «машинами для штамповки» решений. Рассмотрение документопотоков, их содержания, интенсивности, информационной плотности позволяет изучить информационные взаимосвязи (внешние и внутренние) партийного аппарата, оперативность и качество его «обратной связи» с объектом управления.

В большинстве исследований партийной и административно-хозяйственной элиты затрагивается (как правило, в вводной части) проблема качества элиты, эффективности ее деятельности. Анализ этого вопроса требует выверенной методологии, корректной методики оценки, позволяющей определить соотношение затрат (организационных, временных, материально-финансовых и др.) и результатов деятельности номенклатурных кадров; степень адекватности управленческих решений, их средне- и долгосрочные последствия, эвентуальность (т.е. объективную возможность) других вариантов решений. Заметим, что проблема эффективности деятельности региональной совпартэлиты, обычно рассматривается «попутно», в дополнение к другим вопросам; она поставлена (эксплицирована) и рассмотрена в качестве главной, «сквозной» проблемы в только диссертации Миронова¹³⁷.

Комплексное исследование партэлиты включает анализ не только «человеческого материала», но и структур, в которых он функционировал. С достаточной полнотой изучено организаци-

онное развитие партаппарата в 1920-1930-е гг.¹³⁸ Исследования структуры региональных и местных органов КПСС в 1960-1991 гг. весьма фрагментарны, содержат большое количество «лакун». Дальнейшее изучение структур региональной власти предполагает не только реконструкцию штатного состава и численности, наименований должностей и структурных подразделений парткомов (секторов, отделов, комиссий и т.д.), но и их статусных, функциональных характеристик. Это необходимо для понимания причин (целей, мотивов) кадровых решений (назначений, переводов и т.д.), организационных условий деятельности партийно-номенклатурных кадров.

К началу 1960-х гг. партийно-номенклатурная власть решила – затратными, мобилизационными мерами – задачу, для которой она создавалась – построение индустриального общества. Рывок из аграрного общества в «индустриализм» был в основном завершён; городское население превзошло по численности сельское. Возник сложный многоотраслевой социально-хозяйственный комплекс, управление которым требовало перехода от авральных, чрезвычайных методов к более рутинным, скоординированным формам работы. Эта закономерная «демобилизация» системы власти, начавшаяся в некоторых отношениях ещё в конце 1940-х гг., приняла идеологическую форму борьбы с «культом личности», а по социальной сути стала «номенклатурной революцией». В ходе демонтажа сталинистских социальных и управленческих практик изменилось положение партийного аппарата и его номенклатуры в системе власти. Партаппарат, ранее являвшийся одним из инструментов (наряду со спецслужбами, карательно-правоохранительными, ведомственными и др. органами) режима личной власти, стал центральным, «самовластным» элементом политической системы, не подвергающимся прессингу и «надзору» со стороны других структур.

Переход индустриальной формации в фазу зрелости, состоявшийся в 1960-е гг., сопровождался скачкообразным усложнением объектов управления и, соответственно, потоков информации в структурах власти. Это было важным фактором децентрализации и демократизации номенклатурной системы, в том числе по

техническим причинам, поскольку учетно-кадровый аппарат ЦК КПСС не успевал «освоить», обработать информацию о движении кадров. Уже в 1950-е гг. номенклатура областных парткомов была значительно увеличена, главным образом, за счет сокращения номенклатуры ЦК. В начале 1960-х гг. вновь происходит расширение списков основной и учетно-контрольной номенклатуры обкомов; региональные партийно-хозяйственные кадры переходят в ведение областного партаппарата. Отделы организационно-партийной работы обкомов становятся информационно-делопроизводственным средоточием кадровой деятельности местной власти. Участие ЦК в организационно-кадровых процессах практически сводилось к формальным процедурам согласования и утверждения кадровых изменений. Другим проявлением этой тенденции (регионализации, деbüroкратизации) было сокращение на рубеже 1960-х гг. видового состава учетных и отчетно-статистических документов по персоналу, представляемых в ЦК, упрощение (унификация) их текстовой части.

Значительное, в основном дезорганизующее, влияние на механизм управления оказала управленческая реформа 1962 г., разделившая партийные органы на промышленные и сельскохозяйственные. В кадровом аспекте наиболее очевидным ее результатом стало увеличение числа руководящих партработников, расширение номенклатурных списков. Целью этой реорганизации была специализация управления, приближение партийной власти к объектам управления. В действительности произошёл, скорее, «сдвиг» власти с местного на региональный (областной) уровень, поскольку в результате реформы наиболее ослабленным оказалось городское звено партийно-хозяйственного управления. «Расчленение» партийных комитетов по функциональному признаку крайне затруднило движение кадров, создав отраслевые барьеры для кадровых «маневров».

Недовольство региональной номенклатуры регулярными организационно-кадровыми «перетрясками», которыми было отмечено правление Н.С. Хрущева, стало одной из причин его отставки в октябре 1964 г. Парадокс его правления заключался в том, что по форме (и лозунгам) будучи отрицанием «культы личности», по

сути хрущевский «волюнтаризм» был «вторым изданием» сталинского типа власти; он позиционировал себя «над аппаратом», стремясь контролировать его, манипулировать кадрами. В этом отношении смещение Н.С. Хрущева стало поворотным пунктом в эволюции партийной власти, поскольку новый – брежневский – режим, напротив, соблюдал аппаратные нормы и процедуры, обеспечив кадрами желаемую стабильность («застой»). Брежневское правление стало настоящим «золотым веком» партийной номенклатуры. Его продолжительность объясняется своеобразным социальным контрактом правящей верхушки с высшим и средним звеном партийно-хозяйственных руководителей, заключавшимся в отсутствии «навязчивого» контроля за партноменклатурой в обмен на её лояльность. Идеологически эта кадровая политика была оформлена в виде лозунга «заботы партии о кадрах».

В этот период кадровые вопросы по-прежнему занимали одно из главных мест в организационно-распорядительной деятельности парткомов. По нашим подсчетам, в период с 1965 по 1975 год на заседаниях бюро Куйбышевского обкома проблемы управления персоналом, образования и воспитания кадров рассматривались 46 раз¹³⁹. Методика подбора и утверждения номенклатурных работников в «застойные» годы существенных изменений не претерпела, за исключением несколько большей формализации и регламентированности. В июне 1977 г. в Куйбышевском обкоме был составлен проект инструкции, фиксирующий порядок подготовки кадровых решений по должностям номенклатуры обкома. Он представлял собой последовательность составления и рассмотрения значительного количества документов, в основном информационно-справочных: представление горкома или райкома, биографическая справка, справка-предложение и др. Недостатком этого регламента была формальность, бюрократичность, поэтому она дополнялась такой процедурой, как собеседование с кандидатом, широко практиковавшимся областным и городскими парткомами.

Характеристика брежневского периода как «застоя» является точной по крайней мере в одном аспекте – движение партий-

но-номенклатурных кадров. Проблема соотношения стабильности и обновления кадрового состава является диалектической, требующей тонкого баланса, учета многих факторов. Брежневской властью она была радикально решена в пользу стабильности, т.е. сохранения кадрового статус-кво. Отказавшись от brutальных сталинских методов контроля и обновления номенклатуры, власть отказалась от кадровой ротации как таковой. В результате кадровая стабильность, превысив известную меру, превратилась в стагнацию. В Куйбышевской области в период с 1975 по 1980 г. сменилось не более 5% представителей номенклатуры обкома. В 1981 г. сменилось 10,2% ее представителей, из которых 44,6% получили должностное повышение; смещения «на понижение», по причине должностного несоответствия, были единичными¹⁴⁰. Номенклатурно-кадровый «застой» имел, по крайней мере, одну положительную сторону: повышение опыта руководящих работников. Однако функции номенклатурных работников были достаточно простыми, типовыми, не требующими чрезмерно длительной практики. Поэтому возобладали негативные последствия стабильности; это, прежде всего, демотивация управленческих кадров, вызванная, с одной стороны, отсутствием возможностей карьерного взлета, «склерозом» каналов мобильности, с другой – исчезновением фактора страха, низкой вероятностью исключения из номенклатурной «обоймы». Брежневский «застой» оказался благоприятной социальной средой для формирования мафиозных групп, кланов в составе номенклатуры. Наконец, ограничение мобильности «по вертикали» вызывало напряжение, своего рода фрустрацию части активного населения, создавая социальный материал для появления контрэлиты, совершившей «рывок к власти» на рубеже 1980-х – 90-х гг.

Одна из целевых установок номенклатурно-кадровой политики состояла в профессионализации партийных кадров, подборе на должности специалистов со специальным (высшим) образованием, производственным опытом – хозяйственников, технократов. К началу 1980-х гг. это привело практически к нивелированию партийных и хозяйственных органов в отношении кадрового состава, его производственно-хозяйственной компетенции. С

точки зрения качества хозяйственного управления это был негативный процесс, поскольку его результатом было усиление опеки парторганов над производственниками, излишняя детализация, «мелочность» партийного управления. Партийные комитеты безусловно рассматривались как органы хозяйственной власти. Немало примеров тому, что номенклатурным работникам даже на словах («в теории») было сложно демаркировать область деятельности советских, хозяйственных и партийных органов. Происходило смешение программно-целевого, долгосрочного и тактического уровней управления. Введение хозяйственников в партийные структуры вело к снижению кадрового потенциала советских и ведомственных органов; вместе с тем именно они «держали ответ» за результаты хозяйственной деятельности. Высокие полномочия партийных руководителей при пониженной ответственности, возможность «прикрыться» хозяйственными, ведомственными и др. структурами была, вероятно, наиболее слабым местом позднесоветской системы регионального управления.

В системе власти партийные органы выполняли интегративную, «соборную» функцию, осуществляя межведомственное согласование, обеспечивая приоритет общегосударственных и/или региональных интересов перед отраслевыми, узковедомственными. Административно-хозяйственные структуры рассматривались в качестве носителей «ведомственности», которая преодолевалась (или подавлялась) партийными органами. В результате сращивания партийной и хозяйственной элиты партийные работники все чаще представляли специализированные, ведомственные интересы. Тенденция ведомственности, разрушительная для «монолита» власти, проникла в партийный аппарат. Происходила «лоскутизация», дезинтеграция властной системы, которая вызвала (по цепочке) такие явления, как потеря управляемости, неэффективное расходование ресурсов, невыполнение заданий и планов. Состояние партийно-советской власти требовало структурных и кадровых изменений, восстанавливающих ее единство; альтернативой (реализованной на практике) был ее распад.

В середине 1980-х гг. с избранием генсеком М.С. Горбачева, считавшегося (в условиях геронтократии) в свои 54 года «моло-

дым» и «перспективным», в Советском Союзе были начаты реформы, направленные на обновление политической системы, ее «модернизацию». Необходимость реформирования системы власти была обусловлена, как отмечено выше, увеличением количества объектов управления, их усложнением и, с другой стороны, организационно-штатным развитием властных структур. Эти процессы были причиной снижения управляемости, разбалансировки (частичной дезорганизации) партийно-государственной власти. Реформы требовали длительной, рутинной «негласной» работы. В действительности они, как известно, сопровождались сильнейшим общественным ажиотажем и спровоцировали системный кризис, развивавшийся по худшему – катастрофическому – сценарию.

В первые «перестроечные» годы значительных изменений в работе партийных комитетов не произошло. Принимались меры по совершенствованию учетно-кадровой работы, ограничению структурного роста (дробления на секторы, отделы), увеличению штатов отраслевых отделов парткомов. Новый вектор организационного развития партийных органов был определен на пленуме январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г., где было признано целесообразным передать управленческие функции КПСС советским, хозяйственным и общественным организациям, оставив за партией руководство общественно-политическими процессами. «Конструкция» советской системы власти была такова, что партия являлась ее «стержнем» и координатором. Вмешательство КПСС в социально-хозяйственные, организационно-производственные аспекты управления было условием ее нормального функционирования. Поэтому курс, сформулированный в январе 1987 г., свидетельствовал о непонимании руководством механизма управления в стране или (более вероятно) о его деструктивных намерениях. Его реализация представляла собой, как в анекдоте времен перестройки, «разгром КПСС под руководством КПСС». Рубежом в «нисходящем» политическом развитии стала XIX партийная конференция в июне-июле 1988 г., утвердившая механизм альтернативных выборов как способ формирования состава партийно-советской власти. Это решение, при формальном демо-

кратизме, не учитывало возможностей партийно-политической системы. Представительные структуры и «всеобщие, тайные» выборы в ней были предназначены не для подбора кадров, а легитимации институтов власти, формального (ритуального) выражения лояльности (неучастие в них расценивалось как «фига в кармане»). Партийный аппарат и его номенклатура были системой закрыто-иерархического, «орденского» типа, поэтому публичная состязательность была неприемлемым методом её комплектования. Конкурентные выборы являлись элементом другой – парламентской, либеральной – политической системы; включение их в советскую систему было шагом к эклектичности, т.е. недееспособности политической «надстройки».

К рубежу 1988/89 г. в стране накопилась «критическая масса» общественно-политических изменений. Возвращение общества в прежнее состояние, даже при проведении «контрперестройки», было уже невозможным. Кардинально изменились политико-правовые условия партийного управления. С введением альтернативных выборов стали неэффективными номенклатурные механизмы контроля государственных и общественных организаций. Центральная власть разъясняла, что теперь парткомы должны использовать другие формы влияния – фракции, партийную дисциплину и т.д. Подъем общественной активности, в основном протестной, митинговой, появление политических (формальных и неформальных) партий, движений, объединений показало неспособность региональной партноменклатуры к руководящей деятельности при наличии общественно-политических «конкурентов».

Организационно-штатные изменения в партийных органах на рубеже 1980-х – 90-х гг. состояли в упрощении структуры, кадровых сокращениях. В конце 1988 г. был реорганизован местный партаппарат; в Куйбышевском обкоме из 16 отделов было оставлено 7. Во второй половине 1990 г. штат обкома был сокращен почти в три раза – до 58 работников (заместители секретаря, руководители отделов, инструкторы и т.д.)¹⁴¹. Ввиду снижения влияния и статуса КПСС они не имели прежней атрибутики партноменклатуры – власти над советскими, правоохранительными,

ведомственными и т.д. кадрами, силового и пропагандистского монополизма, социально-бытового «вип-обслуживания» (специализированные клиники, спецдачи и т.д.). В 1991 г. вертикаль партийной власти и управления перестала существовать. В условиях бюджетного и кадрового «голода», организационного распада комитеты пытались, используя связи, пропагандистские и дисциплинарные меры, сохранять влияние в органах власти, общественных организациях. Внутрипартийное управление осуществлялось в режиме кризисного менеджмента; например, в начале августа 1991 г. было принято решение о введении контрактной (договорной) системы подбора руководящих партийных кадров. Тем не менее, исторический путь КПСС и ее номенклатуры приближался к финалу. Завершилась эпоха, в которой РКП(б)-ВКП(б)-КПСС была одних из основных «актеров» русской и мировой истории. Приостановкой деятельности КПСС Указом Президента РФ от 23 августа 1991 г. и – вскоре – ее запрещением было прекращено функционирование и партноменклатуры.

В целом, в истории региональной партийной власти период 1960-конца 1980-х гг. отличается институциональной стабильностью. Система управления номенклатурными кадрами, сложившаяся в предыдущие годы, оставалась неизменной до рубежа 1990-х гг. Возможности ее реформирования были ограниченными (это показала «перестройка»), а политические и организационные риски, связанные с реформаторством, – весьма высокими. Это обусловило политический консерватизм позднесоветского руководства. В последние «советские» десятилетия региональная партэлита укрепила свои позиции в социальной иерархии. Этому способствовал – в том числе – её количественный рост; уже в первой половине 1960-х гг., как было отмечено, состав номенклатуры местных парткомов был значительно расширен. Большая часть кадровых ресурсов находилась в распоряжении партаппаратчиков среднего звена. Важным фактором консолидации партийно-советской элиты стало ее рекрутирование из числа местных управленцев и организаторов производства; другими словами, переход в режим самовоспроизводства. В этом отношении если не поворотным, то «знаковым» стало назначение первым секретарем Куйбышевского

обкома А.С. Мурысева (в г. Куйбышеве с 1934 г.; трудовую деятельность начал на заводе им. Масленникова в 1941 г.).

В годы «оттепели» и «застоя» региональная партэлита в полной мере воспользовалась результатами «номенклатурной революции» 1953-1956 гг., установившей (на смену диктатуре вождя и его клики) «самодержавие» партийного аппарата. Дисбаланс полномочий и ответственности партэлиты, отсутствие внешнего контроля над ней вызвали падение темпов социально-экономического развития; оно было инерционным, «затухающим». В социально-кадровом аспекте «суверенитет» партийного аппарата привел к «застою» в движении номенклатурных кадров. Режим внутрипартийного управления становился все более либеральным, «комфортным» для партийных функционеров. Механизмы обновления партийно-административной элиты не были институционализированы. Они были персонифицированы; новый руководитель государства (области, региона) производил – в том или ином масштабе – кадровую ротацию, расставляя на руководящие должности свои креатуры. Вертикальная мобильность в системе государственной власти и управления является обобщенным показателем способности к изменениям, «инновационности» общества. В номенклатурно-кадровой политике брежневского периода, особенно во второй его половине, соотношение между кадровой стабильностью, преемственностью и обновлением кардинально изменилось в пользу первого. Эта тенденция, проявившись в высшем партийном руководстве, затем распространилась на другие уровни власти. В среднем и нижнем звене управления она не приобрела крайних форм, как на вершине партийной власти («геронтократия»). Тем не менее, можно отметить высокую представленность старших возрастных групп в региональных парткомах в 1980-е гг. Например, по состоянию на 1 февраля 1988 г. 54 из 96 ответственных работников Куйбышевского обкома (58,3%) были старше 45 лет; в городских и районных комитетах удельный вес сотрудников этой возрастной категории составлял 36,4%¹⁴².

Можно заключить, что в последние три десятилетия советской истории региональная политико-административная элита интен-

сивно формировалась; однако происходившие изменения носили неявный (внеинституциональный) характер. Изменялись психологические установки, социально-политическая мотивация, субкультура партноменклатуры. Получила значительное развитие «теневая сторона» номенклатурной власти – протекционизм, коррупция и другие нелегальные практики, связи номенклатуры с хозяйственниками, теневым бизнесом, криминалитетом. Произошло перерождение партийно-советской верхушки, ставшее главной причиной крушения «социализма».

Примечания

¹³⁰ Фурсов А.И. Что такое советский проект? URL.: <http://imhotep.livejournal.com/235898.html/>

¹³¹ Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М., 1996. С.118.

¹³² Партийный комитет и кадры. Куйбышев, 1972; Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст. / сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982.

¹³³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь, 2003.

¹³⁴ Айрапетов В.А. Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РК ВКП(б)/КПСС (Тамбовская область, 1945-1982 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009; Портнягин А.И. Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965-1970 гг. (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.

¹³⁵ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура в системе региональной власти (1945-1991 гг.). Кемерово, 2006; Он же. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири в 1945-1991 гг.: Дис. ...д-ра ист. наук Кемерово, 2006.; Он же. Социально-профессиональная эволюция партийной номенклатуры Кузбасса (1943-1964 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1999.

¹³⁶ Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: Дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

¹³⁷ Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956-1991 гг.: на примере Иркутской области: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007.

¹³⁸ Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917-1941 гг.). Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1981.

¹³⁹ Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.65. Д.65. Л.21-23.

¹⁴⁰ Партийная работа: стиль, формы и методы: сб. ст./сост. Сарматов Г.А. Куйбышев, 1982. С.6-9.

¹⁴¹ Крючков В.В. Социально-экономическое и политическое развитие Куйбышевской области в 1985 – 1991 гг. Самара, 2002. С.59.

¹⁴² СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.117, 123.

РАЗДЕЛ III.

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1991 гг.

В советском социализме, ввиду отсутствия предпринимателей (как массового социального типа), административно-хозяйственная элита была представлена государственными менеджерами (партхознаменклатурой). Социально-экономическое развитие, введение новых технологий планировались партийно-государственной бюрократией. Социальное ранжирование (стратификация) было основано, в значительной мере, на «начальственной», административно-управленческой иерархии. Позиция/статус в системе власти и управления обеспечивали доступ к другим видам ресурсов. Только в поздней – нисходящей – фазе развития советской системы приобрели значение другие факторы стратификации: неформальные связи и контакты («блат»), богатство (в т.ч. «теневое»), возможность поездок за границу, участие во внешнеэкономической деятельности и т.д. В правящей группе, в свою очередь, верхнюю страту составляла партийная элита, распоряжавшаяся главными ресурсами – идеологическим и кадровым. Партия производила подбор и расстановку административно-хозяйственных кадров, являлась «гарантом» коммунистической идеологии. Партийные структуры были своеобразной надстройкой над советскими, профсоюзными, хозяйственными органами; они составляли второй, внутренний контур системы власти. Вместе с тем по мере эрозии партийной идеологии и, с другой стороны, накопления общественного богатства, укрепления экономического базиса усиливались позиции хозяйственной элиты. Конкуренция, взаимопроникновение, конфликты партийно-идеологической и «прагматической» (технократической) элиты являются одним из генеральных «сюжетов» в истории региональной власти.

Важно заметить, что наличие многочисленного штата руководителей среднего (регионального) звена само по себе не конституирует элиту. Помимо формального критерия (должность/позиция на среднем «этаже» власти) региональная элита должна соответствовать параметрам: комплектование преимущественно

«автохтонными» (местными) кадрами, идентификация и поддержка «своих», неформальные связи, консолидирующие элиту; разработка программ, проектов решений, имеющих долгосрочное (стратегическое) значение для экономического развития региона. С этой точки зрения региональное партийно-хозяйственное руководство до середины 1950-х гг. являлось, скорее, «прото-элитой»¹⁴³. Аппарат региональной власти был, главным образом, исполнителем и «диспетчером» решений, принятых «центровехом». Сталинская система власти воспроизводилась на региональном уровне; местное руководство, обладая почти неограниченными – диктаторскими – полномочиями при выполнении правительственных заданий, являлось «винтиком» в отношениях с центральной властью. Экономическая инициатива местных «столоначальников» могла заключаться в незначительной корректировке плановых заданий, принятии встречных (повышенных) планов, оптимизации их выполнения. «Горизонт планирования» для руководства области был ограничен составлением оперативных (средне- и краткосрочных) планов, которые являлись не правовыми актами, а техническим инструментом выполнения заданий, утвержденных центральными органами. Среди функций местной партийно-административной власти отсутствовало долгосрочное целеполагание, которое является одной из главных «компетенций» элиты. Её деятельность была почти полностью детерминирована плановыми показателями и материально-финансовыми «лимитами», которые определялись общесоюзными (республиканскими) структурами.

Ограниченная самостоятельность (субъектность) регионального аппарата власти проявлялась и в механизме кадровой деятельности. Управление партийно-номенклатурными кадрами было предельно централизованным. Номенклатура Центрального комитета КПСС включала широкий круг должностей, в том числе секретарей районных парткомов, председателей райисполкомов и их заместителей, директоров крупных совхозов и т.д. Т.е. решения по кадровому составу не только областных и городских, но и, во многих случаях, местных (субрегиональных) структур власти принимались на «высшем уровне». Сверхцентрализация

позволяла поддерживать определенный уровень мобилизационного напряжения в системе власти, необходимого в условиях послевоенного восстановления. Она обеспечивала не только управляемость «по вертикали», но и тотальный политический контроль в аппарате власти. Такая технология управления кадрами была целесообразной в годы «индустриального рывка» 1930-40-х гг., когда имелся дефицит руководящих кадров. Работники, обладающие навыками и потенциалом для руководства административно-хозяйственными объектами, включались в «номенклатурную обойму», ставились на учет в орготделе ЦК. Они направлялись на ответственные участки деятельности; могли в разное время руководить предприятием, стройкой, краевым/областным советом, партийным комитетом и т.д. Сталинская власть, осуществляя расстановку кадров, периодически производила перемещение (ротацию) номенклатурных кадров «по горизонтали» – между регионами – для предотвращения клановой самоорганизации управленческой элиты, складывания корпоративных связей, появления местных «групп интересов», регионального лоббизма и т.д. К концу послевоенного десятилетия, когда общество (и его руководящая «надстройка») вышло из режима «чрезвычайщины», вступило в период стабильного развития, потребовалась реорганизация номенклатурного механизма. Прежде всего, кардинально изменилось соотношение между номенклатурой ЦК и областных/городских парткомов. На рубеже 1960-х гг. номенклатура Куйбышевского обкома включала ключевые должности в городском и районном партийно-советском аппарате (секретари местных парткомов, председатели гор- и райисполкомов, их заместители и др.). Номенклатурная «сеть» областного парткома охватывала администрацию (первые руководители, в ряде случаев их заместители, ведущие специалисты) крупных и средних социальных и индустриальных объектов, в том числе общесоюзного значения: завод «Прогресс», КАТЭК, «Куйбышевгидрострой» и т.д. Центральный комитет контролировал своей номенклатурой только небольшую «верхушку» областной власти (секретари обкома, председатель облисполкома и т.д.)¹⁴⁴. Эти изменения были, отчасти, вызваны тем, что во второй половине 1950-х гг. учет-

но-кадровый аппарат ЦК перестал справляться с оперативной обработкой информации о номенклатурных кадрах. Вместе с тем, они фиксировали возросший статус регионального партийно-хозяйственного руководства. Борьба с «культом личности» была формой процесса, который по сути представлял собой приход к власти коллективного субъекта – партийно-хозяйственной номенклатуры. Партийно-административный аппарат, ранее являвшийся инструментом личной власти, приобрел самодовлеющее значение. Система власти перестала быть строго моноцентричной; региональный аппарат стал относительно самостоятельной, автономной структурой управления. Региональные власти могли, во многих случаях, определять долгосрочное развитие области (края, региона), его приоритеты, корректировать общегосударственный политический курс. Последнее отчетливо проявилось при смещении Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., которое было, в значительной мере, политическим «заказом» региональных руководителей, недовольными его организационно-кадровыми «перетрясками».

Нижняя граница рассматриваемого периода является тем рубежом, когда в областная власть стала комплектоваться преимущественно местными кадрами. В 1958 г. областную «вертикаль» советской власти возглавил А.С. Мурысев, карьера которого была полностью связана с регионом. Он приехал в Куйбышев в 1934 г. для учебы в Индустриальном институте. Его профессиональным «стартом» стала работа инженером-технологом на заводе им. Масленникова в 1941 г. Вскоре он получил «номенклатурную» должность – стал заместителем начальника цеха. На этом месте он в 1942 г. смог решить сложнейшую организационно-производственную задачу – в кратчайшие сроки наладить выпуск реактивных двигателей к снарядам знаменитых «Катюш». В послевоенные годы А.С. Мурысев был заместителем, затем первым секретарем Куйбышевского сельского райкома, на территории которого находилась развитая нефтяная промышленность. В 1953 – 1958 гг. он возглавлял парторганизацию «Куйбышевгидростроя», являясь одним из ведущих руководителей строительства Куйбышевской ГЭС. В этой должности А.С. Мурысев проявил огромную энергию

и управленческий талант. Он был «вожаком» и неформальным лидером коллектива (свыше 150 тыс. человек), чуждым кабинетного стиля руководства. Он вникал в подробности производственного процесса, прилагал чрезвычайные усилия к решению социально-бытовых проблем; рассматривал и лично контролировал запросы, жалобы, ходатайства работников, огромным потоком поступавшие в партком предприятия¹⁴⁵. С 1957 г. он был вторым секретарем обкома и курировал промышленность Куйбышевской области. Это назначение было сопряжено с колоссальной ответственностью, поскольку в это время область стала одним из ключевых регионов, наряду с Байконуром и Подлипками (Подмосковье), работавших на космический проект. В 1958 г. заводы «Прогресс», п/я 32 (в настоящее время ОАО «Моторостритель»), п/я 81 («Экран») были перепрофилированы для выпуска межконтинентальной ракеты Р-7; под производство ракетной техники был реорганизован Сызранский завод тяжелого машиностроения. В октябре 1959 г. А.С. Мурысев, входивший в число основных топ-менеджеров космической программы, был избран первым секретарем обкома (сохранив пост председателя облисполкома). В его руках оказалась сосредоточена необъятная, максимально возможная в той системе управления власть. Это кадровое решение было напрямую связано с тем, что весной 1960 г. в Приволжском военном округе началась подготовка к первому пилотируемому космическому полету. В июле 1960 г. Александр Сергеевич Мурысев, в числе главных творцов комического проекта (конструкторов, управленцев, инженеров) был представлен к награде – ордену Трудового Красного Знамени (в формулировке: «за создание специзделий»). 12 апреля 1961 г. – «звездный» день его жизни – он был в составе делегации, на заводском аэродроме Кряж встречавшей первого космонавта планеты. Кстати, А.С. Мурысев – единственный куйбышевец, который упоминается в личных бумагах Сергея Павловича Королева¹⁴⁶.

Под руководством этого самоотверженного и энергичного руководителя Куйбышевская область сделала огромный шаг в индустриальном развитии. «Хрущевская» семилетка (1958-1965 гг.) включала высокие плановые задания, предусматривавшие увели-

чение объема промышленного производства в 2,5 раза. Они были выполнены; А.С. Мурысев, невысоко оценивая бюрократическую деятельность, постоянно ездил по области, инспектировал учреждения, посещал предприятия, стройки, коллективные хозяйства, встречался с управленцами и специалистами. Он словно пытался своей энергией и волей компенсировать недостатки хозяйственного механизма – низкая трудовая мотивация, высокие производственные издержки и др. В 1962 г. темпы роста промышленного производства в области составили 103%; был собран рекордный урожай зерновых. В ноябре 1962 г. Александра Сергеевича Мурысева не стало; его коллеги и близкие люди были единодушны: «сгорел на работе». Тем не менее, в историю края он вошел как один из самых выдающихся организаторов производства. Его вклад в развитие региона, «роль личности» в экономическом механизме подчеркивают следующие факты: если в 1959-1962 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства составляли около 13%, то в 1964-1965 гг. 5,9%¹⁴⁷.

Постепенно минимизировались значение и роль внешних источников комплектования. Этот «вектор» был обусловлен изменением номенклатурно-кадровой политики и, прежде всего, растущим – вследствие урбанизации, массового образования – социально-кадровым потенциалом региона. В большей степени это касалось партийно-советских структур, в меньшей – хозяйственного управления. Руководителями и ведущими специалистами крупнейших предприятий, имевших общесоюзное значение, были в основном «приезжие» работники. Например, руководителем строительства и первым директором Куйбышевского металлургического завода (введен в действие в 1960 г.) стал Павел Петрович Мочалов, мобилизованный для этого в 1951 г. из Каменск-Уральска. Дмитрий Ильич Козлов, ведущий конструктор межконтинентальных ракет (Р-5 и знаменитой «семерки», Р-7), обеспечивших Советскому Союзу первенство в космической «гонке», приехал в Куйбышев в 1958 г. для налаживания выпуска баллистических ракет на самолетостроительном заводе № 1 (сейчас входит в состав ЦСКБ-Прогресс) и создания конструкторского коллектива¹⁴⁸. В 1961 г. он стал заместителем С.П. Королева, на-

чальником и Главным конструктором куйбышевского отделения легендарного ОКБ-1 (филиала №3). Первым директором Волжского автомобильного завода – главной «точки роста» областной, да и общесоюзной индустрии во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. – был Виктор Николаевич Поляков, бывший директор Московского автозавода и председатель Московского СНХ. «Пришлые» работники интегрировались в новую территориальную общность; зачастую это был продолжительный – двунаправленный – процесс «включения» в систему неформальных отношений и связей и, с другой стороны, тонкое изменение самовосприятия (идентичности). Об этом написал в мемуарах П.П. Мочалов, приехавший в Куйбышев для руководства строительством металлургического комбината: «Ощущение, что мы, в общем-то, чужаки здесь, люди незваные, не покидало меня долгое время. Есть города, в которых легко ассимилироваться, в них границы между старожилами и теми, кто занесен в город по прихоти судьбы, легко стираются. ...Есть свой нор и у Куйбышева, города, которому исполнилось 400 лет. Прожив на самарской земле более тридцати лет и сроднившись с ней, я считаю Куйбышев родным городом»¹⁴⁹. Другими словами, вхождение работника в элиту имеет субъективное измерение и включает психологическое «освоение», адаптацию к новому статусу.

Спустя два послевоенных десятилетия Куйбышевская область имела достаточно развитую, по меркам своего времени, социально-профессиональную структуру. Самой многочисленной категорией работающих были индустриальные рабочие. Сформировался слой ИТР, который является «резервуаром» для комплектования технократической элиты. Так, в 1962 г. в регионе насчитывалось 142 тыс. инженерно-технических работников¹⁵⁰. Развитие системы вузовского образования отставало от взрывного, скачкообразного роста индустрии. Только в 1966-1973 гг. были открыты крупнейшие центры подготовки научно-технических кадров – Куйбышевский госуниверситет и железнодорожный институты. Поэтому область нуждалась в притоке квалифицированных кадров; это касалось, главным образом, узкого круга специалистов (управленцев, научно-исследовательских работни-

ков) «хай-класса», высшей категории. Среднее и профессионально-техническое образование соответствовало (в количественном отношении) кадровым потребностям региона, даже с учетом высоких (до середины 1970-х гг.) темпов экономического развития. Оно обеспечивало массовую подготовку «синих воротничков» и нижнего слоя инженерно-технических работников, из которых рекрутируются управленческие кадры. Ввиду «догоняющего» характера развития вузовского образования (качественные сдвиги здесь требуют смены поколений) существовал серьезный диспаритет между квалификационно-должностными требованиями и уровнем образования работников, занимавших верхние позиции в служебной иерархии предприятий (учреждений) – руководителей, ведущих специалистов, технологов и т.д. Большинство из них начали профессиональную деятельность в годы войны и предшествующее ей десятилетие, т.е. в раннеиндустриальный период, когда образовательная инфраструктура только формировалась. Типичный сотрудник административных и производственных подразделений имел среднее – часто неполное – образование. В 1960-е гг. «встало к станку» первое послевоенное поколение, поэтому ситуация с образовательной подготовкой административно-хозяйственных кадров быстро улучшалась. Так, количество работников промышленности, имеющих общее и неполное среднее образование, в Поволжье с 1958 по 1965 гг. («хрущевская семилетка») выросло почти в полтора раза и составило 48,1%¹⁵¹. Вместе с тем, в середине 1960-х гг. более 20% индустриальных рабочих не имели образования, либо оно ограничивалось начальной школой; каждый десятый не владел грамотой (или был малограмотным). В 1965 г. более половины (54,6%) главных инженеров должность, требующая теоретической подготовки – имели неполное среднее образование. В других категориях сотрудников удельный вес лиц с незавершенным средним образованием был следующим: техники – 32,6%, инженеры – 37,8%, начальники цехов – 52,8%, начальники отделов и их заместители – 34,6%, заместители руководителя – 32%, руководители предприятий – 46%¹⁵². Большая доля лиц, не завершивших общеобразовательную подготовку, среди руководителей предприятий объясняется их более продолжительной

карьерой, «почтенным» возрастом. Первая и последняя категории (техники и директора) относились практически к разным социально-поколенческим группам. Кроме того, руководство предприятием требовало в большей степени общеуправленческих навыков, чем прикладных знаний. Такие социально-образовательные характеристики делали систему управления «ригидной», невосприимчивой к техническим нововведениям. В условиях разворачивающейся научно-технической революции требовалось повысить «инновационность» управления, которая коррелирует с более высоким образовательным уровнем.

Обязательным условием исследования элит, его методологической предпосылкой, является определение (экспликация) авторской позиции по следующим вопросам: трактовка (дефиниция) этого понятия, его содержательные границы, соотношение с взаимосвязанными терминами; критерии выделения региональной элиты в социальной структуре. После решения этих «постановочных» проблем уже «технической» задачей является определение численности, должностного и персонального состава региональной элиты, его динамики и т.д. Заметим, что к региональным структурам власти следует отнести органы управления областью и ее «столицей» (Куйбышевом/Самарой). Представители властных структур других городов (с более низким административным статусом), городских и сельских районов можно включить в региональную элиту только в расширительном (или условном) значении этого понятия, поскольку это местный (субрегиональный) уровень управления. Таким образом, первый признак отнесения должностного лица к административно-хозяйственной элите является формальным – это позиция (должность, статус) на региональном уровне власти и управления. Однако место и роль сотрудника в управленческом процессе определялись не только институциональными, но и неформальными («теневыми») факторами: «экспертные» знания, личный авторитет, влияние и связи и т.д. Поэтому для идентификации состава и границ элиты необходимо, помимо статусных характеристик, принимать во внимание другой (более неопределенный) критерий – роль работника в принятии (инициировании, экспертизе проекта, утверждении)

решений. С этой точки зрения, например, общественный деятель или известный журналист, ученый, не имеющие официального «элитного» статуса, в некоторых случаях могут быть отнесены к элите, поскольку они корректируют политику властей формированием общественного мнения, генерированием общественно значимых идей, личным влиянием на руководителей; они определяют «концептуальную рамку» политического и экономического курса. Важный «технологический» принцип управления состоит в том что, должностные лица, которые готовят проекты решений, осуществляют их согласование, экспертизу, концептуальное обоснование, играют более важную роль в формировании решения, чем «официальные» авторы, выполняющие формальные процедуры утверждения/подписания документов. Аппарат партийно-советских и хозяйственных органов, осуществлявший подготовку и «штамповку» официальных бумаг, был субъектом управления в большей степени, чем руководящие органы (конференции, бюро, пленумы, секретариаты), заседания которых носили рутинный и «постановочный» характер. Таким образом, функции и роль должностных лиц в управлении не совпадала с должностным «ранжиrom», официальной иерархией. Поэтому для корректного определения структуры местной элиты необходимо изучение нерегламентированных аппаратных традиций, «неписанных» правил выработки решений.

Наиболее близким по содержанию понятием, нередко отождествляемым с элитой, является партийная номенклатура. Это многозначный, даже мистифицированный, термин, которым обозначают правящий «политический класс» Советского Союза, систему управления партийными кадрами, кадровый состав партийно-хозяйственных органов и т.д. В его изначальном, «рабочем» значении – это перечень должностей в органах власти, хозяйственных объектах, общественных организациях, назначение на которые осуществляется с согласия партийного комитета. Номенклатурная система позволяла партийным комитетам регулировать кадровый состав управленческих структур, оставаясь вместе с тем за «фасадом» советских, хозяйственных, профсоюзных органов. Номенклатурная система была элементом механиз-

ма «двухконтурного» управления, существовавшего в Советском Союзе. В этой системе субъектом социально-экономических, политических, кадровых решений была партия; однако эта её роль вуалировалась, поскольку публичную часть управленческих функций выполняли советы, административно-хозяйственные органы. Номенклатура партийных комитетов была практически официальной «табелью о рангах». Она включала наиболее значимые, с точки зрения власти, должности, которые являлись «входными точками» для управления производством, наукой, социальной сферой и т.д. Партноменклатура охватывала большинство управленческих должностей, за исключением – отчасти – низового, локального уровня. Она составляла существенную часть региональной элиты; однако отождествлять их было бы неверно. Сотрудник мог входить в хозяйственную элиту на основании не должностного статуса, а личного «социального капитала» экспертной квалификации, уникальных знаний, социальных связей, общественной активности. Например, ведущие сотрудники НИИ, проектных институтов, конструкторских бюро, не входившие в партноменклатуру, могли участвовать в разработке, согласовании значимых для области решений, вносить вклад в разработку стратегии регионального развития. Тем не менее, такие примеры были немногочисленными, составляли исключение. В советской социально-политической системе, ввиду ее полного огосударствления, партноменклатура и элита были, действительно, предельно близкими понятиями.

На основе этих «принципиальных» соображений можно определить категории управленцев, входивших в региональную административно-хозяйственную элиту. Это руководители хозяйственных отделов партийных комитетов и исполкомов советов (кроме районных), областных/городских органов хозяйственного управления, плановых комиссий и их подразделений, руководители, их заместители и главные инженеры предприятий союзного подчинения, управляющие трестов, начальники геолого-разведочных экспедиций, директора и ведущие специалисты исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро.

Определить – ретроспективно – точную (не «примерную») численность и персональный состав административно-хозяйственной элиты невозможно ввиду условности ее границ, подвижности состава (даже в течение квартала/года), а также лагун в источниках. Один из «грубых» методов оценки численности «топ-менеджеров», составлявших региональную элиту, основан на количестве хозяйственных объектов. Предполагается, что эти показатели коррелируют, примерно соответствуют друг другу. Руководители небольших предприятий (мастерские, районные маслокомбинаты и т.д.) не относились к административной элите; с другой стороны, на самых крупных предприятиях (ВАЗ, «Прогресс» и др.) элита могла быть представлена десятками работников. На 1 января 1961 г. в области насчитывалось 320 государственных предприятий промышленного типа¹⁵³. Самый многочисленный «кластер» составляла легкая и пищевая промышленность (80 предприятий). Ядром областной индустрии, ее наиболее «массивной» (с точки зрения инфраструктуры, количества работающих, объема производства) частью было машиностроение и металлообработка, представленное 59 предприятиями. Следствием экстенсивного – путем ввода новых предприятий, расширения действующих – развития «социндустрии» был высокий удельный вес промышленности стройматериалов – 53. Структура региональной промышленности, соотношение ее отраслей (суботраслей) в рассматриваемый период было стабильным. Наиболее существенные структурные изменения были связаны со стремительным ростом – с 1960 по 1975 гг. почти в 15 раз – химической промышленности и вводом «волжского автогиганта» – автомобильного завода в Тольятти. Количество индустриальных объектов (заводов, баз, электростанций, комбинатов и т.д.) за эти тридцать лет увеличилось в полтора раза. Одновременно происходило «масштабирование» предприятий, их укрупнение. Если в 1950-е гг. заводами-гигантами называли предприятия с 10-12 тысячами сотрудников, то в 1970-е – не менее 20-30 тыс. При этом численность управленческого персонала увеличивалась не пропорционально количеству работников, а скорее, «по экспоненте». Так, в 1981 г. агропромышленном комплексе (АПК) Куйбышевской области насчитывалось

33,8 тыс. руководящих работников, хотя лишь незначительная их часть может быть отнесена к региональной элите¹⁵⁴. Развитие специализации производства сопровождалось интеграцией управленческих структур, созданием новых (межведомственных, надотраслевых) органов управления. Получила распространение такая форма концентрации (координации) хозяйственной деятельности, как производственные объединения. В 1975 г. в области существовало 25 таких объединений, которые производили треть промышленной продукции. К концу 1980 г. насчитывалось 47 производственных объединений, в которых было сосредоточено 57% индустриальных рабочих, выпускалось 60% продукции¹⁵⁵. Таким образом, для борьбы с «болезнью» позднесоветской экономики – ведомственностью – создавались новые бюрократические структуры; расширялась (на уровне область-город) номенклатура руководящих должностей.

Как отмечалось выше, среди региональных субэлит более высокий «ранг» имело партийное руководство. Партийный аппарат был «скрепой» системы власти; на него замыкались вертикальные властные связи. Он имел широкие, практически не регламентированные (т.е. не ограниченные) полномочия в управлении экономикой. Вместе с тем, партия не дублировала хозяйственные органы, не заменяла их в управлении производством. Главной функцией партийных структур было согласование интересов (своего рода арбитраж) ведомств, отраслей, территорий и регионов; надведомственная координация, предотвращение и регулирование коллизий в системе управления. Задачей парткомов было формирование и реализация «общего интереса»; предотвращение отраслевого, регионального и других форм лоббизма. Лоббизм (в советской терминологии – «ведомственность») в государственно-плановой экономике был – потенциально – крайне разрушителен, поскольку государство распоряжалось всеми ресурсами, и их использование в интересах одной отрасли, региона, предприятия могло привести к серьезным дисбалансам в народном хозяйстве.

Цели и содержание деятельности партийных комитетов проявлялись (объективировались) в их организационной структуре, которая включала агитационно-пропагандистский, экономиче-

ские и административные отделы. В кадровом составе партийных комитетов была представлена как политико-идеологическая, так и хозяйственная, технократическая элита региона. Так, заведующих хозяйственными отделами (секторами) парткомов и их заместителей можно идентифицировать как членов административно-хозяйственной элиты. Они курировали отдельные отрасли (секторы) экономики, держали «на контроле» выполнение плановых заданий. Партийные кураторы промышленности и сельского хозяйства получали отчетность от предприятий, ведомств; использовали партийную дисциплину для решения экономических задач. Организационно-хозяйственные функции партийных комитетов были широкими; однако их реализация была опосредована другими структурами власти (исполкомами, администрациями предприятий, госкомитетами и т.д.). Партийное управление осуществлялось «от лица» советских, ведомственных и т.д. органов власти. Хозяйственно-экономический «кластер» в партийной элите был немногочисленным. Например, в 1961 г. в штате Куйбышевском обкоме числилось 6 заведующих хозяйственными отделами (промышленно-транспортным, сельскохозяйственным, строительства и стройматериалов, оборонной, нефтехимической промышленности, административных и торгово-финансовых органов) и 5 заместителей. В их подчинении находился инструкторский аппарат – 42 сотрудника¹⁵⁶. Организационно-штатную структуру партийных комитетов отличала стабильность; она с незначительными изменениями просуществовала до конца 1980-х гг. В 1981 г. структура обкома включала 8 хозяйственных отделов (машиностроения, сельскохозяйственный, нефтяной и химической промышленности, строительства, оборонной, легкой и пищевой промышленности, транспорта и связи, торгового и бытового обслуживания); штат этих отделов состоял из 8 заведующих, 10 заместителей и 41 инструктора¹⁵⁷. Эта структурная стабильность была связана с тем, что функции и объем деятельности партийных комитетов не изменялись, несмотря на усложнение управляемой системы. Горкомы в организационно-штатном отношении были уменьшенной копией областных комитетов. В 1962 г. Куйбышевский городской партком включал 2 хозяйственных от-

дела – промышленно-транспортный и строительства (2 заведующих, 1 заместитель, 8 инструкторов)¹⁵⁸. В дальнейшем структуры хозяйственного управления были несколько расширены. Согласно штатному расписанию 1983 г. Куйбышевский горком включал 3 экономических отдела – промышленно-транспортный, строительства и городского хозяйства, административных и торгово-финансовых органов – в составе 6 руководителей отделами и их заместителей, 12 инструкторов¹⁵⁹. Партийные комитеты были социальной «площадкой», где происходило согласование интересов, интеграция региональных субэлит – партийной и административно-хозяйственной.

Формально (т.е. юридически) высшими органами административно-хозяйственного управления были Советы – структуры власти, давшие наименование государству. В действительности они являлись, во многих отношениях, «фасадом» партийной власти. Принципиальные вопросы государственного управления, в том числе по кадровому составу советов, предварительно согласовывались и утверждались партаппаратом. Вместе с тем некорректно утверждение, распространенное в литературе, что советы были «винтиками» в механизме власти, лишены организационно-финансовой самостоятельности. Советы выполняли функции рутинного, повседневного хозяйственного управления, обладая в его рамках значительными полномочиями. Например, в ведении обл- и горисполкомов находилось городское капитальное строительство; в их организационную структуру входило управление капитального строительства. В Куйбышеве в 1960-середине 1980-х гг. ежегодно строилось 500-600 тыс. кв. м жилой площади; при этом заказчиком большей его части – 300-360 тыс. кв. м – выступал горисполком¹⁶⁰. Другой сферой ответственности местных советов было дорожное строительство. Главной проблемой в деятельности советов было несоответствие между их целевым назначением и, с другой стороны, крайне ограниченной материально-финансовой базой. Основными распорядителями финансовых средств были предприятия, ведомства и «область». Поэтому деятельность руководителей советских органов представляла собой постоянный договорной процесс с владельцами

материальных «активов»: директорами и топ-менеджментом заводов, парткомами, плановыми органами, проектными организациями, центральной властью и т.д.

Важнейшим направлением деятельности Куйбышевского горсовета в рассматриваемый период – особенно в первой его половине – было жилищное строительство. Улучшение жилищных условий людей, переселение их из бараков было крайне насущной задачей. Однако средства для этого министерства выделяли предприятиям, которые выступали в качестве дольщиков и, соответственно, получателей жилплощади. Горисполком являлся официальным заказчиком строительства; он выполнял организационную работу (выселение семей, оформление технической документации, получение лимитов на строительство и т.д.), освобождал средства и затем передавал дома «под ключ» предприятиям. Такая практика была удобна директорам заводов; но новое жилье в этом случае получали только работники крупных предприятий. Другие, менее «привилегированные» категории жителей города не имели перспективы стать «новоселами». В качестве решения проблемы горисполком, формируя план жилищного строительства, предлагал предприятиям-дольщикам уступить часть жилой площади. Например, в 1966 г. у предприятий-заказчиков было отчуждено – в соответствии с плановым заданием – в распоряжение городского исполкома 24,6% жилья. Возможности горисполкома в планировании строительства были существенно ограничены распоряжением правительства в 1971 г. отчуждать у дольщиков не более 6% жилья. Тем не менее, горисполком выдвигал предприятиям требование передать городским властям 18% жилья¹⁶¹.

Свои важнейшие мероприятия Куйбышевский совет финансировал, главным образом, из внешних источников – бюджетов предприятий (ведомств) и облисполкома. На средства Министерства авиационной промышленности, перечисленные на баланс местных предприятий, были построены путепроводы на 139-м километре железной дороги, Псковском и Ракитовском шоссе. Министерство автомобильного транспорта финансировало строительство междугородного автовокзала «Центральный» с гостиницей «Октябрьская»¹⁶². Поэтому советское руководство города

стремилось найти «общий язык» с директорами заводов; выдвигало им требования, применяя в том числе административное давление.

Неповоротливость бюрократической машины и жесткий лимит средств вынуждали искать «лазейки» в юридических и технических нормах, позволяющие реализовать мероприятие, сделать его менее затратным. Так, на рубеже 1960-х гг. серьезной диспропорцией в развитии города было медленное развитие культурно-социальной инфраструктуры. Финансовые потоки распределялись по отраслям и направлялись на жилье, коммунальные объекты; учреждения культуры и здравоохранения финансировались крайне скудно. Городским руководством был найден «обходной» – в нарушение нормативов – путь решения проблемы. Больницы проектировались и вносились в списки на строительство как типовые общежития. Далее они передавались не жилищным органам, а городскому отделу здравоохранения; проводилась их реконструкция под медицинские учреждения. При этом дважды нарушались нормативно-правовые требования: передача объектов из одной отрасли в другую без разрешения республиканского правительства и нецелевое расходование средств. Тем не менее, таким образом удалось ввести в строй четыре медицинских учреждения, в том числе корпус онкологического диспансера (ул. Запорожская), здание гордезостанции на ул. Арцибушевской¹⁶³.

Аналогичные проблемы – поиск источников финансирования и «пробивание» проекта в аппарате власти – были главными при планировании дорожного строительства. Поддержание и развитие транспортных коммуникаций в Куйбышеве возлагалось на городской совет; однако для этого он располагал ограниченными «внелимитными» средствами городского бюджета. Поэтому, например, проект городской магистрали по пр. К. Маркса протяженностью 13 км был реализован в незначительной степени; были построены только две полосы от пл. Урицкого до ул. Владимирской. Едва ли не единственным крупным «дорожным» мероприятием, осуществленным на средства города, было расширение Московского шоссе от «4-го ГПЗ» в сторону поляны Фрунзе. В «кулуарном» порядке городским властям удалось добиться – во-

преки бюджетному «регламенту» – финансирования дорожных работ Куйбышевским облисполкомом. На средства областного совета были построены крупные городские магистрали, такие как: Волжский проспект, ул. Демократическая, Ракитовское шоссе, путепровод «Зубчаниновский». Финансирование проектных работ и проведение (на административном новоязе – «выбивание») плана работ на трест «Куйбышевдорстрой» также осуществлял областной исполком¹⁶⁴. Таким образом, важнейшие инфраструктурные мероприятия стали возможными благодаря деловым качествам и даже самоотверженности лидеров городской элиты, нарушавших – на свой страх и риск – бюрократический регламент. Сверхцентрализованная система управления была дееспособной благодаря неформальным «прямым» связям в управленческой среде, «закулисным» формам выработки решений и другим внеинституциональным практикам.

Руководители исполкомов (областного, городских) выступали инициаторами масштабных проектов – инфраструктурных, социальных, градостроительных. Например, вопрос о строительстве в Куйбышеве метрополитена был поставлен еще в 1965 г. председателем городского исполкома А.А. Росовским. В дальнейшем – более десятилетия – он и другие региональные руководители регулярно направляли в столицу письма с просьбами разрешить его проектирование. В 1977 г. было разработано технико-экономическое обоснование этого проекта. Следующим шагом было получение в кратчайшие сроки – до составления пятилетнего плана – согласия (виз одобрения) столичных чиновников: председателя Госплана Н.К. Байбакова, его заместителя и руководителей отделов. Визы были своевременно получены, несмотря на отрицательное отношение к проекту ряда функционеров (например, заместителя председателя Госплана В.Я. Исаева), благодаря настойчивости и «пробивной» силе региональных лидеров – председателя горисполкома А.А. Росовского и первого секретаря обкома В.П. Орлова¹⁶⁵. Объединение усилий этих талантливых руководителей ради одной цели давало порой поразительный, «кумулятивный» эффект. Исключительную эффективность этого «тандема», его огромную роль в развитии региона сложно переоценить.

«Конфигурация» взаимоотношений советов с ведомственными, партийными органами во многом зависела от личности председателя исполкома, его влияния, административного «капитала». В советской системе власти, имевшей вождистские потенции, личные качества руководителя нередко были важнее формальных правил и институтов. В период, когда горисполком возглавлял Алексей Андреевич Росовский (1965 – 1982 гг.) – один из самых «успешных» градоначальников в истории Куйбышева (Самары), – в связке «горсовет-горком» второй выступал в качестве ведомого. В основном он шел в «фарватере» инициатив городского совета, обеспечивая им административную поддержку. Показательно, что в мемуарах А.А. Росовского городской партийный комитет упоминается «вскользь» всего несколько раз¹⁶⁶. Типовую схему взаимодействия представителей высшего и регионального административного «истеблишмента» можно проиллюстрировать на примере подготовки решения о строительстве моста Южный через реку Самару. Этот проект был инициирован письмами и докладными записками городского руководства в Госплан, в которых обосновывалась необходимость строительства моста. Аргументация была эмпирической – движение по старому мосту приводило к созданию «пробок». После получения согласия Госплана рассмотреть этот вопрос в Москву – для его обсуждения с «госплановскими» чиновниками – направились глава города А.А. Росовский и заместитель председателя областного исполкома О.И. Ковалев. Роль последнего состояла в усилении переговорных позиций, придании «веса» куйбышевской делегации. Получив в Госплане поддержку этого проекта и уточнив некоторые его детали, гости не решились поднять вопрос о финансировании строительства путепровода через железнодорожные пути, без которого это мероприятие теряло экономический смысл. Предложением о его строительстве внес госплановский работник – заведующий подотделом жилищно-коммунального строительства. Как позднее заметил А.А. Росовский, это был единственный случай, когда Госплан выделил больше средств, чем просила область¹⁶⁷. Таким образом, главной формой воздействия региональной элиты на центральную власть с целью принятия своих предложений, про-

ектов решений, получения ресурсов были письма (запросы, докладные записки и т.д.) в общесоюзные/республиканские властные структуры. После получения предварительного согласия инициировалось его более детальное обсуждение, достигалась договоренность, составлялся и визировался проект решения (постановления, распоряжения и т.д.).

Региональная хозяйственно-экономическая элита представляла собой многомерную структуру, в которой (по формальным критериям) одну из высших позиций занимали руководители советских органов. С нормативно-правовой точки зрения совет был – на своей территории – высшей властной инстанцией. Советы выполняли общие (надотраслевые) управленческие функции, но, вместе с тем, имели специализированные структуры (отделы, секторы) по отдельным отраслям управления (транспорт, коммунальное хозяйство и т.д.). Руководящая деятельность совета обеспечивала интеграцию объектов (предприятий, учреждений, инфраструктуры и т.д.), находящихся на его территории, объединение их в единый экономический комплекс. Вместе с тем реальная (не нормативная) система управления представляла собой более сложную картину, поскольку на территориальные (т.е. советские и партийные) структуры управления накладывалась «сетка» отраслевых, ведомственных, функциональных органов. Происходило сложное переплетение, отчасти дублирование функций, сфер компетенции, интересов органов власти и управления. Советы при выполнении своих функций наталкивались на «барьеры» в виде притязаний, конкуренции за ресурсы других структур власти. Во взаимоотношениях с органами управления, формально нижестоящими, они нередко являлись зависимой стороной, поскольку основные финансовые потоки циркулировали в отраслевых (ведомственных) системах управления. Наиболее значительные денежные средства направлялись министерствами, минуя «область» и «город», на подчиненные предприятия (производственные объединения, комбинаты и т.д.)¹⁶⁸. Заводы, особенно крупные, представляли собой самостоятельные социально-хозяйственные объекты (вроде феодальных доменов) с собственными (ведомственными) лечебно-оздоровительными учреждениями,

подсобными хозяйствами, рекреационной и дорожно-транспортной инфраструктурой. Административный «вес» руководителей и ведущих специалистов предприятий союзного подчинения (например, «Прогресс», ВАЗ) был сопоставим со статусом главы городского совета, а иногда превосходил его. При возникновении на производстве нештатных ситуаций, аварий значительного (городского, районного) масштаба на места, как правило, выезжали руководитель предприятия и глава совета. Администрации предприятий и главы советов были основными субъектами решения социальных и хозяйственных проблем в регионе; их служебные взаимодействия носили, скорее, «горизонтальный» (не иерархичный) характер. Типовым примером, показывающим ограниченность возможностей советов без поддержки, «доброй воли» со стороны руководителей предприятий, является строительство онкодиспансера на ул. Запорожской. Как отмечалось выше, он был спроектирован и внесен в реестр (титульный список) как общежитие; городское руководство использовало эту нелегальную «схему» из-за недостатка целевых средств на строительство больниц. При переоборудовании здания обнаружилось, что в нем невозможно разместить гамма-установку для лечения больных. Строительство дополнительного корпуса требовало согласования с Госпланом, что привело бы к выявлению нарушений. Проблема была решена благодаря помощи директора завода им. Фрунзе; здание было построено на средства завода и оформлено как внутривозвращенное (т.е. не требующее внешнего согласования) сооружение¹⁶⁹. В предельно централизованном механизме власти учреждения (предприятия) были разделены ведомственными барьерами; их взаимодействие осуществлялось через центральный аппарат власти. В этих условиях неформальные «сетевые» («дружеские», даже коррупционные) отношения в управленческой среде придавали ему некоторую гибкость, выступая компенсаторным механизмом. Нередко руководители органов власти оказывались перед выбором – соблюдать юридические нормы, бюрократические инструкции или нарушить их ради главной задачи – экономического и «гуманитарного» развития региона. Как ни

парадоксально, нравственные принципы подталкивали к «преступлению» правил.

Руководящие кадры советских органов входили в состав хозяйственно-экономической элиты; составляли в ней отдельную – немногочисленную – «фракцию». Советская элита была консолидирована организационной основой своей деятельности – советским аппаратом. Вместе с тем по содержанию деятельности, т.е. по функциональному признаку в ней можно выделить научно-технические, административную субэлиты; отдельную категорию, на наш взгляд, составляли «плановики» – работники плановых органов. Штатная структура областного и городских советов была «матрицей», на основе которой воспроизводилась и функционировала эта часть управленческой элиты. На основе анализа штатных расписаний советских органов можно рассмотреть динамику состава и численности руководящих советских работников. В 1967 г. руководящий состав областного исполкома включал председателя и 5 заместителей (4 из них возглавляли структурные отделы исполкома). Большая часть работников (4 из 6) имели высшее (политехническое) образование. Председатель и один заместитель входили в возрастную группу 31-40 лет; трое сотрудников относились к старшей возрастной когорте (51-55 лет) и один - 41-50 лет¹⁷⁰. Следующий – городской – уровень хозяйственного управления был представлен 10 председателями горисполкомов (ГИК) и 14 их заместителями. Среди них 19 сотрудников (в т.ч. все председатели советов) имели высшее образование (в основном инженеры и выпускники высшей партийной школы). По возрастным параметрам их можно разделить две категории: 31-40 лет (10 чел.) и 41-50 (14 чел.)¹⁷¹. Сравнительно высокий, для этого уровня власти, удельный вес сотрудников в возрасте 31-40 лет, т.е. родившихся после 1926 г., во многом объясняется высокими демографическими потерями в старшей возрастной когорте. Во второй половине 1960-х гг. немногочисленная категория 45-55-летних работников (родившихся в конце 1910-х-первой половине 1920-х гг.) испытывала «давление» со стороны «многолюдной» группы работников, родившихся позднее (последней трети 1920-х гг.). Это было фактором вертикальной мобильности, т.е. более бы-

строго карьерного продвижения управленцев. В 1960-е гг. уровень образования оставался важным признаком, влиявшим на распределение сотрудников в системе управления. На каждом нижестоящем уровне управления доля работников с высшим образованием почти пропорционально снижалась. В 1967 г. высшее образование имели 84% председателей районных исполкомов и только 28% (7 из 25) секретарей райисполкомов¹⁷². Во второй половине 1970-х гг. произошла нивелировка управленцев по этому показателю; он перестал быть карьерным преимуществом. В 1980 г. вузовское образование имели все руководящие работники (председатели, заместители и секретари) горисполкомов, районных исполкомов в городах, 23 из 25 председателей сельских райисполкомов¹⁷³.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. происходило «постарение» советских кадров, вызванное снижением вертикальной мобильности. Однако этот процесс оставался в рамках социальных норм, поэтому говорить о региональной геронтократии неуместно. Например, в 1980 г. из 10 председателей горисполкомов только трое были старше 50 лет¹⁷⁴. Среди их заместителей кадровая ротация происходила медленнее; 18 из 22 сотрудников были старше 50 лет, 4 находились в «предпенсионном» возрасте (56-60 лет)¹⁷⁵. Состав председателей райисполкомов (в городах) был «ровным» в возрастном отношении; 11 из 12 работников были в возрастном диапазоне 40-50 лет¹⁷⁶. Большая часть руководителей на всех уровнях, от районного до областного, принадлежали к возрастной категории от 40 до 55 лет. С точки зрения управления эти годы являются «возрастным оптимумом», поскольку характеризуются сочетанием высоких психофизиологических возможностей организма и социального опыта. С другой стороны, для этого «солидного» возраста характерно сопротивление организационным и технологическим изменениям. Научно-техническая революция (НТР), ставшая общим местом в программных документах ещё в 1960-е гг., понижает возрастную планку менеджмента. Поэтому недостатком кадрового состава советов было незначительное количество работников в возрасте до 40 лет.

Направления деятельности соработников, входивших в экономический «истеблишмент», нашли организационное выра-

жение в структуре советского аппарата. В конце 1970-х гг. штат Куйбышевского областного исполкома (без плановой комиссии) включал 108 сотрудника, в т.ч. 23 руководителя (председатель, его заместители и помощники, заведующие отделами и т.д.). В его составе было 10 структурных подразделений, в том числе два экономических: финансово-хозяйственный отдел (9 чел.) и отдел цен (10 чел.)¹⁷⁷.

Значение и роль советов в системе хозяйственного управления существенно изменились в последние советские годы, когда была ликвидирована опека со стороны партийных структур, упразднены экономические отделы в парткомах; с другой стороны, начался процесс разгосударствления экономики. К советам перешла значительная часть властных функций КПСС; изменились задачи и «поле» их деятельности. Это вызвало организационные изменения; согласно штатам облисполкома, утвержденным 20 августа 1991 г., в нем было 32 сотрудника. Структура состояла из 11 экономических отделов: строительного комплекса и сводного планирования, по муниципальному имуществу и приватизации, комплексных и межотраслевых связей, жилищного строительства и материальных фондов, коммунального хозяйства и др.¹⁷⁸ Существенное – в несколько раз – уменьшение количества сотрудников было обусловлено сокращением объемов деятельности и уровня ответственности. Экономика «государственного менеджериализма» была почти демонтирована; финансово-хозяйственные функции советов стали в значительной степени декоративными. Штатный состав Куйбышевского городского исполкома в январе – августе 1991 г. включал 67 должностных единиц, в т.ч. 11 руководящих работников (председатель, заведующие отделами и секторами, их заместители). В нем было 6 структурных подразделений, два из них – по экономическому управлению: сектор аграрно-промышленного комплекса (5 чел.) и отдел по учету и распределению жилья¹⁷⁹.

Специфический «сегмент» местной хозяйственно-экономической элиты составляли сотрудники плановых органов. Планирующая функция экономического управления, связанная с прогнозированием, «опережением» действительности, является первич-

ной по отношению к другим функциям менеджмента – организационной, контрольно-распорядительной. С этой точки зрения, плановые органы, формально подчиненные партийно-советскому аппарату, фактически определяли «рамку» его деятельности. Плановые показатели представляли собой «идеальный результат» экономической деятельности; они выполняли роль целевого ориентира и критерия оценки деятельности предприятий, учреждений и органов власти. Аппарат плановых органов осуществлял информационное обеспечение административно-хозяйственного управления; по крайней мере, одного из его аспектов – прогностического. Плановики, в отличие от других хозяйственников – «отраслевиков», владели полной (сводной) информацией по разным секторам, суботраслям экономики; могли составить интегральную картину состояния хозяйства, его динамики. Плановая деятельность включала обработку финансово-экономической информации в соответствии с научными критериями. Планово-экономическая элита находилась на «стыке» субэлит – научно-технической и административно-хозяйственной. Удельный вес сотрудников, имеющих публикации, ученые степени, в аппарате плановых органов был выше, чем в других административно-хозяйственных структурах. Другая особенность плановой субэлиты состояла в том, что ее задачей было составление сбалансированных экономических планов, минимизация диспропорций, «перекосов» в хозяйстве, т.е. противостояние лоббизму. «Естественная» функция региональной элиты – отстаивание интересов своей отрасли, региона, территориальной общности – в деятельности планового руководства была выражена минимально, поскольку его цели были противоположными – обеспечение баланса (отраслевого, территориального и т.д.) в экономике; «стыковка» регионального плана с общесоюзным (республиканским)¹⁸⁰.

Направления и объем деятельности планово-экономической элиты детерминировали структуру плановых органов. В 1960 г. организационная структура областной плановой комиссии включала 7 структурных подразделений (секторы сводного планирования, промышленности, сельского хозяйства, торговли и товарооборота и др.); штат составлял 40 человек, в том числе 9

руководящих работников¹⁸¹. Облплан не имел организационной самостоятельности, являясь структурным отделом облисполкома. Это снижает – формально – статус плановых работников; тем не менее, председатель облплана и два его заместителя входили в состав региональной элиты, ее «верхнего» слоя. Рассматриваемый период отмечен быстрым – скачкообразным – ростом объемов управленческой информации. Соответственно, росла интенсивность деятельности плановых органов, расширялись их штаты. В 1989 г. в облплане насчитывалось 16 структурных подразделений (подотделов), в которых числилось 70 сотрудников (руководителей – 18)¹⁸². Однако количество сотрудников, относившихся к элите, оставалось неизменным – председатель и 2-3 заместителя. Структура горпланов, в сравнении с областными, была упрощенной; в 1989 г. в Куйбышевской городской плановой комиссии числились 27 сотрудников. Руководящий состав плановой комиссии составляли 6 начальников отделов (двое из них были заместителями руководителя), председатель и первый заместитель. Из этого состава 4 работника (председатель и 3 «зама») входили в административную элиту. Численность представителей экономической элиты в составе плановых органов (облплана и 9 городских плановых комиссий) в рассматриваемые годы практически не менялась, составляя около 30 человек¹⁸³. Районные плановые комиссии не входили в систему регионального управления – это субрегиональный (или местный) уровень. Тем не менее, тенденции кадрового развития были общими как в городском, так и районном «эшелонах» власти. В 1966 г. в регионе было 40 руководителей плановых комиссий (10 горпланов, 30 райпланов). Из них 24 работника (60%) имели высшее образование; среди председателей горпланов этот показатель составлял 100%, глав райпланов – 53% (16 из 30)¹⁸⁴. Невысокий процент руководителей с вузовским образованием на районном уровне, помимо дефицита образованных кадров, был обусловлен простотой функций райпланов. Они представляли собой «бухгалтерский», учетно-расчетный аппарат, осуществляя детализацию плана, его «привязку» к экономическим объектам района. Наиболее распространенным было «профильное» экономическое образование (18 чел.); специалисты по

другим направлениям (инженер, агроном и т.д.) были единичными. Заметим, что образовательный уровень руководящих кадров быстро повышался; с 1974 г. все председатели райпланов имели вузовское образование. В возрастном отношении руководящие кадры были дифференцированы; разные возрастные категории были представлены почти равномерно: до 30 лет – 7 человек; 31-35 – 7 чел., 36-40 – 8 чел., 41-45 – 7 чел., 46-50 – 4 чел., 51-55 – 4 чел., старше 55 – 3 чел. Тенденцией было преобладание младших (до 35 лет) и «верхних» (старше 50 лет) возрастных групп на низовом (районном) уровне управления¹⁸⁵.

В советском обществе механизм элитообразования, как отмечалось, был огосударственен; его обозначают термином «номенклатурная система». Вышестоящие партийные (т.е. государственные) инстанции осуществляли подбор, расстановку, оценку и контроль деятельности административно-хозяйственных кадров. Большая часть региональной экономической элиты была охвачена «сетью» номенклатуры Куйбышевского обкома. Поэтому параметры хозяйственной элиты можно рассмотреть – с достаточной полнотой – на материале региональной партноменклатуры. В 1972 г. номенклатура областного парткома включала 1263 должности, которые являлись своего рода «командными высотами», обеспечивавшими контроль над экономикой, наукой, социальной сферой. На 815 номенклатурных должностей работники назначались – или утверждались – парткомом (т.н. основная номенклатура); они были креатурами областного руководства. Назначения на остальные 415 должностей требовали только информирования обкома (учетно-контрольная номенклатура). В учетную номенклатуру включались второстепенные должности, например, руководители небольших административных и хозяйственных объектов (совхозов, райисполкомов, торговых баз и т.д.), местных отделений и филиалов предприятий (организаций). По нашим подсчетам, из состава учетно-контрольной номенклатуры обкома (за первое полугодие 1972 г.) 57 сотрудников можно отнести к хозяйственно-экономической элите. Эту цифра включает следующие категории работников: 18 руководителей (и заместителей) крупных и средних предприятий и их подразделений (управлений, филиалов);

11 заведующих хозяйственными отделами горкомов, 21 главный инженер; 10 руководителей вузов, проектных и исследовательских институтов¹⁸⁶.

Основная номенклатура включала должностные «позиции» более высокого уровня. Поэтому представители элиты в ней располагались «плотнее»; их удельный вес был выше. В основной номенклатуре Куйбышевского обкома (по данным на 1 июля 1972 г.) состояли 138 руководителей предприятий и их заместителей (директоров заводов, производственных объединений, управляющих трестами, начальники геологоразведочных экспедиций и т.д.); в эту категорию входят руководители инфраструктурных объектов (Средневолжское транспортное управление, отделение железной дороги и др.), предприятий связи. Самое многочисленное «представительство» в партноменклатуре имело крупнейшее предприятие региона – Волжский автомобильный завод. В основной номенклатуре обкома состояли 2 его директора (генеральный и коммерческий), 6 заместителей, 4 руководителя административных подразделений (управлений). Заметим, что не все работники ВАЗа, входившие в экономическую элиту, состояли в «обкомовской» номенклатуре. Например, начальники цехов автозавода по всем критериям – количество подчиненных; объем ресурсов, которыми они распоряжались; экономическое значение деятельности – были сопоставимы с директорами крупных предприятий и могут быть отнесены к региональной элите. Другими представителями элиты были руководители отраслевых органов управления (областное управление пищевой промышленности, Средневолжское транспортное управление и т.д.); их общая численность (по номенклатурному списку 1972 г.) составляла 11 человек. Инженерно-технический персонал в номенклатуре (и управленческой элите) была представлен 18 главными инженерами крупных заводов. С управленческой точки зрения эта группа работников представляла собой «звено» между администрацией и производственным персоналом. В условиях НТР расширялись «смежные» области научно-технической и экономической элит, происходила их частичное взаимопроникновение. В номенклатуре облпарткома за 1972 г. было 16 сотрудников (5 ректоров вузов,

6 директоров НИИ и проектных институтов, 5 руководителей и ведущих сотрудников КБ), входивших в обе субэлиты¹⁸⁷. В основную номенклатуру включались «чиновники от науки», выполнявшие организационно-распорядительные функции. По сути, единственным исключением была должность главного конструктора завода «Прогресс», в которой отсутствовал (или был минимальным) административный «функционал». Она была включена в управленческую номенклатуру в связи с ее огромным – надотраслевым – значением для оборонной промышленности.

Наиболее «весомой» (в отношении численности и статуса) частью административно-экономической элиты были руководители предприятий (директорат). В 1972 г. номенклатура обкома включала 91 руководителя (управляющего, директора и т.д.) производственного предприятия. В эту цифру не входят их заместители, руководители транспортных предприятий, отраслевых органов управления. Возрастной диапазон этой группы управленцев был широк – от 34 до 67 лет; вместе с тем сотрудники младше 40 лет (родившиеся после 1932 г.) были единичными. Заметим, что возраст руководителей статистически коррелирует с номенклатурным статусом, т.е. масштабом и значимостью руководимого объекта. Директора самых крупных предприятий – Волжской ГЭС, ЗИМа, АвтоВАЗа – были и самыми «возрастными» работниками; в 1972 г. им было, соответственно, 67, 63 и 57 лет¹⁸⁸. Четвертая часть работников (23 чел. или 25,2%) родились в досоветский период (в 1917 г. и ранее) и начали руководящую накануне войны либо в годы послевоенной реконструкции. Большинство руководителей предприятий были рекрутированы в систему управления в 1950-е – первой половине 1960-х гг. Большая часть директоров находилась в должности до 5 лет; имели стаж руководящей работы в отрасли в пределах 10-15 лет. Средний возраст директорского корпуса составлял 50 лет. Наиболее многочисленной возрастной «когортой» были родившиеся в 1920-е гг. (39 человек, т.е. 42,8%). С другой стороны, огромные демографические потери, понесенные этим поколением, были причиной ускоренной карьеры многих представителей «поколения 1930-х». Группа руководителей предприятий, родившихся в 1930-е гг., была достаточно многочислен-

ной (17 чел. или 18,6%). Вузовское образование было типичным – почти нормативным – для директоров (начальников, управляющих) предприятий; его имели 83 работника (91,2%). Заметим, что в двух случаях это было высшее партийное (ВППШ), т.е. номинальное вузовское образование. Категория руководителей, не закончивших «высшую школу», сокращалась, оставаясь, тем не менее, «заметной». Среди 8 управленцев, не имевших вузовского диплома, был работник с незаконченным высшим образованием и один руководитель (директор ТЭЦ) без полного среднего (специального) образования. На основе этих данных сложно установить корреляцию между образованием и объемом полномочий, административным статусом номенклатурного работника. Например, руководитель крупнейшего промышленного объекта – Куйбышевского производственного объединения – имел незаконченное вузовское образование. Соотношение между сотрудниками, получившими образование в области и за ее пределами, позволяет, в какой-то мере, судить о соотношении внешних и внутренних источников комплектования директората. В других регионах получили образование около половины (44 из 91) сотрудников. География получения образования была разнообразной (Грозный, Ростов, Иваново, Орджоникидзе, Бугуруслан и т.д.). Однако подавляющее большинство «приезжих» сотрудников окончили московские вузы (МИСИ, МХТИ, Автодорожный институт). Они приехали в регион в период его мощного индустриального рывка 1940-х – 1950-х гг., когда внутренние резервы не «закрывали» растущую потребность в управленцах.

Представителями заводской администрации, входившими в научно-техническую и управленческую элиты, были «технические менеджеры» – главные инженеры предприятий. Руководящая деятельность этих работников, в отличие от других субъектов элиты, была направлена в большей степени на технические системы, чем на персонал предприятия. С точки зрения должностных полномочий (т.е. по формально-иерархическому критерию) они относились к нижним слоям хозяйственно-экономической элиты. По другому параметру – производственная квалификация, «экспертные» знания – они занимали в элите верхние позиции. В но-

менклатуре 1972 г., как отмечалось выше, состояли 38 главных инженеров. В возрастном отношении это была однородная группа. Возрастной диапазон был большим (37-60 лет); однако большинство сотрудников имели возраст в пределах 44-49 лет. Высоким был удельный вес управленцев, родившихся в 1930- гг. – 31,5% (12 чел.). Только один сотрудник родился в дореволюционный период (в 1912 г.), т.е. имел некоторый возрастной «отрыв» в этой группе топ-менеджеров. Характерно, что это главный инженер одного из крупнейших и самого «технологичного» предприятия области – завода «Прогресс». Все инженерные работники, включенные в номенклатуру, имели высшее образование. Более трети из них (13 чел. – 34,2%) получили образование в других регионах. Разумеется, доля работников, приехавших из других областей страны, отличалась от этой цифры. Вероятно, она была несколько выше, поскольку некоторые сотрудники могли получить образование после переезда в Куйбышев.

Многочисленную категорию номенклатурных работников составляли руководители первичных парторганизаций (секретари партийных комитетов/бюро). Этот властный институт был аналогом политруков/комиссаров в армейских частях. В нем проявлялась (на локальном уровне) двойственность советской системы управления; наличие в ней партийно-идеологической и административно-хозяйственной ветвей власти. Вместе с тем первичные парторганизации, в отличие от парткомов, были в большей степени элементом социальной организации, чем системы власти. В номенклатурный список включались секретари важнейших предприятий (организаций), подлежащих партийному инспектированию и контролю. Перечень «номенклатурных» секретарей «первичек» позволяет, таким образом, определить приоритетные для региональных парткомов объекты управления. По наиболее крупным предприятиям («Куйбышевгидрострой», ЗТМ, агрегатный завод и др.) в номенклатуру включались, кроме секретарей, их заместители и/или заведующие секторами партийного учета. В номенклатуре Куйбышевского обкома за 1972 г. (первое полугодие) состояли 1 секретарь партбюро и 45 секретарей парткомов, 7 заместителей секретарей, 9 заведующих секторами партучета.

Парткомы (бюро) предприятий проводили целевые установки руководящих структур КПСС, используя организационный и морально-идеологический инструментарий (массовые компании, партийные задания, обсуждения на собраниях, партдисциплина и т.д.). Они должны были содействовать деятельности администрации предприятия, корректировать ее, выполняя функцию «параллельной» (неформальной) власти. При наличии авторитетного руководителя «первички» партком мог стать основным источником власти. Одним из таких – единичных – примеров был трест «Куйбышевгидрострой» во время строительства Куйбышевской ГЭС, когда парторганизацию возглавлял А.С. Мурысев (1953-1958 гг.). В 1960-е гг., тем более позднее (в годы «застоя») такая «конфигурация» власти была маловероятной, поскольку секретари парторганизаций были «приручены», материально «заинтересованы» директоратом¹⁸⁹. Фактически они были дополнительной опорой и аппаратом власти руководителей предприятий. В этом состоит одна из причин, по которым партийных лидеров предприятий (учреждений) нельзя отнести к административно-экономической элите. Другие причины заключаются в отсутствии формализованных хозяйственных полномочий, материально-финансовых рычагов управления и невысокий престиж должности, являвшейся для партноменклатуры «карьерным стартом».

Таким образом, в номенклатурном списке Куйбышевского обкома за первое полугодие 1972 г. 237 работников (18,5% общей численности) по статусным характеристикам, служебным полномочиям могут быть отнесены к хозяйственно-экономической элите. Если этот показатель дополнить «фигурантами» административно-хозяйственной элиты, состоявшими в номенклатуре ЦК и горкомов, он возрастет, как будет показано далее, на 80-100%. Численность экономической элиты региона находилась, следовательно, в пределах 450-500 человек. В следующие полтора десятилетия она существенно не изменилась, поскольку советская экономика (и ее надстройка) стагнировала. К 1988 г. численность номенклатуры Куйбышевского обкома по сравнению с началом 1970-х гг. возросла почти в два раза и составила 2302 сотрудника¹⁹⁰. Однако увеличение произошло за счет нижних, «предэлитных» слоев

номенклатуры: секретари первичных парторганизаций (523 чел.), ответственные работники гор- и сельрайкомов (572 чел.). Некоторые категории хозяйственных руководителей были исключены из номенклатурного списка (главные инженеры, руководители НИИ и ОКБ). В обкомовскую номенклатуру за 1988 г. входили 133 хозяйственных руководителя (и их заместителей) – директора заводов (комбинатов, трестов), главы производственных объединений, органов хозяйственного управления (комитетов и др.). По сравнению с началом 1970-х гг. (138 работников – см. выше) этот «кластер» номенклатуры обкома незначительно сократился. Это было обусловлено децентрализацией кадровой деятельности; расширением номенклатуры местных (городских, районных) комитетов. Параметром, характеризующим (косвенно) кадровую динамику партхозноменклатуры, является возраст. Наиболее многочисленной была возрастная категория 46-50 лет – 36 работников (27,9%). По мере удаления от нее – в сторону повышения или уменьшения – численность возрастных «страт» пропорционально снижалась. Например, группа 51-55 лет включала 29 работников (22,4%), 56-60 лет – 20 чел. (15,5%), старше 60 – 11 чел. (8,5%), 36-40 – 20 чел. (15,5%). В эту тенденцию не вписывается только малочисленность «когорты» 41-45-летних (9 чел. – 6,9%). Дать исчерпывающее объяснение этой «девиации» сложно; по-видимому, она была вызвана демографическим «эхом войны». Ретроспективная кадровая документация не позволяет определить средний возраст партхозноменклатуры обкома. В количественном отношении преобладали работники в возрасте 50 и менее лет (58,8%). Очевидно, возрастная медиана (возраст, который делит группу пополам; показатель близкий, но не тождественный среднему возрасту) составляла 47-48 лет. Таким образом, за полтора десятилетия, с 1972 по 1988 гг., средний возраст хозяйственного руководства среднего (регионального) звена существенно не изменился. Хозяйственное руководство в возрастном отношении стало более дисперсным; значительно увеличилась доля крайних возрастных групп. Например, «младшая» возрастная страта (до 36 лет), в начале 1970-х гг. представленная одним сотрудником, в 1988 г. насчитывала 10 человек (8,4%). В 1972 г. в директорском корпусе отсутствовали работни-

ки младше 30 лет; в 1988 г. их было 2 чел.¹⁹¹ Очевидно, повышение образовательного уровня номенклатуры способствовало – в отдельных случаях – более быстрому служебному продвижению. Стереотипное представление о 1970-80-х гг. как о периоде кадрового «застоя», социальной геронтократии, подтверждается только значительным количеством сотрудников старше 60 лет (11 чел.); в 1972 г. в «пенсионном» возрасте находился только один руководитель. Наибольший возраст имели руководители ведомственных органов управления (областных управлений, комитетов), интегрированных промышленных комплексов (АПК, НПО, производственных объединений); почти все они были старше 55 лет. Самые молодые директора предприятий (до 30 лет) были в традиционном, технологически простом производстве (текстильная промышленность) и, наоборот, в передовой отрасли, где были вакансии и возможности служебного роста (производство средств автоматизации и систем управления).

Данные по стажу свидетельствуют о подвижности персонального состава руководства предприятий. На 1 апреля 1988 г. 65 – почти половина – директоров (начальников, управляющих) находились в должности менее 3-х лет¹⁹². Эти сведения коррелируют с коэффициентом сменяемости сотрудников. В течение года сменились 19 руководителей (14,2%); в основном уход с должности был обусловлен (формально) не служебными причинами (болезнь, выход на пенсию, семейные обстоятельства и т.д.) – 52,6 % (10 чел.). Количество снятых с должности по причине служебного несоответствия (в кадровой отчетности обозначены как «скомпрометировавшие себя») и получивших должностное повышение было почти одинаковым (соответственно, 3 и 4 чел.). С другой стороны, многочисленными были примеры длительного пребывания в должности; 32 руководителя (24%) имели должностной стаж более 10 лет. Руководящий опыт можно оценить по такому показателю, как стаж управленческой деятельности в своей отрасли. Значительное большинство работников (104, т.е. 78%) находились на ответственной и руководящей работе в пределах ведомства (отрасли) более 10 лет. Сравнительная небольшая часть сотрудников (23 чел. – 17,3%) занимала ответственные посты (в

одной отрасли) менее 5 лет. Отчасти это обусловлено ведомственностью, т.е. межотраслевыми барьерами, в том числе кадровыми. Горизонтальные (межведомственные) перемещения как причина сменяемости руководителей в кадровой отчетности 1987-1988 гг. отсутствуют. Кроме того, существовала номенклатурная «табель о рангах», которая регламентировала этапы административного «восхождения» (даже, в какой-то мере, их продолжительность); перешагнуть их было весьма сложно. Показателем «демократизма» социального состава партхозноменклатуры является высокая доля работников, начинавших трудовую деятельность рабочими/колхозниками (78 чел. – 56,6%). «Рабоче-крестьянское» происхождение рассматривалось как положительная характеристика, дававшая, в ряде случаев, карьерные преференции. Вузовское образование для директоров предприятий было «требованием по умолчанию». С точки зрения образования первый руководитель должен был, по крайней мере, не уступать подчиненному персоналу, его квалифицированной части. В 1988 г. высшее образование имели 117 (87,9%) хозяйственных руководителей, состоявших в номенклатуре обкома; двое из них были кандидатами наук. Удельный вес сотрудников со средним (и ниже) образованием был небольшим. В рассматриваемой когорте управленцев 14 сотрудников имели среднее специальное образование, 1 – среднее общее и 1 – начальное образование¹⁹³. Средне-специальное образование имели директора предприятий по переработке с/х сырья (молочная, текстильная промышленность и т.д.), строительно-монтажных трестов. В этих отраслях общий образовательный «ценз» персонала (административного, производственного) был самым низким.

Хозяйственно-экономическая элита не была организационно обособлена от других субэлит. Границы между субэлитами проходили не по организационным структурам, а, скорее, по должностному и персональному составу. Например, в региональных советах, их аппарате были представлены практически все управленческие субэлиты – политико-административная, научная, хозяйственно-экономическая и др. В советах были специализированные структуры (отделы, комиссии, комитеты), функциональ-

но «заточенные» на хозяйственное управление. По формальной субординации советские руководители составляли «верхушку» региональной управленческой элиты. Однако, как отмечалось, полномочия советов были ограничены партийным аппаратом и, с другой стороны, дефицитом финансовых средств, большая часть которых находилась в распоряжении предприятий и их отраслевых «патронов» – министерств. Поэтому во взаимоотношениях с другими экономическими субъектами (предприятиями и др.) советы использовали в основном не директивы, а договорной процесс, согласование. От руководства предприятий (директората) советскую элиту отличала ротация, институционально «оформленная» в виде перевыборов. Советские руководители имели более широкую область деятельности (город, регион), не ограниченную рамками предприятия (отрасли, ведомства). Вместе с тем, они не имели организационно-кадровых инструментов для самостоятельной социально-производственной деятельности. Советы функционировали как надстройка над предприятиями (учреждениями) и, с другой стороны, объект управления для партийных органов. В номенклатурном списке Куйбышевского обкома за 1988 г. состояли 39 советских работников (заместителей председателей обл- и горисполкомов, возглавлявших также структурные отделы), которых можно определить как субъектов административно-экономической элиты. По возрасту областные чиновники (4 чел.) были старше, чем городские; трое из них относились к возрастной категории 46-50 чел., 1 – старше 60 лет. Среди городских руководителей (35 чел.) были представлены все возрастные группы: 31-35 лет – 3 чел., 36-40 лет – 12 чел., 41-45 лет – 7 чел., 46-50 лет – 5 чел., 51-55 лет – 5 чел., 56-60 лет – 3 чел. Более половины городских управленцев (22 чел., то есть 62,8%) были моложе 46 лет.; можно предположить, что возрастная медиана составляла 41-42 года. Руководящие советские работники (городского звена) были – в среднем – существенно моложе не только областных функционеров, но и директоров заводов. В госаппарате карьера продвигалась быстрее, чем на производственных предприятиях. По должностному стажу совработники также были разнородной (дифференцированной) группой; из 39 человек 3 находились в

должности менее 1 года, 10 чел. – от 1 до 3 лет, 9 – 3-5 лет, 14 – от 5 до 10 лет, 3 чел. – свыше 10 лет. Первые годы перестройки (1985-1988 гг.) были периодом интенсивной ротации в аппарате власти. Тем не менее, почти половина сотрудников (17 чел. – 43,6%) занимали должность более 5 лет. С точки зрения кадровой стабильности советско-хозяйственное руководство превосходило «производственную» часть элиты (директорат). Средний возраст глав хозяйственных отделов был на 4-6 лет выше, а должностной стаж на 3-4 года меньше, чем руководителей «секретарских» подразделений (общего, кадрового отдела, бухгалтерии и т.д.). Продолжительное пребывание в должности было связано, в значительной мере, с тем, что большинство служащих в этой «когорте» элиты достигли своего служебного потолка. Возможности продвижения на следующий – областной, общесоюзный – уровни были ограничены тем, что на каждом вышестоящем этаже власти число должностей (и вакансий) сокращалось. По общему стажу руководящей работы в системе власти преобладали работники, занимавшие ответственные посты менее 5 лет (21 из 39 чел.), 12 чел. (30,7%) находились на руководящей/ответственной работе 5-10 лет, 14 чел. (35,9%) – более 11 лет. Вступлению в должность руководителя (заместителя) совета предшествовала менее продолжительная управленческая карьера, чем директоров заводов. Руководство предприятием требовало большего опыта и набора «компетенций», чем советским аппаратом. Доля советских работников, начавших карьеру с нижней ступени, т.е. рабочим или колхозником, была такой же, как в других сегментах административной элиты – 53,8% (21 чел.). Вузовское образование было обязательным (де-факто) для вхождения в советско-хозяйственную элиту. С начала 1970-х гг. руководящий состав областного, городских и районных (в городах) советов полностью состоял из сотрудников с высшим образованием. Среди советских руководителей, состоявших в номенклатуре обкома в 1988 г., большинство (21 чел. из 39, то есть 53,8%) по образованию были инженерами. Доля лиц с инженерным образованием была существенно ниже, чем, например, в администрациях предприятий. Другими специальностями, представленными в этой группе, были: экономист (в т.ч. инженер-эко-

номист) – 8 чел., педагог – 7 чел., юрист – 2, другие специальности 1¹⁹⁴. Сотрудники с гуманитарным образованием (9 чел.) входили в информационно-пропагандистский и социальный «блок»: пропаганда и агитация, управление культурой, образованием и наукой, партийный учет.

Перестроечные преобразования, особенно политические реформы 1988-1991 гг., существенно изменили состав региональной элиты, соотношение входящих в нее групп. Снизилось значение партийно-хозяйственного управления; к концу 1980-х гг. стал заметным отток управленческих кадров из партийного в советский аппарат. «Руководящая роль партии» была главным объектом критики и «мишенью» организационно-административных преобразований на рубеже 1980-90-х гг. В 1989 г. были упразднены хозяйственные отделы в парткомах, т.е. ликвидирован аппарат партийного управления экономикой. Принадлежность к партноменклатуре перестала быть атрибутом принадлежности к высшей социальной страте. Директора предприятий, топ-менеджеры и другие «производственники» были выведены из партийной номенклатуры. Функции КПСС – до этого всеохватные – были ограничены кадровой и пропагандистской деятельностью. В 1990 г. номенклатура Куйбышевского обкома включала 1939 сотрудников; из них лишь несколько десятков (менее 2%) являлись хозяйственными руководителями. Из этого номенклатурного списка к административно-экономической элите может быть отнесена часть заместителей председателей областного и городского исполкомов советов (39 чел.), ответственных за хозяйственный «блок» управления. Среди них 20 чел. были по образованию инженерами (в т.ч. 11 инженеров промышленности, 8 – строительства, 1 – транспорта) и курировали социально-экономическую сферу. Дезорганизация системы советской власти проявилась в высокой текучести кадров; в течение этого года сменились 12 (почти треть) работников, в т.ч. 4 – в связи с должностным повышением, 2 – по внеслужебным (выход на пенсию, семейные обстоятельства и т.д.) причинам¹⁹⁵.

Для воссоздания полной картины функционирования элиты недостаточно рассмотреть ее как социальную общность. Такой ракурс анализа ограничивает предмет исследования и «обедня-

ет» его результаты, приводит к излишней социологизации (схематизации) выводов и суждений. Социальная группа – это номинальная категория, т.е. отвлеченное понятие. В реальности имело место взаимодействие, динамическое (диалектическое) единство индивидуального и социального. Поэтому анализ групповых (сводных) характеристик административно-экономической элиты необходимо дополнить изучением биографии, профессиональной карьеры ее, по крайней мере, наиболее видных и типичных представителей. Корпоративные, интегральные черты партхозно-менклатуры проявлялись в деятельности отдельных руководителей. Руководящий работник, интегрируясь в региональную элиту, усваивал модели поведения и потребления, ценностные установки своей группы. Индивидуальная психология включает собирательный образ общности (класса, группы), в которую включен работник. С другой стороны, индивидуальные черты психологии, поведения, жизненного пути представителей элиты «суммировались», определяя коллективный портрет этого социального слоя. Исследования, направленные на индивидуальность (например, историко-биографические), являются важным инструментом изучения элиты. Они позволяют рассмотреть внутреннюю, субъективную сторону (цели, мотивы) деятельности лидеров региональной элиты, их образ жизни, «управленческую повседневность».

В рассматриваемый период партийную и хозяйственную власть в регионе возглавляло немало работников – преданных делу, талантливых, работоспособных. Самым известным среди них (в масштабах страны) является Виталий Иванович Воротников. Если для других региональных лидеров руководство областью было главным делом, апогеем их деятельности, то для В.И. Воротникова это стало ступенью на политический «олимп», где он находился без малого двадцать лет. Привычка рассматривать факты и явления с позиции «небожителя», представителя высшей власти проявилась в его мемуарах. В ретроспективном обзоре своего жизненного пути он упоминает в основном людей и события «крупного», общесоюзного масштаба. В такой «оптике» локальная (местная) управленческая элита оказывается на периферии внимания. В сравнении с развернутыми, яркими характеристиками

представителей «столичного» истеблишмента – Н.С. Хрущева, Н.К. Байбакова, В.Н. Полякова, А.Н. Косыгина, С.П. Королева – оценки областных руководителей (В.П. Орлова, А.М. Токарева) очень сжаты, схематичны; своих предшественников и преемников на посту председателя Куйбышевского облисполкома – Ф.В. Коннова, Е.Ф. Муравьева, В.А. Погодина – он не упоминает¹⁹⁶.

Виталий Иванович Воротников родился в Воронежской области в 1926 г. Впоследствии он находил свой родной город – Воронеж – очень похожим на Куйбышев, только более уютным и «степенным». Происходил он из середняцкой (близкой к границе бедности) крестьянской семьи. Вот что он писал про своего деда Захара: «Это был типичный крестьянин, только с несколько... романтическим характером. ...Хотя трудился он много, хозяйства приличного так и не заимел. Жизненные невзгоды переживал без лишнего трагизма – «знать, так Богу угодно». Видно, потому и семья всегда бедствовала»¹⁹⁷. В начале 1930-х гг. семью в полной мере затронули бедствия этого трагического времени – коллективизация, засуха, голод; только случайность спасла их от голодной смерти. Свой профессиональный выбор В.И. Воротников сделал в 1940 г., поступив в Воронежский авиационный техникум на отделение машиностроения. Однако его профессиональное будущее оказалось связано с другим городом. В 1942 г., когда Воронеж оказался в прифронтовой полосе, его семья эвакуировалась в Куйбышев. В октябре 1941 г. он стал контролером ОТК Куйбышевского завода №18, надолго связав свою жизнь с авиастроением. Виталий Воротников проявлял интерес и способности к своей работе, воспринимал ее как призвание. Его привлекали точная обработка деталей, инженерные расчеты, работа со сложной техникой. Вскоре Воротникову был поручен контроль высокоточных инструментов; он получил 7-й разряд. Первые профессиональные успехи укрепили желание продолжить образование. В 1948 г. он поступил на вечернее отделение Куйбышевского авиационного института. 1951 год можно считать началом его управленческой деятельности; он стал заместителем начальника цеха №34 и секретарем его партийной организации. В 1954 г. он получил вузовский диплом и был утвержден начальником механического цеха №9 –

одного из важнейших на заводе¹⁹⁸. Следующий год стал рубежом в его карьере; он начал новую («номенклатурную») стезю, возглавив заводской партком. Предложение возглавить парторганизацию он воспринял негативно, считая себя неподходящим для нее по личным качествам (некоммуникабельность, отсутствие ораторских способностей, недостаток жизненного опыта). Его отказ, как выяснилось, не имел значения, поскольку его кандидатура уже была утверждена высшей инстанцией (эта должность входила в номенклатуру ЦК). В предварительной беседе с ним директор завода А.А. Белявский обрисовал его партийно-административные перспективы. Его будущая руководящая карьера, таким образом, была уже «начерно» спланирована партийным руководством. Выдвижение Виталия Ивановича Воротникова на ответственную партработу было успехом партийной системы подбора кадров. Во властных структурах смогли разглядеть в Воротникове, даже вопреки его самооценке, потенциал незаурядного руководителя. Став партийным лидером завода, он занимался делами, соответствующими его компетенции (производство, жилищное строительство, шефская помощь селу), оставив сугубо партийную деятельность (партучет, идеология и пропаганда, массовые мероприятия) своим заместителям. Это соответствовало ожиданиям руководства, поскольку, как отмечалось, партийные институты были «параллельными» органами хозяйственного управления. Тем не менее, на этой должности Воротников потерпел одну неудачу, которую впоследствии считал одной из самых болезненных в карьере. В июне 1957 г. на заводе состоялся митинг, посвященный разъяснению решения ЦК об антипартийной группе. Он вышел за рамки своего «формата»; работники ставили под сомнение правомерность решения ЦК, высказывались о насущных проблемах – дороговизне, плохой работе транспорта, городском криминале, «искривлениях» в работе местных властей. По оценке самого В.И. Воротникова, митинг «был провален». Из этого он сделал категоричный вывод: «не в свои сани не садись» и стал искать возможность вернуться на производство¹⁹⁹. Это ему удалось в мае 1959 г., когда он получил должность Главного контролера отдела качества продукции. Однако жизнь вновь внесла коррек-

тивы в его «карьерное планирование». Как выяснилось, областная власть, высоко оценивая его административную работу, «имела виды» на него. В январе 1960 г. на партийной конференции В.И. Воротников практически в уведомительном порядке (он не давал формального согласия) был избран в состав обкома и утвержден в должности заведующего промышленно-транспортным отделом. Так завершился «заводской» этап его деятельности.

Главным должностным требованием на новом месте была компетентность в производственных вопросах; В.И. Воротников соответствовал ему в полной мере. Его положительной чертой было ровное отношение к подчиненным, глубокое понимание их возможностей и условий деятельности. Воротникову был чужд стиль управления, который называют «кадровым волюнтаризмом». Он, сменив немало руководящих постов, никогда не осуществлял кадровых ротаций, перестановок без крайней необходимости; его кадровые изменения, как правило, были локальными, «точечными». В.И. Воротников старался максимально использовать способности имеющегося персонала и, с другой стороны, нейтрализовать его недостатки. Перевод Воротникова на партийную работу совпал с реформой хозяйственного управления, заключавшейся в замене отраслевых органов управления территориальными (совнархозами). Эта реформа способствовала деполитизации партийного аппарата. Областной партком стал функционировать как административно-исполнительный орган совнархоза. В его деятельности возросла роль сугубо прагматических, организационных и производственно-технических вопросов. Областной партаппарат аккумулировал наиболее компетентных – в своих отраслях – технократов; именно на этой «волне» пришел во власть Виталий Иванович Воротников. Первоначально его рабочее время было заполнено, главным образом, поездками на предприятия. Их результатом становились рекомендации руководителям предприятия, а также предложения, проекты решений для совнархоза и бюро обкома. Основным впечатлением, вынесенным из этих поездок, было кардинальное различие между оборонной и гражданской промышленностью в технологиях, методах контроля качества. Воротников предлагал меры по их нивелированию,

«подтягиванию» гражданских отраслей; тиражированию передового опыта «оборонки». Интерес В.И. Воротникова к военной промышленности, наличие «экспертных» знаний в этой области стали основанием для утверждения его заведующим отделом оборонной промышленности осенью 1960 г. Этому назначению Виталий Иванович Воротников был обязан знакомством с великим Королевым, о котором он позднее вспоминал с большой теплотой и пиететом. Руководство «оборонкой», являвшейся «полигоном» передовых технологий, предполагало постоянное решение сложнейших, экстраординарных организационных и инженерно-технических задач. Производство ракетной техники было главным – на тот момент – сражением «холодной войны». Оборонная промышленность области работала в военно-мобилизационном режиме; постоянно возникали нештатные ситуации, авралы, вынужденные организационные «импровизации». В.И. Воротников, привыкший к самоотдаче, трудовым усилиям, тем не менее, писал об этот периоде: «работы навалилось... много»²⁰⁰. Руководство осуществлялось не «дистанционно», а непосредственно на объектах (КБ, заводах, стройках). Почти непрерывно проводились обсуждения, совещания, на которых решались вопросы поставок комплектующих, снабжения и логистики, организационно-кадровые вопросы. Эту должностную «аттестацию» Воротников прошел успешно и в сентябре 1961 г. получил новое повышение – был назначен секретарем обкома по промышленности. В 35 лет он стал куратором многоотраслевой промышленности региона. Это существенно расширило поле его деятельности, заставив осваивать новые предметные области – нефтедобычу, химию и др.

В 1962 г. партийное руководство приняло решение разделить парткомы по отраслевому принципу – на промышленные и сельскохозяйственные. К этой реформе В.И. Воротников отнесся негативно, предвидя ее деструктивные последствия. Она породила в регионе короткий период безвластия; наконец, в начале 1963 г. состоялась партконференция, утвердившая состав областного партийного руководства. Виталий Иванович Воротников стал вторым секретарем Куйбышевского промышленного обкома. Вскоре он был избран депутатом Верховного совета РСФСР. Во-

ротников неоднократно участвовал в работе представительных органов (XXIII съезд КПСС, Верховный Совет РСФСР 6-го созыва и т.д.). Эти мероприятия имели «постановочный», формальный характер; в политической системе они выполняли символическую («виртуальную») функцию, легитимируя верховную власть. Они символизировали (и закрепляли в общественном сознании) единство власти (партии) и народа, классовую однородность советского общества, единодушную поддержку политики властей. Депутаты выполняли роль статистов в массовом политическом действе. Тем не менее, Воротников не считал депутатские обязанности бесполезной «нагрузкой». В кулуарах между заседаниями велись обсуждения, происходила активная коммуникация. Связи и контакты, появившиеся у В.И. Воротникова во время депутатской работы, оказались востребованы во время работы в высшем эшелоне власти²⁰¹. Таким образом, неявной (латентной) функцией представительных институтов была роль коммуникационной площадки, повышавшей «связность» партийно-хозяйственной элиты.

Одной из последних реализованных инициатив В.И. Воротникова в Куйбышевском обкоме было строительство в регионе Волжского автозавода. Первоначально Средневолжье не рассматривалось союзным руководством в качестве потенциальной площадки для строительства автомобильного завода. Выбор в пользу Куйбышевской области был сделан благодаря лоббистским усилиям региональных руководителей – Л.Е. Беньковича, А.М. Токарева, В.П. Орлова, В.И. Воротникова; двух последних принято считать основными «реализаторами» идеи строительства автозавода на Средней Волге. В июле 1966 г. вышло правительственное постановление, утвердившее местом этой стройки г. Тольятти²⁰².

На завершающем этапе «куйбышевского» периода своей деятельности Виталий Иванович Воротников возглавлял советскую власть в регионе; в 1967 – 1971 гг. он являлся председателем Куйбышевского облисполкома. Переход из партийного в советский аппарат власти потребовал от него изменить стиль деятельности. Секретарь парткома находился над хозяйственной «текучкой». Он осуществлял целеуказание, «накачку» исполнителей и формальный (сроковый) контроль исполнения. Облисполком был

исполнительной структурой обкома, поэтому работа в нем носила более практический характер. Возглавив областной совет, В.И. Воротников вынужден был вникать в детали многогранной хозяйственной жизни области: строительства жилья, снабжение продовольственными и промышленными товарами, коммунальное хозяйство, образование, здравоохранение и т.д. Приходилось постоянно калькулировать и перераспределять ограниченные бюджетные средства, договариваться с поставщиками, поставщиками, «выбивать» лимиты и фонды в столичных ведомствах. Существенно изменилась область его деятельности, «география» поездок. Он стал гораздо больше внимания уделять проблемам села; часто бывал в поле, на фермах, сельхозпредприятиях. Психологически эта работа была близка Виталию Ивановичу Воротникову; сказывалась его крестьянская «закваска». Изучая положение села, он убеждался в глубоком отличии крестьянского труда от поточного, индустриального. Первый подчиняется сезонным ритмам, зависит от локальных, изменчивых природно-климатических условий. Поэтому директивные методы и плановое регулирование (унификацию) здесь нужно применять с большой осторожностью²⁰³. Работа в облисполкоме дала Воротникову ценнейший хозяйственный опыт, который оказался нужен ему на следующем – «столичном» – витке его карьеры.

Возглавляя облисполком, Виталий Иванович Воротников значительно расширил круг своих знакомств и связей в центральном аппарате власти. В отличие от «обкомовского» периода его деятельности, это были не только руководители ведомств, но и исполнители, рядовые сотрудники. Это позволяло повлиять на выработку решения, когда оно только начинало формироваться в недрах аппарата. Когда управленческое решение уже «кристаллизовалось» и передано на утверждение, скорректировать его (в интересах региона) практически невозможно. В партийно-советской системе управления иерархические связи тотально преобладали над горизонтальными. Взаимодействие даже «соседних» учреждений нередко осуществлялось через высшие властные инстанции. Местные проблемы решались в московских кабинетах; в такой системе власти региональный лоббизм был органичным явлением.

В период, когда В.И. Воротников возглавлял облизполком, регион совершил впечатляющий индустриальный рывок. Был введен в строй промышленный супергигант – АвтоВАЗ; во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. экономический потенциал области почти удвоился. Виталий Иванович Воротников был одним из главных организаторов этого социально-экономического подъема. Доверие к нему высшего руководства проявилось в том, что в 1971 г. он направлен в Воронежскую область – на свою родину, – чтобы поднять этот «проблемный» регион²⁰⁴. В дальнейшем он занимал самые высокие государственные посты; был «премьер-министром» РСФСР, председателем президиума Верховного Совета. Тем не менее, даже став политическим «небожителем», он продолжал оказывать поддержку, административную протекцию региону, с которым была связана большая часть его жизни.

Таким образом, лозунги построения «рыночного социализма», возврата в «мировую цивилизацию», популярные на завершающем этапе «перестройки», были «оформлением» процесса, который по сути представлял собой переход к сырьевому («компраторскому») квазикапитализму. «Мотиватором» этого процесса было стремление партийно-хозяйственной элиты избавиться от таких «ограничителей», как партийная идеология (и ее «моральный кодекс»), государственная собственность; капитализировать властный ресурс, превратив его в собственность. Глубочайшая общественная трансформация, состоявшаяся на рубеже 1980-90-х гг., имела черты социальной революции (изменение отношений собственности, идеологических основ и способа легитимации власти), кроме одной (важнейшей): не произошло смены (ротации) элит. Партийно-комсомольская и хозяйственная номенклатура в новом обществе сохранила социальные позиции; большая ее часть вошла в состав властной и бизнес-элиты «новой» России. Процесс разложения элиты, начавшийся в позднесоветский период, получил продолжение в рамках другой социальной формации. По многим параметрам он усилился, поскольку антикоммунистический переворот предоставил элите возможность неограниченного (не регламентированного) потребления.

Примечания

- ¹⁴³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1946-1991 гг.). С.77-82. URL: <http://socioline.ru/pages/vp-mohov-regionalnaya-politicheskaya-elita-rossii>.
- ¹⁴⁴ Самарский государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.656. Оп.124. Д.4. Л.39-48.
- ¹⁴⁵ Мельник С. Амбразура Мурысева. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3363&level1=main&level2=articles>
- ¹⁴⁶ http://www.regsamarh.ru/external/media/files/vystavki/kompart/Murysev_Aleksandr_Sergeevich.pdf
- ¹⁴⁷ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.97. Л. 34.
- ¹⁴⁸ Генерал космической верфи. URL: http://www.astronaut.ru/book-case/article/article129.htm?reload_coolmenus.
- ¹⁴⁹ Мочалов П.П. Река моей жизни. Куйбышев, 1986. С. 109.
- ¹⁵⁰ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.1. Л.17.
- ¹⁵¹ Репинецкий А.И. Образовательный уровень работников промышленности Поволжья в послевоенное двадцатилетие (1946-1965 гг.). II Исторические исследования. Самара, 1997. С.160-163.
- ¹⁵² Там же. С.170.
- ¹⁵³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-5004. Оп.1. Д.1. Л.1-18, 135.
- ¹⁵⁴ Муравьев Е.Н. Продовольственная программа – дело всенародное. Куйбышев, 1983. С.290.
- ¹⁵⁵ Куйбышевская область: историко-экономический очерк. Куйбышев, 1977. С.182.
- ¹⁵⁶ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.127. Д.57. Л.27.
- ¹⁵⁷ СОГАСПИ. Ф.656. Оп. 180. Д.195. Л.6-54, 72-120.
- ¹⁵⁸ СОГАСПИ. Ф.714. Оп. 1. Д.2399. Л.2-28, 30-45; Там же. Оп. 1. Д.2400. Л.2-10.
- ¹⁵⁹ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.183. Д.145. Л.3-16.
- ¹⁶⁰ Росовский А.А. О времени и о себе. Самара, 2006. С.65.
- ¹⁶¹ Там же. С.67.
- ¹⁶² Там же. С.86.
- ¹⁶³ Там же. С.117.

- ¹⁶⁴ Там же. С.84-86.
- ¹⁶⁵ Историческая справка о Росовском А.А. (1923-2009 гг.). URL: http://metrosamara.ru/about/history_rosovskyi/
- ¹⁶⁶ Росовский А.А. О времени и о себе. Самара, 2006. С.23,72.
- ¹⁶⁷ Там же. С.148.
- ¹⁶⁸ Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе, 60-80е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 105.
- ¹⁶⁹ Там же. С.117, 118.
- ¹⁷⁰ ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.16. Д.155. Л.2.
- ¹⁷¹ Там же. Л.3-4.
- ¹⁷² СОГАСПИ. Ф.656. Оп.141. Д.147. Л.29-31.
- ¹⁷³ ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.16. Д.2400. Л.11-21.
- ¹⁷⁴ ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.16. Д.2400. Л.11.
- ¹⁷⁵ Там же. Л.26.
- ¹⁷⁶ Там же. Л.12-13.
- ¹⁷⁷ ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.16. Д.2190. Л.7-11.
- ¹⁷⁸ ЦГАСО. Ф.Р-2558. Оп.16. Д.3318. Л.2.
- ¹⁷⁹ ЦГАСО. Ф.Р-56. Оп.55. Д.1090. Л.46-47.
- ¹⁸⁰ Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе, 60-80е годы: Дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 88.
- ¹⁸¹ ЦГАСО. Ф.Р-3859. Оп.3. Д.513. Л.2-3.
- ¹⁸² ЦГАСО. Ф.Р-3859. Оп.11. Д.1. Л.7-9.
- ¹⁸³ ЦГАСО. Ф.Р-3869. Оп.11. Д.1. Л.8-10.
- ¹⁸⁴ ЦГАСО. Ф.Р-3859. Оп.8. Д.518. Л.8-9.
- ¹⁸⁵ ЦГАСО. Ф.Р-3859. Оп.8. Д.73. Л.4, 110.
- ¹⁸⁶ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.153. Д.106. Л.1-65об.
- ¹⁸⁷ Там же. Л.1-12, 19, 22-38, 42-50.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 3, 7-10.
- ¹⁸⁹ Невейницына Е.Д. Роль хозяйственной элиты в советском обществе, 60-80е годы: Дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 154.
- ¹⁹⁰ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.14-78, 123-145.
- ¹⁹¹ Там же. Л.34, 65.
- ¹⁹² СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.158. Л.14-89, 124-132.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. Л. 16, 22-24, 36-82.
- ¹⁹⁵ СОГАСПИ. Ф.656. Оп.197. Д.359. Л.2-81.

- ¹⁹⁶ Воротников В.И. Кого хранит память. М., 2007.
- ¹⁹⁷ Он же. Такое вот поколение. М., С.23.
- ¹⁹⁸ http://www.biograph.ru/index.php?option=com_content&view
- ¹⁹⁹ Воротников В.И. Такое вот поколение. М., 1999. С.168.
- ²⁰⁰ Там же. С.188.
- ²⁰¹ Там же. 230-231, 240.
- ²⁰² Воротников В.И. Кого хранит память. М., 2007. С.304-305.
- ²⁰³ Воротников В.И. Такое вот поколение. М., 1999. С.238.
- ²⁰⁴ Там же. С.256, 260-262.

РАЗДЕЛ IV.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЭЛИТА САМАРСКОЙ (КУЙБЫШЕВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1960–1990-е гг.

Изучение тенденций существования научно-образовательной и культурной элиты Куйбышевской/Самарской области невозможно без понимания тех условий, в которых она формировалась и существовала в данный период.

Общеизвестно, что военные и послевоенные десятилетия вывели Куйбышевскую область в число самых развитых регионов страны. Во время Великой Отечественной войны Куйбышев являлся запасной столицей союзного государства: в течение двух лет в городе базировались основные правительственные институты, дипломатические представительства, в областной центр были эвакуированы с западных территорий многие крупные заводы. Уже тогда здесь же начали концентрироваться передовые научные кадры инженерно-технического, медицинского профиля.

Куйбышев на время войны также стал прибежищем культурной элиты общероссийского и мирового уровня, и хотя пребывание Д.Шостаковича, Д.Ойстраха и других выдающихся артистов было временным, они оставили заметный след в его культурном пространстве.

Формирование мощной промышленной базы помимо прочего было связано и с появлением на куйбышевской земле целой плеяды выдающихся организаторов производства, инженеров, управленцев. В тогдашних условиях практически все из них имели серьезный производственный опыт. Как свидетельствуют современники, Куйбышевская партийная организация на всех ее уровнях в 50–80-е годы XX века была одной из самых сильных в Советском Союзе. Ее организаторский и интеллектуальный потенциал был востребован страной: куйбышевцы А.М.Пузанов, В.П.Орлов, В.И.Воротников, А.В.Токарев, в различные периоды своей деятельности связанные с областью, входили в когорту высшего партийного и советского руководства РСФСР и СССР.

Что же представлял собой научно-образовательный облик Куйбышева и области в 1960 – 1980-е годы? Закономерно, что в изучаемый период особенно активно продолжалось развитие отраслевых вузов и институтов, связанных с задачей подготовки инженерно-технических кадров для предприятий промышленного производства и военно-промышленного комплекса.

Говоря о положительных тенденциях развития высшей школы в этот период отметим, что «экстенсивный характер экономики СССР (исключение составлял лишь военно-промышленный комплекс и ряд наукоемких производств) предопределял определенную заданность в реализации образовательных программ в отраслевых вузах. Пожалуй, к числу новых явлений, которые в известной мере стали попыткой преодолеть инерционность в подготовке специалистов, следует отнести создание заводов-вузов, а также открытие на ряде промышленных предприятий и отраслевых научно-исследовательских институтов, кафедр, что было вызвано стремлением вузов придать подготовке специалистов большую практико-ориентированность студентов на будущую профессию. С другой стороны установление партнерских отношений расширяло научно-образовательное пространство вузов и их реальное участие во внедрении новых технологий в производство».

Отраслевые вузы появились в этот период и на куйбышевской земле. В 1956 году был создан электротехнический институт связи (ныне – ПГУТИ). Сооружение Волжского автомобильного завода дало жизнь первому вузу в г.Тольятти – политехническому институту²⁰⁵, организованному на базе филиала Куйбышевского политехнического института. Город, который с последней трети XIX века формировался как стратегический транспортный узел страны, соединявший Европейскую часть России с Сибирью, Средней Азией, в 1973 году вполне оправданно стал центром подготовки кадров в организованном тогда Институте инженеров железнодорожного транспорта (ныне СамГУПС).

Однако бесспорно то, что основными кузницами научных, производственных и управленческих кадров не только для области, но и для страны в целом, были два крупных института – Куйбышевский авиационный (КуАИ, ныне СГАУ, национальный

исследовательский университет) и Куйбышевский политехнический (КПИ, КГПИ, ныне СамГТУ). На протяжении этого времени и отчасти в настоящее время они являлись и являются основными поставщиками элитных инженерных и управленческих кадров для нужд различных отраслей отечественной промышленности.

Мощный расцвет ракетно-космической отрасли в СССР в 1960–1980-е годы был связан с деятельностью целой плеяды талантливых инженеров, организаторов производства, партийных и советских лидеров Куйбышевской области. Многие из них были связаны с авиационным институтом. Среди них – один из самых крупных представителей научной и управленческой элиты всесоюзного масштаба, ректор КуАИ с 1956 по 1988 годы, профессор, Герой Социалистического Труда профессор В.П.Лукачев.

Он был выходцем из обычной шахтерской семьи г. Дзержинска Донецкой области. В 18 лет стал студентом Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота, прошел. В 1959 г. в институте были созданы первые девять отраслевых научно-исследовательских лабораторий. 1964 год принес ректору ученое звание профессора. В следующем году институт получил корпус военной кафедры. Отвечая требованиям авиационной и других отраслей промышленности, в вузе была начата подготовка инженеров по новым специальностям: «обработка металлов давлением» (1956), «конструирование и производство радиоаппаратуры» (1959), «ракетные двигатели и ракетостроение. Радиотехника» (1966)²⁰⁶.

С конца 1950-х годов институт выступил инициатором создания отраслевых научно-исследовательских лабораторий, что послужило мощным толчком развития вузовской науки в регионе. К работе в институте были привлечены известные ученые и производственники: много лет кафедру «Конструкция и проектирование двигателей летательных аппаратов» возглавлял академик АН СССР и РАН Н.Д.Кузнецов. До 2009 года кафедру «Летательные аппараты» возглавлял патриарх отечественной космонавтики член-корреспондент АН СССР и РАН Д.И.Козлов – генеральный директор и генеральный конструктор государственного научно-производственного ракетно-космического центра «ЦСКБ-Прогресс», вырастивший плеяду талантливых учеников²⁰⁷.

К 1967 г. в КуАИ готовили 7000 инженеров по восьми специальностям. КуАИ был включен в состав 29 ведущих вузов страны с индивидуальным учебным планом, рассчитанным на срок обучения 5 лет 6 месяцев. 7 января 1967 г. – КуАИ первым из вузов города – был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Таким же орденом был отмечен и труд ректора В.П.Лукачева²⁰⁸. Время ставило новые задачи, и в 1970–1980-е годы появились новых специальностей: АСУ и прикладной математики (1971), космические летательные аппараты (1980), организация производства (1986), была начата подготовка инженеров по конструкторской и технологической специализации, а также специализацией по лазерной технологии. В 1987 году КуАИ был включен в число ведущих вузов страны.

В начале 1980-х годов Куйбышевский авиационный институт им. академика С.П.Королева продолжал стремительно развиваться, в том числе, и за счет тесных связей с авиационной и ракетно-космической промышленностью. К концу советского периода отечественной истории этот институт прочно занимал одно из ведущих мест в стране среди вузов, готовивших специалистов по конструированию, технологии и эксплуатации авиационной техники.

В 1988 году впервые на альтернативной основе ректором КуАИ был избран профессор В.П.Шорин (ныне академик РАН). В 1990 году он стал депутатом Верховного Совета РСФСР и председателем Комитета Верховного Совета по науке и народному образованию. В этом качестве он был одним из тех, кто влиял на формирование вектора реформирования сферы образования и науки.

С 1990 по 2010 годы КуАИ-СГАУ возглавлял профессор, член-корреспондент РАН В.А.Сойфер, который с 2010 года является президентом вуза. В своем интервью авторам исследования В.А. Сойфер отмечает, что «Тезис, который был в советский период: «Образование через науку», сейчас себя полностью оправдал. Вхождение Самарского Аэрокосмического университета в рейтинг топ-15 вузов России, высокий статус вуза сегодня – все это было заложено вместе с материальной базой в те годы».

Именно КуАИ на долгие годы стал региональной кузницей не только научных, инженерных кадров, но и руководящих. Многие из его выпускников вошли в историю не только Самарской/Куйбышевской области, но и вписали свою страницу в историю СССР и РФ. Выдающийся советский государственный деятель В.И.Воротников, российский политический деятель К.А.Титов, крупнейшие российские авиаконструкторы – А.Н.Герашенко, В.М.Толоконников, конструктор авиационных двигателей, заместитель министра авиационной промышленности СССР Н.А. Дондуков, заместитель министра гражданской авиации СССР по науке и эксплуатации авиационной техники В.В.Горлов и другие, конструктор в области ракетно-космической техники А.М.Солдатенков, видные российские ученые: член-корреспондент РАН Г.П.Аншаков, академик РАН В.П.Шорин, российские политики – В.С.Мокрый, О.Д.Сысуев, все они – выпускники Куйбышевского авиационного института²⁰⁹.

Еще одним мощным центром инженерной научной мысли, местом, готовившим элитные инженерные кадры в масштабах страны, со временем стал Куйбышевский политехнический институт (ныне СамГТУ). Существовавший с 1914 года (Самарский) Куйбышевский индустриальный институт получает новый импульс к развитию в процессе строительства «Великой Сталинской стройки Куйбышевской Гидроэлектростанции». Подготовка специалистов-энергетиков высшего звена приобретала приоритетное направление. На энергетическом факультете КИИ по состоянию на август 1955 года обучалось 1400 человек. Общая же численность студентов Куйбышевского индустриального института достигала 4000 человек.

Решения майского 1958 года Пленума ЦК КПСС намечали создание новых районов химической промышленности. Куйбышевская область должна была стать одним из них: началось строительство химических и нефтехимических заводов в Ставрополе-на-Волге (Тольятти) и в Новокуйбышевске. Расширились нефтеперерабатывающие заводы области, планировалось организовать около 50 различных новых нефтехимических производств. Создавалась мощная промышленность производства и переработки синтетических материалов.

Продолжилось активное развитие нефтедобычи и нефтепереработки в Куйбышевской области и Поволжье в целом. Выпускники КПИ были в числе тех, кто осваивал и разрабатывал нефтяные месторождения Западной Сибири. Студенты, решившие стать нефтяниками, осваивали две специальности: «Разработка нефтяных и газовых месторождений» и «Переработка нефти и газа». Престиж и популярность нефтяного факультета КИИ значительно возросли²¹⁰.

В 1960-е годы продолжилась масштабная подготовка инженерно-технических кадров силами преподавателей института. Открывались филиалы, факультеты, отделения, учебно-консультационные пункты и большинство из них в непосредственных местах проживания студентов. Куйбышевский политех стал основой для создания таких политехнических институтов, как Тольяттинский, Оренбургский, Ульяновский. До сегодняшнего дня продолжает работать филиал СамГТУ в г. Сызрани, который оформился на базе общетехнического факультета, созданного в июле 1960 года²¹¹.

В соответствии с приказом Министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 23 августа 1962 года Куйбышевский индустриальный институт был реорганизован в Куйбышевский политехнический институт²¹². Существенную роль в развитии института сыграл его выпускник, он кандидат технических наук, Н.Н.Панов, находившийся на посту ректора в 1961-1968 годах. Позднее, после избрания секретарем Куйбышевского обкома КПСС по идеологии вплоть до 1984 года отдал много усилий развитию системы высшего образования, академической науки и культуры Куйбышевской области. Впоследствии Николай Николаевич был переведен на работу в столицу, где до 1989 года заведовал сектором технических наук «Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС г. Москвы». Сектор занимался разработкой научно-технических программ СССР, курировал работу Государственного комитета по науке и технике, Высшей аттестационной комиссии и других ведомств²¹³. В период 1980 – 1991 гг. Н.Н.Панов выполнял обязанности советника председателя Государственного Комитета по науке и технике. Николай Николаевич был патрио-

том Самарской области, любил Волгу и родной институт, которому отдал лучшие годы жизни²¹⁴.

В начале 1980-х годов Куйбышевский политехнический институт имени В.В.Куйбышева был крупнейшим техническим вузом области и Поволжья в целом. На его восьми факультетах обучалось 15 тысяч студентов, имелись вечерние факультеты в Новокуйбышевске, общетехнических факультета в Отрадном, филиал в Сызрани. Вуз был ориентирован на развитие связей с конкретными производствами, ведение научно-исследовательских работ в области нефтехимии, машиностроения, электротехники, автоматики и измерительной техники²¹⁵.

Этот вуз по праву может гордиться именами своих выпускников, вписавших свои имена в историю страны, которых в полной мере можно именовать ее элитой: политики и производственники Р.И. Вяхирев, В.С. Черномырдин, В.И. Отт, ученый-математик Ю.П. Самарин, физик В.Д. Захматов, химик и политический деятель Б.В. Гидаспов.

Еще в годы войны в Куйбышеве были сконцентрированы и передовые медицинские научные кадры. Куйбышевские военные госпитали являлись одними из главных полигонов, где проводились передовые изыскания и исследования, вырабатывались наиболее эффективные технологии лечения раненых бойцов Красной Армии²¹⁶.

Куйбышевский государственный медицинский институт им.Д.И. Ульянова (ныне СамГМУ) к концу 1970-х годов сформировался как одно из самых крупных и видных учебных и научных учреждений здравоохранения страны. В этот период в нем трудились, создавали мощные научные школы ученые, чьи имена были известны далеко за пределами области. Среди них – офтальмолог, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, профессор Т.И. Ерошевский, действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор И.Б. Солдатов, заслуженные деятели науки РСФСР, профессора А.М. Аминев и Г.А. Ратнер. Тогда же начал свою научную и организаторскую карьеру в стенах родного вуза нынешний ректор, доктор медицинских наук, профессор, академик РАМН, председатель Совета ректоров вузов Самарской области Г.П. Котельников²¹⁷.

Успешной на посту ректора КГМИ была деятельность выдающегося ученого и организатора, академика А.Ф. Краснова. Он возглавлял вуз с 1967 по 1998 годы, воспитал много талантливых учеников. Благодаря его усилиям вуз получил возможность реализовывать свои наработки на базе клиник, существующих до сегодняшнего дня.

Менее впечатляющими, но не менее значимыми являются успехи гуманитарной науки на куйбышевской земле. Куйбышевский педагогический институт, уходящий своими корнями в дореволюционную эпоху (основан в 1911 году как Учительский институт, ныне – ПГСГА), в послевоенный период развивался достаточно активно. К началу 1960-х годов в нем насчитывалось семь факультетов (историко-филологический, физико-математический, индустриально-педагогический, физико-химический, агробиологический, иностранных языков и музыкально-педагогический), 22 кафедры. К началу 1970-х годов их число возросло до 28. Их деятельность была нацелена на формирование широкого слоя педагогических кадров, образовательной элиты, для сельских и городских школ²¹⁸.

Достаточно интенсивно в пединституте развивалось историко-филологическое направление. Историки Л.В.Храмков (будущий ректор государственного университета), Ф.А.Каревский, лингвисты Я.А.Роткович, В.А.Малаховский, Л.К.Скорород, Е.С.Скобликова – их имена были известны далеко за пределами родного вуза. К научной элите общесоюзного масштаба принадлежал трудившийся в 1950-е годы на кафедре русского языка доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АПН РСФСР А.Н.Гвоздев, который заложил серьезную научную базу для дальнейших исследований по различным проблемам диалектологии, детской речи, орфографии, стилистики²¹⁹.

Однако в конце 1960-х годов обозначилась и существенная проблема «несоответствия количественных и качественных параметров роста профессорско-преподавательского состава. Это выразилось в том, что только около 30% преподавателей имели ученые степени»²²⁰. Таким образом, КГПИ заложил основы для формирования гуманитарной, образовательной элиты региона,

но потребовался новый импульс, усилия новых людей, чтобы помочь ей сформироваться на качественно ином уровне.

В 1969 году, как утверждалось в официальных источниках, «в период подготовки к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина»²²¹, был вновь открыт Куйбышевский государственный университет (ныне СамГУ). Вопрос об открытии в г. Куйбышеве университета был инициирован научной общественностью города, инициатива была поддержана властными структурами Куйбышевской области²²².

14 декабря 1966 года Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин подписал Постановление № 940 «Об организации Куйбышевского государственного университета». Университет, состоявший на первых порах из физического, механико-математического факультетов и факультета гуманитарных наук, открыл свои двери 1 сентября 1969 года²²³.

Чьими усилиями новый университет со временем превратился в центр подготовки естественнонаучной и гуманитарной научно-образовательной элиты? Первый ректор КГУ – Алексей Иванович Медведев (на посту с 1968 по 1973 годы), историк, происходил из крестьянской семьи, участник ВОВ. В 1946 году заочно окончил высшую партийную школу, подготовил кандидатскую диссертацию по истории в Академии общественных наук²²⁴. Во время его работы на посту ректора была создана база для развития университета, начали свою деятельность все факультеты, кафедры, заложены традиции университетской жизни²²⁵. Педагогическое «лицо» нового вуза определяли кадры из других регионов страны – Москвы, Саратова, Новосибирска, Казани.

Как справедливо отмечает П.С.Кабытов: «фактически уже через 5 лет университет стал выполнять главную задачу: воссоздания слоя естественнонаучной и гуманитарной элиты. Именно эта цель и стояла перед университетом, была определяющей... Уровень культуры Куйбышева во многом был очень низким. С появлением университета стала формироваться новая элита, новое представление о городе, о жизни, об идеологии...»²²⁶.

Второй знаковой для вуза фигурой стал Виктор Васильевич Рябов, руководивший вузом с 1977 по 1984 годы. Он происходит

из семьи крестьян-колхозников с.Усинское Сызранского района Куйбышевской области²²⁷, получил базовое историческое образование в Саратовском государственном университете им.Н.Г.Чернышевского.

Благодаря неординарным организаторским способностям ректора Рябова, его знаниям и умениям в учебно-воспитательной и научно-исследовательской областях, университет получил мощный импульс для дальнейшего развития: усиливалась материально-техническая база, расширились связи с заводами военно-промышленного и аэрокосмического профиля. Научная деятельность в вузе активно развивалась: защищались диссертации, публиковались кафедральные разработки. Помимо высокого личного авторитета, всеми отмечаемого уважения ректора к каждому члену коллектива, связи и контакты, которыми он обладал, находясь на советской и партийной работе, помогали В.В.Рябову решать возникавшие задачи²²⁸.

Доктором исторических наук, также как А.И.Медведев и В.В.Рябов, был Ленар Васильевич Храмов (ректор с 1984 по 1994 годы). Он происходил из семьи педагогов, родился в с.Жигули Ставропольского района области, окончил Куйбышевский педагогический институт²²⁹. Л.Храмов возглавлял в областном Совете народных депутатов комиссию по образованию и науке, но не мог и отчасти не хотел использовать эти (пусть даже формальные) возможности для отстаивания интересов вуза. По воспоминаниям современников, ректор был убежденным государственным²³⁰.

Г.П.Яровой (ректор с 1994 по 2009 годы) прервал традицию назначения ректоров-историков, он был доктором физико-математических наук, происходил из крестьянской семьи, уроженец с.Воскресенское Полякарского района Саратовской области. При поддержке команды единомышленников Г.П.Яровой сумел сохранить и поддерживать материально-техническую базу университета в 1990-е годы. В годы его ректорства расширился спектр специальностей подготовки, было открыто гуманитарное отделение вуза в Сызрани. В 1996 году была утверждена концепция развития СамГУ как центра образования и культуры Поволжского региона²³¹.

Подводя предварительные итоги, отметим, что уже в 1960-е годы число студентов в 12 куйбышевских вузах выросло по сравнению с довоенным периодом более чем в шесть раз, а количество преподавателей – в восемь²³². В 1980 году в вузах по 103 специальностям обучалось уже 72 тысячи студентов, число преподавателей составляло более пяти тысяч человек (процент остепененности – 46,8%)²³³. К середине 1980-х годов в области работало 21 научно-исследовательское учреждение, в котором трудилось более двух тысяч человек, в том числе 220 докторов и кандидатов наук²³⁴.

Все эти показатели, имена выдающихся ученых, организаторов науки, известных далеко за пределами Куйбышевской области, подтверждают то, что к началу 1990-х годов Самара-Куйбышев вполне сложился как крупный вузовский и научный центр Поволжья.

Полагаем, что несомненно следует особо сказать о ректорском корпусе, общих характеристиках их социального статуса, происхождения, направлений деятельности. Предпринятый нами анализ социального происхождения, половозрастных характеристик ректорского корпуса изучаемого периода позволяет выявить следующие тенденции²³⁵.

В 1960–1970-х годах основным источником формирования научно-образовательной элиты Куйбышева были сельские районы: большинство представителей ректорского корпуса этого периода родилось не в городах. Удельный вес выходцев из городской среды закономерно увеличился на рубеже 1980-х – 1990-х годов²³⁶. Представителей молодого и среднего возраста было крайне мало (исключение В.Лукачев, В.Рябов), большинство становилось ректорами в возрасте свыше 40 лет.

В советский период в ректорском корпусе области женщины отсутствовали. Также скромно они были представлены в советских и партийных органах, где нередко выполняли исключительно представительские функции. Больше женщин руководило образовательными учреждениями среднего, дошкольного, среднего профессионального образования. Это было во многом закономерно, так как «...рекрутирование в состав элиты могло идти

более-менее успешно лишь при наличии широкого поля кандидатур, удовлетворявших ряду условий, в числе которых были: опыт руководящей деятельности...опыт общественной деятельности и т.д. Однако широкий слой женщин-руководителей, причем лишь на уровне небольшого трудового коллектива, сложился только в сферах народного образования, обслуживания населения, в которых приобрести опыт руководящей деятельности большого масштаба было весьма сложно»²³⁷.

В 1960-е годы, когда подготовка специалистов с высшим образованием еще не превратилась «в конвейер» с невысоким качеством конечного продукта, для советского общества было характерно уважительное отношение к образованию в целом и образованным людям в частности. К этому стоит добавить, что в СССР этого периода существовал союз политической и технократической элиты, обеспечивавший механизм взаимодействия элит в обществе²³⁸. С учетом материального фактора, личных достоинств научных работников, управленцев в образовании все вышеуказанное объясняет высокий социальный статус ректоров, руководителей образовательных учреждений, их растущее общественное влияние в изучаемый период.

Еще одна важная тенденция, имеющая аналогии в других регионах, заключается в том, что в послевоенный период основа кадров научно-образовательной элиты формировалась за счет специалистов из других регионов. Многие из представителей, к примеру, ректорского корпуса не являлись уроженцами Куйбышевской области. Лишь к началу 1980-х годов куйбышевские вузы стали готовить основную часть научной, региональной политической элиты в своих гражданских вузах, причем добились в этом серьезных успехов – имена В.П.Шорина, Д.Д.Зуева, В.В.Рябова звучали на самом высоком уровне. Эти люди вышли на общесоюзный уровень, состоялись не только как ученые, но и организаторы науки и просвещения.

Рождение и функционирование многих региональных отраслевых вузов в 1950-х – 1970-х годах было напрямую связано выполнением задачи по наращению промышленного и военного потенциала СССР. Естественно, что для научно-образовательной

элиты, как и для политической, этого периода вполне характерен индустриализм: многие из ректоров крупнейших вузов, управленцев в сфере образования имели техническое образование, тесные связи с промышленными предприятиями. Управленческая элита технических вузов во многом определяла не только научно-образовательный, но и общественно-политический облик Куйбышевского региона²³⁹.

«В Самаре до 1969 г. было огромное количество представителей инженерно-технической элиты, – отмечает П.С.Кабытов, – это – выпускники авиационного, политехнического, строительного, института связи, и отсюда узость видения многих проблем, колоссальный прагматизм и рационализм в решении многих задач, стоящих перед обществом»²⁴⁰. Ректоры, управленцы в сфере образования, имевшие гуманитарное образование, де-факто заявят о себе только во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов, но по степени влияния за редким исключением (Д.Зуев, В.Рябов) будут уступать «технарям».

С чем это связано кроме объективного вектора модернизационных процессов в СССР? Общеизвестно, что во второй половине XX века гуманитарные науки в СССР переживали сложный период, который характеризуется как «застой», кризис. Их положение было неотделимо от кризисных явлений в политике, экономике, управленческой сфере, которые были присущи советскому обществу 1960-х – начала 1980-х годов. Догматизм, начетничество, двойная мораль, жесткие идеологические рамки – все это сдерживало развитие гуманитарных наук, особенно пагубно отражаясь на судьбах историков и исторической науке в целом.

Параллельно с этим к началу 1980-х годов все очевиднее становилось снижение общего уровня образования, что «свидетельствовало о продолжающемся и углубляющемся кризисе народного образования. Полностью огосударствленная школа стала бюрократическим учреждением, функционирующим в режиме единообразия, единомыслия и единоначалия»²⁴¹.

Поэтому навряд ли стоит рассматривать сравнительную слабость гуманитарного образования в Куйбышевской области в 1970-е – начале 1980-х годов только как результат перекосов в

промышленной структуре, системе управления образования, делавших ставку прежде всего на развитие инженерно-технической мысли, воспитание кадров, способных работать в системе ВПК, тяжелой индустрии. Свою негативную роль такжы сыграли и слабость традиций гуманитарного образования в регионе, создание Куйбышевского госуниверситета фактически с нуля.

Как и региональная политическая элита, научно-образовательная и культурная элита в общей массе своей была по своему социальному происхождению народной, имела рабоче-крестьянское происхождение. Можно вполне согласиться с точкой зрения В.П.Мохова, который, отмечая изменения в политической сфере 1960-х – 1980-х годов, пишет: «С социальной точки зрения новый политический режим означал союз властвующей советской элиты с широкими слоями населения, в первую очередь, с мало- и среднеквалифицированными слоями населения, работниками физического труда, которые за счет уравнительного перераспределения смогли достаточно быстро изменить свой жизненный уровень»²⁴².

В определенном смысле этот тезис можно распространить и на наш сюжет, подчеркнув, что социальные «лифты» в советском обществе позволяли выходцам «из народа» сделать блестящую карьеру в сфере науки, культуры, образования, повысить свой социальный статус, благодаря личностным качествам, трудолюбию, коммуникативным талантам.

Научная и культурная сферы – это те области социальной жизни, в которых, по нашему наблюдению, партийная принадлежность имела сравнительно меньшее значение, она не могла являться убедительным доводом и основанием для продвижения по карьерной лестнице. С другой стороны, представить себе партийного и советского функционера высокого ранга, не имеющего высшего образования, в 1980-е годы было практически невозможно.

Как известно, ректорский корпус в советский период формировался решениями «сверху», каждая кандидатура проходила строгий отбор. Помимо личных и деловых качеств особое значение имело одобрение партийных органов, как и в настоящее вре-

мя, высоко ценилось умение правильно вести себя с властьюпридержащими, корректно и настойчиво отстаивать интересы вуза в решении глобальных и локальных задач, ставившихся государством перед вузами.

Таким образом, гражданское высшее образование к концу советского периода российской истории постепенно становилось неотъемлемым атрибутом карьерного роста, условием вхождения в региональную политическую элиту. Если в довоенный период партийно-политическое образование зачастую было достаточным условием вхождения в политическую элиту, то к началу 1990-х годов роль этого вида образования меняется – «оно становится среди региональной политической элиты вторым базовым образованием, своего рода свидетельством лояльности режиму»²⁴³.

Необходимо также отметить, что в советское время земляки-представители научной, образовательной элиты, оказавшиеся в Москве на высоких должностях, способствовали реализации проектов, значимых для области: оказывали конкретную организационную помощь, «продвигали» необходимые документы, участвовали в обсуждении важных планов развития области с учетом местных интересов, выходили на людей, принимающих решения, могли дать важную информацию, советы, необходимые при налаживании деловых контактов²⁴⁴. Региональная земляческая элита помогала реализовывать стратегический социально-экономический, кадровый, интеллектуальный потенциал региона, способствовала превращению Куйбышева в мощный индустриальный узел, научный, культурный центр.

Переходя к анализу динамики изменений в положении научно-образовательной элиты в 1990-е годы, отметим, что стагнация, явно обозначившаяся в этот период, коренилась в системных проблемах российского общества советского времени: сегодня их принято именовать «проблемами модернизации».

В начале 1990-х годов вновь оформляющаяся российская элита была заинтересована в становлении нового элитарного образования, поэтому «советская школа обвинялась в том, что формируя «винтиков» и ориентируясь на сознание некоей усредненной личности, она весьма ограничивала, если не исключала вовсе самую

возможность развития учащихся и объективно вела к подрезанию корней нации»²⁴⁵. Был взят курс на полный отказ от «негативного советского образовательного наследия», что имело далеко идущие негативные последствия.

10 июля 1992 года вступил в силу новый Федеральный Закон «Об образовании», в его разработке принимал непосредственное участие депутат, член Комитета Верховного Совета по науке и образованию, бывший ректор КуАИ, В.П.Шорин²⁴⁶. Именно он был одним из тех, кто совместно с другими представителями ректорского сообщества, предпринимал усилия по сохранению системы отечественного образования²⁴⁷.

Как и высшая школа, средняя школа в 1990-е годы испытывалась острой нехваткой финансирования: средства из бюджета выделялись по остаточному принципу. Средств на реализацию нового Федерального закона в бюджете катастрофически не хватало.

Большинство вузов страны понесли тяжелые потери в кадровом составе, материальном обеспечении. Имела место дезорганизация учебной работы: срывы занятий, некачественное их проведение, опоздания. Выпускники вузов получали свободное распределение, означавшее отсутствие места будущей работы. К примеру, если в 1990 году по госзаказу распределялось 95% выпускников Политехнического института, то уже в 1991 году – 33%, а в 1992 году госзаказ был полностью аннулирован²⁴⁸.

Вот как описывают эти негативные явления свидетели – работники Самарского государственного технического университета: «Падало качество занятий, покидали университет преподаватели, в основном молодые ассистенты, (с 1997 по 1999 годы – 105 человек), в корпусах неоднократно отключалась электроэнергия, перестали должным образом убираться помещения, с 1993 года не заключался Коллективный договор между Администрацией и профсоюзной организацией университета. Глобальной финансовой проблемой для университета стала оплата коммунальных услуг: общий долг за коммунальные услуги на 1 января 2001 года составлял 12,5 млн. рублей».

Как реагировали на эти проблемы руководители вузов, вузовская элита? Президент СГАУ В.А.Сойфер: «Основной задачей сво-

ей деятельности на посту ректора в 1990-е годы я видел усиление материальной базы университета. В программной статье в газете «Полет» я написал: «Мы должны стать богатыми», что меня пытались ругать, время было коммунистическое. Но я понимал, что без материального обеспечения вуз не сможет нарастить свой потенциал»²⁴⁹.

В ситуации всеобъемлющего кризиса главная задача, которая стояла перед научной, образовательной, культурной элитой – удержать, спасти то, что осталось. В.В.Рябов отмечает: «Роль ректорского корпуса, я считаю, в этих условиях была однозначно государственной, сохранившей систему государственной высшей школы. В эти годы безвременья вузы оказались в тяжелейшем положении и финансировались только по зарплате. Не приобреталось оборудование, не пополнялись библиотеки, речь вообще не шла о приобретении современных систем, особенно для химии, физики – цикла естественных наук. Поэтому выжить в этой ситуации было очень сложно, тем более, судя по предприятиям, где меняли так называемых «красных» директоров на менеджеров, высшая школа была не затронута, по существу на плечах тех, кто вошел в 1990-е годы в роли ректоров на их плечах и оказались вынесены судьба высшей школы.

И многие из них нашли выход. На съезде ректоров вузов устами первого президента России было разрешено федеральным вузам сдавать в аренду помещения. Эта аренда и спасла в определенной степени вузы. Вузы, во-первых, пытались восполнить пробелы материально технической базы, во-вторых, они обеспечили более или менее приемлемый уровень заработной платы».

Пришедшая в 1990-е годы на смену назначению система выборов ректоров, демократизация этого процесса, с одной стороны, имела позитивные последствия, с другой – спровоцировала приход менеджеров, слабо представляющий себе специфику работы в вузе, концентрирующихся сугубо на прагматических сторонах его деятельности. В.В. Рябов отмечает, что обществу и власти «настоятельно навязывалась мысль о том, что «старые» требования к уровню образования ректора, прежде всего, наличие ученой степени – это несущественное требование.

И наступила эра так называемых ректоров – менеджеров. Часть вузов стали возглавлять люди, которые пришли со стороны, не из высшей школы. Была создана огромная масса негосударственных вузов, качество преподавания в большинстве из которых, как покажут последующие события, не только не соответствовало современным требованиям, а не соответствовало даже тому уровню образования, который был в советской высшей школе. Высшая школа теряла очень много, и свои позиции начала возрождать только последние 10-15 лет...»²⁵⁰.

Отметим от себя, что в каком-то смысле закономерна сегодняшняя, де-факто существующая практика назначения ректоров наиболее крупных университетов, ужесточение требований к их квалификации, как к представителям элиты, оказывавшей и продолжающей оказывать решающее влияние на научно-образовательный, общественно-политический ландшафт в регионе.

Потребовалось немало времени, чтобы осознать, насколько сильно изменилась ситуация в отношении ученых, целей образования. «Если в советское время была одна, пусть не достижимая, но единая для всего общества цель – построение коммунизма, была система распределения студентов после обучения, то в начале 1990-х годов парадигма образования сменилась – целью образования стало удовлетворение запроса личности в получении знаний, полностью выпал воспитательный момент, не учтен интерес государства в отношении высшей школы. На мой взгляд это не совсем правильно, так как государство инвестирует в людей, но в случае образования это привело к большим перекосам. Появление коммерческих образовательных структур, низкий уровень подготовки в них – все это привело к девальвированию российского образования, потере ценных кадров, уехавших за рубеж. Сейчас очень трудно заполнить кадровые пробелы, образовавшиеся после 1991 года. Мы только начинаем входить в мировое образовательное пространство, нам предстоит еще долгий путь в этом направлении»²⁵¹ (В.А.Сойфер).

Еще одной важной задачей научной элиты региона стала модернизация в соответствии с задачами времени: «Дело в том, что в 90-е гг. получать какую-либо инженерную специальность стало

не престижно, – отмечает П.С.Кабытов. – Многим молодым людям казалось, что деньги валяются под ногами, достаточно провить немного смекалки – и без труда можно обогатиться. Поэтому поддержка классического образования являлась актуальной задачей... Вторая задача (которая решалась в 1990-е годы – авт.) – это структурная перестройка вуза, связанная с открытием новых специальностей, выпускники которых реально могут быть востребованы на рынке труда... Третья задача – установление взаимодействия общества и университета»²⁵².

Существование региональной культурной элиты также неотделимо от общих тенденций развития духовной жизни Куйбышевской области. Военное время привнесло существенные коррективы в культурную жизнь горожан, заметно оживило ее. Тон культурной жизни Куйбышева задавали эвакуированные Большой театр, симфонический оркестр Всесоюзного радио и другие коллективы. Здесь жили, творили и выступали Дмитрий Шостакович, Давид Ойстрах, Иван Козловский, Эмиль Гилельс и другие. 5 марта 1942 года в Куйбышевском театре оперы и балета в исполнении оркестра Большого театра под руководством С. Самосуда прозвучала Седьмая симфония Д.Д.Шостаковича.

Как и многие города-центры военной промышленности СССР, Куйбышев был т.н. «закрытым городом», долгие годы лишенным возможности существенной культурной подпитки, обмена идеями с коллегами из-за рубежа. Творческим коллективам приходилось постоянно обращаться, прежде всего, к российскому культурному наследию.

Еще в 1952 году для создания Волжского русского народного хора в Куйбышев был направлен Петр Михайлович Милославов, заведовавший музыкальным отделом московского Всесоюзного Дома народного творчества. П. Милославов более 50 лет назад начал отбирать в коллектив талантливых танцоров, певцов, музыкантов из коллективов художественной самодеятельности. Хор был неоднократно лауреатом Всесоюзных фестивалей, гастролировал по всему СССР²⁵³. Бережно хранящий традиции народной волжской песенной традиции коллектив, носящий имя его

основателя, существует до настоящего времени, вызывая неизменное восхищение у зрителей.

Куйбышевская филармония этого периода была местом, где творили известные дирижеры, композиторы. Дирижер куйбышевского оркестра (1959 – 1965) С.Фельдман развил систему музыкальных абонементов, стал организовывать авторские вечера советских композиторов. В бытность свою дирижером Фельдман исполнил около 40 симфонических премьер²⁵⁴.

Он же был одним из инициаторов проведения в Куйбышеве ежегодных (с 1963 до конца 1980-х годов) Ленинских весенних фестивалей, которые давали возможность зрителям познакомиться с различными жанрами и направлениями советского искусства. В это время ценители прекрасного могли прикоснуться к творчеству симфонических оркестров и оркестров русских народных инструментов, солистов столичных театров оперы и балета, услышать и увидеть «вживую» Д.Кабалевского, А.Хачатуряна, Г.Свиридова, Г.Эшпая, О.Фельцмана.

Другая наиболее яркая страница в музыкальной жизни города будет написана трудом и талантом М.Щербакова, главного дирижера Самарской филармонии, который занимает этот пост с 1991 года. Выпускник Свердловской консерватории по классу скрипки и симфонического дирижирования, дирижер астраханского камерного оркестра, активный и амбициозный М.Щербаков сумел активизировать гастрольную и творческую жизнь коллектива. Поездки в Испанию, Италию, выступление в лучших залах страны – все это стало частью его личного успеха и триумфом коллектива²⁵⁵.

7 сентября 1996 года в Самаре состоялось историческое событие: двадцать лет спустя после того, как он, уже будучи в опале, дал несколько концертов в Куйбышеве, Мстислав Ростропович дал концерт: сыграл виолончельный концерт И.Гайдна и «Вариации на тему рококо» П.Чайковского²⁵⁶. Это событие без преувеличения можно назвать эпохальным, открывшим новую страницу в культурном наследии региона.

Большой вклад в песенную культуру страны внес сызранец, композитор Аркадий Ильич Островский: его песня «Пусть всег-

да будет солнце» в свое время побила все рекорды популярности. Повышению музыкальной культуры куйбышевцев также способствовало проведение с 1962 года конкурсов (всего их было 18) молодых пианистов им.Д.Кабалевского, а также фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина, организованный в 1968 году Городским молодежным клубом (ГМК-62). Члены последнего также были инициаторами проведения в 1967 году в «закрытом» городе концертов В.Высоцкого.

В 1964 году в Куйбышевском драматическом театре начал свой творческий путь яркий драматический актер, в последствии Заслуженный артист РСФСР, игравший в БДТ им.Товстоногова, театре им.Ермоловой, Юрий Демич. Тогда же в труппе местного театра работали интересные молодые актеры В.Ершова, Н.Засухин, Н.Засухина, Ю.Хапланов. Их талант смог достойно раскрыться, в том числе, благодаря лидеру коллектива, руководителю (с 1955 режиссёр, в 1959 – 1965 и 1967 – 1998 годах – главный режиссёр) Петру Львовичу Монастырскому. Советские театральные критики неоднократно отмечали и сильную актерскую составляющую, художественное своеобразие театра и его высокую сценическую культуру и талант главного режиссера. Именно под его руководством театру в 1977 году было присвоено звание Академический.

Потомкам П.Л.Монастырский оставил значительное литературное наследие. Он делился с молодежью секретами своего мастерства, занимался преподавательской деятельностью: был профессором кафедры режиссуры и мировой художественной культуры Куйбышевского государственного педагогического института.

Актерскую, режиссерскую и иные творческие профессии куйбышевцы могли освоить, окончив Институт культуры, который открыл свои двери для абитуриентов в 1971 году.

К началу 1980-х годов в области имелось шесть театров, три концертные организации, шесть музеев, 11 парков, 105 дневных и вечерних музыкальных и художественных школ, кинотеатры, клубы²⁵⁷.

Еще одна «звездная» судьба, чья деятельность стимулировала развитие региональной балетной школы, была связана с городом

на Волге – Алла Яковлевна Шелест. С 1970 по 1973 годы выдающаяся прима Мариинки работала здесь главным балетмейстером, сделал много для формирования труппы, воспитания молодых танцоров. Ее памяти посвящен ежегодный балетный фестиваль, организуемый Министерством культуры Самарской области.

Сложная идеологическая атмосфера этого периода неоднозначно повлияла и на развитие литературного творчества. В большинстве своем куйбышевские поэты и писатели не снискали широкой популярности: «...Поэтам не удалось создать по-настоящему значительных книг, ставших известными за пределами региона (исключение составляют только «Сказки» С.Эйдлина)... Прозаики достигли гораздо большего...»²⁵⁸. Любимы читателями произведения Э.Кондратова, братьев Вениамина и Владимира Бондаренко, Б.Сиротина и других куйбышевских авторов.

Удаленность Куйбышева от столичных городов, являвшихся центрами культурной жизни Советского Союза, помимо негативных последствий, имела и позитивные, быть может, чуть проще можно было обойти препоны и жесткие идеологические рамки, выставляемые творческим людям. Но здесь очень многое зависело от степени дарования, личной убежденности и преданности своему делу.

К лучшим представителям культурной элиты не только области, но и страны в целом, может быть отнесена Анетта Яковлевна Басс – директор Куйбышевского областного художественного музея. Когда в 1958 году она, будучи старшим научным сотрудником музея, стала его руководителем, мало кто мог себе представить, какие это будет иметь далеко идущие последствия для развития и позиционирования региона. 47-летний подвижнический труд А.Я.Басс, сумевшей в советское время вместе с единомышленниками, сформировать коллекцию русских икон, полотна «опальных» авангардистов 1920-х годов, был высоко оценен властями²⁵⁹. В 1982 году ей присудили звание Заслуженный работник культуры РСФСР. По примерным оценкам ей удалось спасти около 440 произведений искусства конца XIX – начала XX веков, подлежащих уничтожению.

Опыт той серьезной работы, которую проводил коллектив музея, был обобщен на первой в истории советских музеев конференции по научной работе. Она прошла в Куйбышеве в 1967 году и проинформировала широкую общественность о новой культурной миссии провинциальных музеев. Особой заслугой Анетты Басс является открытие Дома-музея Репина в селе Ширяево, внимание к местным образцам художникам и образцам живописного творчества.

Особые возможности для развития музей получил после снятия «железного занавеса»: А.Я.Басс организовывала зарубежные выставки, приглашала известных мастеров, чтобы познакомить с их работами самарскую публику. Можно с уверенностью сказать, что, несмотря на материальные трудности, в 1990-е годы Самарский художественный музей сохранял за собой лидирующее положение среди нестоличных музеев.

Хранителям музея во многом обязан своей общероссийской славой талантливый художник В.З.Пурыгин, который начал свой творческий путь в период «хрущевской оттепели». В это время в Куйбышеве появился целый пласт даровитых художников – Р.Н. Баранов, Г.В. Филатов, Ю.И. Филлипов, А.А. Андрианов и других. Многие из них, как и Пурыгин, писали пейзажи, в том числе, героико-эпического характера, создавали крупноформатные работы. Однако работы Валентина Захаровича, написанные в самобытной гротескной манере под влиянием постимпрессионистов, были мало похожи (за редким исключением) на умиротворяющие пейзажи и прославляющие героический труд советского человека полотна²⁶⁰. Многие из этих работ стали экспонироваться только после распада СССР и принесли Пурыгину заслуженную славу.

Наше исследование культурной атмосферы Куйбышева-Самары было бы неполным без упоминания тех, чьими усилиями сохранялось и приумножалось знание о прошлом региона. А. Завальный, А. Носков, Р. Поддубная, П. Кабытов, Л. Храмков, В. Арнольд²⁶¹ – это далеко не полный перечень историков-краеведов, людей, по праву принадлежащих к культурной элите региона. Одним из самых знаменитых самарских краеведов, неумоимо боровшихся за сохранение историко-архитектурного наследия Самары, был и О.С. Струков.

Невозможно переоценить культурную, эстетическую, научную значимость работы по сохранению историко-архитектурного наследия Самары-Куйбышева, проведенную Заслуженным архитектором РСФСР, член-корреспондентом Российской Академии архитектуры и строительных наук, художником Ваганом Гайковичем Каркарьяном.

Подводя итоги исследования, отметим следующее. В отличие от региональной политической элиты, которая, по мнению специалистов (О.Крыштановская, В.Мохов и др.), к концу 1980-х годов необратимо деформировалась как социальный слой и потому не стала сопротивляться радикальной смене курса, а зачастую и сама ее провоцировала, научно-образовательная, культурная элиты отличались большим консерватизмом. Эти общественные группы менее были заинтересованы в резком изменении политического курса, что в полной мере подтверждается региональными материалами.

Функциональное назначение деятельности научно-образовательной элиты помимо собственно развития инженерной мысли, стимулирования производства, состояло в том, что она способствовала формированию отношений между властью и обществом, осуществляла коммуникацию между народом и властью, так как подавляющее большинство представителей элиты было непосредственно или опосредованно связаны с партийными и советскими органами. И, безусловно, научно-образовательная, культурная элиты оказывали решающее влияние на социальную среду, повышение общего культурного, интеллектуального уровня жителей области.

Самарская научно-образовательная элита во многом есть продукт симбиоза различных научных школ страны, потому она более открыта для новшеств, зачастую ориентирована во вне, но при этом у многих современных деятелей науки и культуры есть твердое понимание важности таких категорий, как «преемственность», «традиция». «Ректор – человек неординарный, преданный своему делу, лидер особого склада, понимающий, куда вести коллектив», – отмечает В.А.Сойфер. Многие из лидеров самарской высшей школы и образования вполне отвечают этой характеристике.

Перед деятелями образования, науки, искусства сегодня стоит важная задача преодоления кризисных явлений, зародившихся еще в 1980-е – 1990-е годы, сохранения традиций российских научных и культурных школ, постепенное вхождения в глобальное культурно-образовательное пространство без потери самости и самобытности.

Современное научное, образовательное сообщество Самарской области в целом, настроены конструктивно, и как и в предшествующие исторические периоды, нацелено на выполнение поставленных государством и обществом задач.

Примечания

²⁰⁵ В 2001 г. на базе Тольяттинского политехнического института и Тольяттинского филиала Самарского государственного педагогического университета будет основан крупнейший вуз современного Тольятти – Тольяттинский государственный университет.

²⁰⁶ URL: <http://www.ssau.ru/info/history/>
(дата обращения – 1.09.2014).

²⁰⁷ URL: <http://www.ssau.ru/info/history/>
(дата обращения – 1.09.2014).

²⁰⁸ Совет ректоров вузов Самарской области. Самара: Изд-во «ВЕК#21». С.99.

²⁰⁹ Подробнее о них см. раздел «Выдающиеся выпускники КуАИ-СГАУ»: URL: <http://www.ssau.ru/around/outstanding/>
(дата обращения 30.08.2014).

²¹⁰ URL: <http://uni.samgtu.ru/node/57>
(дата обращения 10.09.2014).

²¹¹ URL: <http://uni.samgtu.ru/node/57>
(дата обращения - 12.09.2014).

²¹² Подробнее об этапах развития СамГТУ см.: Колпаков А.Н. История высшей школы Самары. Кн.1: Самарский политехникум. Самара: СамГТУ, 2004; Его же. История высшей школы Самары. Кн.2: Первый университет в Самаре. Самара: СамГТУ, 2007.

- ²¹³ О нем см.: Самарцы в Москве: Страницы истории Самарского землячества / Под общ.ред. В.В.Рябова. Самара: ООО «Офорт», 2011. С.138.
- ²¹⁴ Его воспоминания опубликованы: Панов Н.Н. Записки самарского ректора. М., 2000.
- ²¹⁵ Куйбышевская область... С.309.
- ²¹⁶ <http://www.samsmu.ru/university/history> (дата обращения 30.08.2014).
- ²¹⁷ О нем см.: Совет ректоров вузов Самарской области. Самара: Изд-во «ВЕК#21». С.42.
- ²¹⁸ История Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (1911-2011): юбилейное издание, посвященное 100-летию вуза/ отв.ред. И.В.Вершинин. Самара: ПГСГА, 2011. С.88-89; Колпаков А.Н. История высшей школы Самары. Кн. 3: Педагогическое образование в Самаре. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2010.
- ²¹⁹ О нем подробнее см.: Там же. С.101, 102; Рачитель языка русского// Имена и судьбы. Самара: Волжская коммуна, 2001. С.193-198.
- ²²⁰ Там же. С.89.
- ²²¹ Куйбышевская область: Историко-экономический очерк. Куйбышев: Кн.изд-во, 1983. С.308.
- ²²² Куйбышевский облсовет 30 июня 1968 года принял решение «О создании минимальных условий для открытия КГУ» (Самарский государственный университет. 1969-2009 / Под общ.ред. проф., д.пед.н. И.А. Носкова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. С.31).
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ Там же. С.34-35.
- ²²⁵ Там же. С.37.
- ²²⁶ Там же. С.38.
- ²²⁷ Подробнее о его биографии и деятельности см.: Рябов В.В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М.: Жизнь и мысль; Моск.учеб., 2005.
- ²²⁸ О нем см.: Самарцы в Москве... С.152-153.
- ²²⁹ Самарский государственный университет. 1969-2009. Самара, 2009. С.45.

- ²³⁰ Там же. С.47.
- ²³¹ Самарский государственный университет. 1969-2009. С.49, 50.
- ²³² Куйбышевская область... С.309.
- ²³³ Там же. С.313, 314.
- ²³⁴ Там же. С.317.
- ²³⁵ Здесь и далее для исследования использованы биографические данные и материалы издания «Совет ректоров вузов Самарской области», а также справки по истории местных вузов.
- ²³⁶ В этом отношении наука и образование не отличались от политической сферы: в последней доминировали подобные тенденции. Подробнее см.: Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России. Пермь: Перм.гос.техн.ун-т, 1998. С.149.
- ²³⁷ Там же. С.157.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Как точно замечает В.П.Мохов, вплоть до конца 1980-х годов сохранялось «торжество инженерного образования на высших этажах политической власти» (Мохов В.П. Указ.соч. С.166).
- ²⁴⁰ Самарский государственный университет. 1969-2009. Самара, 2009. С.66.
- ²⁴¹ Козловская Г.Е. Российское образование на рубеже веков. М.: МГПУ; ОАО «Моск.уч.». 2001. С.54.
- ²⁴² Мохов В.П. Указ.соч. С. 14.
- ²⁴³ Мохов В.П. Указ.соч. С.169.
- ²⁴⁴ Подробнее об этом см.: Самарцы в Москве.
- ²⁴⁵ Козловская Г.Е. Указ.соч. С. 85.
- ²⁴⁶ Там же. С. 91.
- ²⁴⁷ Подробнее см.: Там же. С.248.
- ²⁴⁸ URL: <http://uni.samgtu.ru/node/57>
(дата обращения 25.08.2014).
- ²⁴⁹ Из интервью авторам исследования 20.09.2014.
- ²⁵⁰ Из интервью авторам исследования 22.09.2014.
- ²⁵¹ Из интервью авторам исследования 20.09.2014.
- ²⁵² Самарский государственный университет. 1969-2009. С.65.
- ²⁵³ Куйбышевская область... С.319.
- ²⁵⁴ Автографы: Культура и искусство Самарской области. Самара: РИФ «Ника», 1998. С.60.

²⁵⁵ Там же. С.65.

²⁵⁶ См.: Добрусин В.А., Карасев В.Н. Биографическая энциклопедия «Самарские судьбы». Самара: ИД «Агни», 2010. С. 194-195.

²⁵⁷ Куйбышевская область...С.317.

²⁵⁸ Автографы. С.142.

²⁵⁹ Самарские судьбы...С. 30, 31.

²⁶⁰ Автографы...С.218-221.

²⁶¹ О них подробнее: Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия / Сост. А.Н.Завальный. Самара: ИД «Раритет», 2009.

РАЗДЕЛ V.

ВОЕННАЯ ЭЛИТА САМАРСКОЙ (КУЙБЫШЕВСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1960-1990-е гг.

Армия – это опора государственности. Но роль вооруженных сил и военного руководства в системе элит менялась в зависимости от политических процессов в обществе. Она играла важнейшую роль в период социальных катаклизмов. В период политической стабильности роль несколько ослаблялась. Армия сосредотачивалась на исполнении своих непосредственных обязанностей по обороне страны от внешних врагов, не вмешиваясь во внутриполитическую ситуацию.

При изучении региональных элит долгое время основной акцент отводился политическим элитам. Однако военные элиты тоже играли значительную роль в жизни Самары (Куйбышева) и области. Именно перенос в областной центр штаба военного округа стал одним из факторов повышения статуса города, превращение его в неофициальную столицу Поволжья и важнейший стратегический центр страны в XX в. Большую часть XX в. город был центром Приволжского (ПриВО), а в 1989-1991 гг. Приволжско-Уральского военного округа (ПУРВО), тем самым объединяя огромную территорию не только Поволжья, но и Уральского региона.

Традиционно советские историки мало внимания уделяли роли личности военного руководства округа. Исключение составлял высший слой военной элиты, в который входили министры обороны СССР, маршалы Советского Союза и родов войск. Между тем роль руководителей военных округов в политической жизни региона, принятии важнейших управленческих решений была велика. Управленческий талант важен был не только для военного, но и мирного времени. Возвышение или понижение роли различных военных структур в значительной степени зависело от личности его руководителя. Умение командующего округа наладить контакты с руководством страны, Министерства обороны, региональными элитами, выстраивание грамотного управления подчиненными частями, их командным составом позволяло под-

нять значимость округа в иерархии военно-административных образований, входивших в структуру Министерства обороны.

С историей города связана деятельность многих известных военачальников. Однако большинство из них не задерживалось в городе. Для советского периода была характерна кратковременность нахождения на своих постах командующих округов. Была распространена практика переброски командующих из одного округа в другой. Это был небольшой промежуточный этап их военной карьеры. Соответственно командующие руководили округом относительно недолго – от 1 до 4 лет. Так, генерал-полковник А.Т. Стученко командовал округом в 1960-1961 гг., генерал-полковник И.Г. Павловский – в 1961-1963 гг., генерал-полковник Н.Г. Лященко – в 1963-1965 гг., генерал-полковник Н.В. Огарков – в 1965-1968 гг., генерал-полковник А.М. Паршиков – в 1968-1971 гг., генерал-полковник Ю.А. Науменко – в 1971-1975 гг., генерал-полковник П.Г. Лушев – в 1975-1977 гг., генерал-полковник В.Н. Кончиц – в 1977-1981 гг., генерал-полковник А.Я. Ряхов – в 1981-1985 гг., генерал-полковник В. А. Патрикеев – в 1985-1989 гг., генерал-полковник А. М. Макашов – в 1989-1991 гг.²⁶² Лишь на современном этапе тенденция изменилась. Последний командующий ПриВО генерал-полковник А. И. Сергеев занимал свою должность продолжительный период – в 1992- 2001 гг.

Большинство военачальников после ПриВО продолжали свою службу в качестве командующих других округов. Но некоторые шли на повышение в Москву. Наибольших успехов добился Н.В. Огарков. С поста командующего ПриВО в 1968 г. он был переведен на должность 1-го заместителя начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. 8 января 1977 года генерал армии Н. В. Огарков назначен начальником Генерального штаба Вооружённых Сил СССР – первым заместителем Министра обороны СССР. 14 января 1977 года ему было присвоено звание Маршала Советского Союза²⁶³.

Были и другие командующие, которые в последующие годы добились серьезного продвижения по службе, оставив серьезный след в судьбе Вооружённых Сил СССР. Так, И.Г. Павловский в 1963 г. был переведен из Куйбышева на должность командую-

щего войсками Дальневосточного военного округа, а уже в 1967 г. И.Г. Павловский назначен Главнокомандующим Сухопутными войсками – заместителем Министра обороны СССР²⁶⁴. Ему были поручены очень важные боевые задания. Например, в августе 1968 г. он был назначен командующим объединёнными войсками государств Варшавского договора в предстоящей операции по вводу войск в Чехословакию. В 1969 г. И.Г. Павловскому было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был членом ЦК КПСС в 1971–1981 гг., депутатом Верховного Совета СССР 6–9-го созывов²⁶⁵.

В советский период военные, особенно генералитет, имели высокий социальный статус. Армия воспринималась как защитница страны, а генералитет был уважаем местными политическими элитами. Командующие округа участвовали в многочисленных общественно-политических мероприятиях, заседаниях партийных и государственных органов. Большое значение в жизни войск округа имели постоянные контакты с местными партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими организациями. Областные руководители старались принимать участие в окружных партийных конференциях. Причем чаще всего присутствовал первый секретарь Куйбышевского обкома и секретари большинства регионов, которые входили в ПриВО²⁶⁶.

На подобных конференциях обсуждались не только вопросы боевой, но и политической подготовки. Координация идеологической работы в воинских частях была одним из важнейших задач командующего округа. Помощь в этой работе оказывали руководители Политуправления ПриВО, а также областные партийные руководители. Для высшего командования было обязательным членство в партии. Благодаря росту числа парторганизаций усиливалось их влияние на жизнь и деятельность округа.

В 1960–1970-е гг. руководители округа были не активным, а пассивным субъектом политической жизни. Они могли лишь опосредовано влиять на принятие ключевых решений. Например, окружное руководство участвовало в работе съездов, партийных конференций, тем самым помогая выполнять те или иные решения, принятые на партийном и государственном уровне. Была распространена практика избрания военных в различные госу-

дарственные органы. Многие войны были удостоены звания народных депутатов. Это касалось не только руководителей округа, но и среднего звена. Так на выборах после принятия новой Конституции в 1979 г. депутатом Верховного Совета СССР избран генерал-полковник В.Н. Кончиц. На выборах 24 февраля 1980 г. депутатами в Верховный Совет РСФСР избраны генерал-майор авиации А.Г. Николаев, генерал-полковник М.Г. Соболев, генерал-полковник Д.С. Сухоруков, генерал-полковник Н.Ф. Шестопалов, генерал-лейтенант Б.П. Уткин²⁶⁷.

Депутатами в Верховные Советы автономных республик Поволжья избраны генерал-майор А.А. Бойко, полковники Е.П. Мельников, С.Г. Прибылов, Б.М. Рогожкин, В.П. Шварев, депутатами областных Советов народных депутатов – генерал-лейтенанты Ж.К. Кереев, А.С. Кобзарь, генерал-майоры В.И. Гусев, А.Ф. Клинин, С.Е. Кротов, В.С. Немытин, А.Т. Потапов, Н.М. Толмачев. Сотни военнослужащих избраны в органы советской власти городов, районов и населенных пунктов²⁶⁸.

Подобная относительно спокойная жизнь округа в 1960-1970-е гг кардинально изменилась в годы «перестройки». В самые первые годы «перестройки» армия еще находилась в стороне от политических страстей, полностью доверившись лидерам «нового политического мышления». Она поддерживала идеи разоружения, мирные инициативы советского руководства. Но постепенно кардинальные реформы в стране отразились и на армии. Она все больше и больше начинала втягиваться в политическую жизнь страны. Причем первоначально это было инициативой именно политических элит, которые использовали армию в международных конфликтах и при подавлении сепаратизма в национальных окраинах. Поэтому в высших эшелонах военного руководства все четче формировалась оппозиция, открыто отвергающая курс «нового мышления» со всеми вытекающими из него негативными последствиями для обороноспособности страны²⁶⁹.

Накапливались противоречия и внутри армии. Определенная часть офицерства, выступая за её реформирование (сокращение численности, комплектование по национально-территориальному принципу и на контрактной основе и т.п.), демократизацию,

обвиняла высшее руководство в консерватизме, антиперестроечных настроениях²⁷⁰.

Постепенно нагнетались противоречия между обществом и армией. Для многих реформаторов армия воспринималась как крайне консервативная сила, главное препятствие на пути к демократическим свободам. Её боялись, опасаясь военного переворота. Поэтому она оказалась под жесточайшей критикой²⁷¹. Фактически она стала жертвой политиков, т.к. не по своей воле стала активно использоваться во внутривнутриполитических делах. Уже тогда командующий ПУрВО генерал-полковник А.М. Макашов в открытую говорил, что «армия – самая незащищенная часть общества. По своей воле армия ничего не делает. Армией руководят политики»²⁷². Это был крик души против массовой травли армии и бездействия ЦК, Политбюро и правительства по отношению к своим защитникам. В условиях общей политической дестабилизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. именно армия могла стать тем стержнем, который бы сохранил разрушающуюся советскую государственность, стабилизировал ситуацию в стране, прекратил анархию, сепаратизм и ослабил центробежные силы. Поэтому некоторые представители военной элиты активно пошли в политику. Одним из таких военачальников и стал командующий ПУрВО А.М. Макашов. Много шума наделала его речь летом 1989 г. на XIX Всесоюзной партконференции. В том же году он был избран народным депутатом СССР и вошел в состав ЦК РКП. Когда генерал Макашов поднимался на трибуну, его имя было мало кому известно. Спускался с нее человеком, к которому было приковано внимание советской и зарубежной прессы. Его выступление многим запомнилось как откровенно «большевистское». В нем он обвинил тогдашнее советское руководство в преднамеренном развале страны, в отступлении от основных принципов КПСС²⁷³.

13 мая 1991 г. руководство нескольких воинских частей и трудовых коллективов ПУрВО выдвинули и начали сбор подписей на выдвижение А.М. Макашова на пост президента РСФСР. В тот же день генерал дал согласие баллотироваться и вступил в предвыборную борьбу. Всего 2 дня понадобилось ему, чтобы собрать

больше 100 тысяч подписей для регистрации в качестве кандидата в президенты России²⁷⁴.

На предвыборных митингах генерал давал нелестные оценки «поспешному и непродуманному выводу наших войск из Восточной Европы», конверсии оборонного комплекса. Программа Макашова предусматривала «равноправное сочетание частной, трудовой, коллективной и государственной собственности», «советизацию экономики», «борьбу со спекуляцией», «возрождение государственной монополии на внешнюю торговлю», отстаивание интересов русскоязычного населения в других республиках СССР, он выступал «за единую и неделимую Россию»²⁷⁵. Во время предвыборной гонки его обвиняли в диктаторских замашках. Макашов пытался противопоставить этому примеры из западных стран, где президентами были генерал Эйзенхауэр, де Голль и т.д.²⁷⁶ Выборы не принесли успеха генералу - он набрал 3,74 % голосов. Однако Макашов приобрел большую известность в коммунистических и патриотических кругах²⁷⁷.

В августе 1991 г. Макашова встал на сторону Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Военным советом ПриВО было принято обращение к воинам округа. В нем призывалось «отнестись с пониманием и высокой ответственностью к решению по восстановлению и поддержанию конституционного порядка в регионе», быть «всегда верными своему народу, социалистической Родине, патриотическому долгу, свято выполнять требования боевой присяги». Военный совет выразил уверенность, что «личный состав округа правильно поймет сложившуюся ситуацию и будет готов выполнить поставленную перед ним Государственным комитетом по чрезвычайному положению задачу во имя спокойствия, порядка и мира в регионе и стране»²⁷⁸.

Созданная после подавления путча специальная депутатская комиссия выявила, что во время августовских событий Макашов сразу поддержал путчистов, отправил в адрес ГКЧП 11 телеграмм с требованиями более решительных действий. По его приказу в Самаре была проведена демонстрация военной силы, выставлены вооруженные посты²⁷⁹. Некоторые его противники обвиняли в диктаторских наклонностях во время путча, заявляли, что он

привел подведомственные войска в боевую готовность и призвал занять самарский телецентр. Но официальных подтверждений этого не было обнаружено. Сам же Макашов оценивал свои действия иначе. Он говорил: «Во время недопереворота я командовал войсками округа и горжусь, что в это время на территории округа никого не задавили, никого не убили. Я все сделал для того, чтобы было тихо и спокойно»²⁸⁰. В любом случае его дальнейшая судьба была predetermined. «Мятежный» генерал был снят с должности командующего округа и досрочно был вынужден уйти на пенсию.

После августовских событий политическая активность в армии пошла на спад. Особенно четко эта тенденция проявилась в ПриВО, воссозданном после разделения ПУрВО в 1992 г. Это было связано с позицией нового командующего округа. Генерал-полковник А.И. Сергеев был полной противоположностью А.М. Макашова. Он сразу после вступления в должность занял жесткую позицию, что не будет заниматься политическими играми. Уже в 1992 г. он заявил, что «войска округа не вмешиваясь в политику, будучи политически нейтральными, проявляют верность и преданность своему народу, правительству, всенародно избранному Президенту – своему Верховному Главнокомандующему. Мы – солдаты, офицеры и генералы Российской армии – всегда готовы к выполнению задач, поставленных нашим Президентом и министром обороны. Войска Приволжского военного округа верно и честно служат российскому народу. В этом наш святой долг и сыновняя обязанность перед ним»²⁸¹.

Не менялась эта позиция и в последующие годы. Не пошатнулись эти принципы даже втягивание политиками армии в Чеченский конфликт, многочисленные просчеты в ходе этих событий и т.д. Генерал Сергеев через несколько месяцев после начала конфликта отмечал: «Как военный, я подчеркиваю – армия была вынуждена выполнить эту задачу. В соответствии с законом России «Об обороне» и положением военной доктрины. Верховный главнокомандующий избран народом. Как его избирали – это уже не мои проблемы: я не политик, я солдат. Верховный главнокомандующий, правительство, Федеральное Собрание это власть, избранная на-

родом. Коль им доверено народом командовать, то народ должен с них и спрашивать: кто, какие и почему принимает решения... А мы – люди военные. Мы получили задачу, и мы её выполняем»²⁸².

Но, даже оставаясь аполитичным, командующему ПриВО Сергееву приходилось выстраивать хорошие отношения с политиками на федеральном уровне. Он отмечал, что «в сегодняшней армии накопилось немало проблем, которые своими силами не решит ни один командующий. Ей нужна помощь государства, президента и правительства»²⁸³. Удивительно ровными были взаимоотношения командующего и с руководителями субъектов РФ, на территории которых был дислоцирован ПриВО, в том числе и с руководством многочисленных автономных республик, что было очень важно в условиях нестабильной ситуации и возрастания сепаратизма в начала 1990-х гг.

Нормальное деловое сотрудничество, помощь со стороны региональных политических лидеров была крайне необходима в условиях сложной экономической ситуации, в которой находилась армия. Ей приходилось выживать. В одиночку это сделать было крайне сложно. Более того, в иные годы личные дружеские контакты командующего с руководителями республик и областей Поволжья и Южного Урала в буквальном смысле помогали выжить войскам. В это время от командующего требовались особые качества управленца. Практически каждый день возникали форс-мажорные обстоятельства. Для их решения от командующего требовалось умение быстро найти контакт с местными властями, убедить их оказать помощь конкретной воинской части. Во времена неритмичного финансирования армии под честное слово командующего частям и подразделениям местные хозяйства выделяли продукты питания без предоплаты, хотя в стране уже хозяйничали рыночные отношения²⁸⁴.

Особенно большие сложности испытывал округ в жилищном строительстве. Ситуация с финансированием в ПриВО была лучше в сравнении со многими другими округами. На территории округа было сразу несколько развитых в экономическом плане регионов. Но даже в таких условиях округ столкнулся с большими трудностями при переводе частей. Начиная с 1992 г. на терри-

тории ПриВО дополнительно размещались десятки соединений и частей, выводимых из стран ближнего и дальнего зарубежья. Многие из них впоследствии были расформированы. Это потребовало огромных усилий со стороны руководства округов, местных органов власти по обеспечению увольняемых по сокращению штатов в запас военнослужащих жильем, их материальному обеспечению и трудоустройству.

Темпы строительства в ПриВО были одними из самых высоких среди всех округов. В 1992 г. построили 1788 квартир, в 1993 г. 2779, в 1994 г. уже 6903. В критическом для армии с точки зрения финансирования 1995 г. жилищное строительство в ПриВО не было свернуто, как это сделали в некоторых других округах. Военным строителям приходилось идти на неординарные меры. В то время ПриВО был едва ли не единственным в ВС РФ округом, который выполнял все планы жилищного строительства. В 1996 г. количество построенного жилья здесь превысило число сданных квартир в Дальневосточном, Забайкальском, Сибирском и Уральском военных округах вместе взятых. И все это удавалось делать в тесной связке с руководством регионов. Фактически в кратчайшие сроки за несколько месяцев приходилось строить военные городки с нуля. Большой объем работ предстояло выполнить с приемом прибывающих из Западной группы войск 16-й и 90-й танковых дивизий, которые планировалось разместить в новых военных городках на территории Пермской области в г. Чайковский и в Самарской области в п. Роцинский. Местные власти помогали обустраивать эти новые населенные пункты. Иногда командующему удавалось договориться с губернаторами о выделении квартир из местных резервов²⁸⁵.

В такой ситуации заниматься политическими играми, конфликтовать с региональными элитами было непозволительной роскошью. Роль командующего в таких условиях была очень велика. Многие вопросы приходилось решать в условиях ручного управления. От личных качеств, управленческого таланта зависело выживание воинских частей. Требовался и особый дар убеждения при общении с самими военными в условиях резкого падения престижа армейской службы в глазах россиян. Подобная деятель-

ность Сергеева стала одним из фактором превращения ПриВО в один из лучших в стране на тот момент.

В 1990-е гг. в политике все же принимали участие некоторые военные, но в основном из числа отставных офицеров. Так, на федеральном и региональном уровне в этот период продолжил свою политическую карьеру А.М. Макашов. За поддержку ГКЧП он был снят со своей должности. Но к этому времени он был уже достаточно «раскрученным» политиком. В ноябре 1991 г. Макашов был избран в члены ЦК РКРП – Российской коммунистической рабочей партии. С этой поры он неизменно будет занимать руководящие посты в разнообразных коммунистических и патриотических организациях. В конце февраля - начале марта 1992 г. входил в состав организационного комитета по созыву Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Съезд прошел 17 марта 1992 г. в поселке Вороново близ Москвы, где малочисленная (около 200 человек) группа бывших депутатов призвала к возрождению Союза ССР, повторила тезис о своей приверженности идеям КПСС. Генерал высказывался почти по всем темам жизни страны, но в особенности посвящал много слов Вооруженным Силам²⁸⁶.

В октябре 1992 года Макашов вошел в оргкомитет Фронта национального спасения, вскоре запрещенный президентом Б.Ельциным. В 1993 г. был одним из организаторов обороны здания Верховного Совета РФ, руководил штурмом мэрии Москвы и телецентра. Был арестован, а в 1994 г. вышел на свободу, продолжив политическую деятельность. Был избран депутатом Государственной думы 2-го и 4-го созывов от Самарской области по Промышленному одномандатному избирательному округу №152²⁸⁷.

Одновременно с этим на рубеже 1990-2000-х гг. Самара начала терять статус одного из крупнейших военных центров страны. После объединения Приволжского и Уральского военных округов в 2001 г. центром стала не Самара, а Екатеринбург. Командующий ПриВО А.И. Сергеев попытался противодействовать и искал поддержку в Совете Безопасности РФ, у руководства Министерства обороны. Его доводы против объединения были на каком-то этапе признаны обоснованными. Против объединения попытался выступить и командующий УрВО генерал-полковник

А. И. Баранов. И он, и Сергеев заявили, что объединение на базе УрВО нецелесообразно ни с военной, ни с экономической, ни с геополитической точки зрения. Но инициатива генералов запоздала. Не исключено, что свою роль сыграли разные лоббистские возможности губернаторов Самарской и Свердловской областей и разное отношение к ним со стороны федерального центра. Самарская политическая элита не смогла совместно с военным руководством ПриВО объединенными усилиями убедить руководство Министерства обороны и Верховного главнокомандующего в нецелесообразности ликвидации округа²⁸⁸.

Это был серьезный удар по амбициям местной политической элиты. За исключением нескольких служб большая часть управленческого аппарата ликвидированного округа поэтапно переводилась в Екатеринбург. Это был один из шагов по ослаблению роли Самары в жизни страны, понижению её статуса.

Подводя итоги, отметим следующие факторы существования военной элиты Самарской (Куйбышевской) области. Военная элита занимала важнейшее место в региональных властных эшелонах, фактически военная элита была тесно интегрирована с элитой партийно-административной, ее активность, самостоятельность в период 1960-1980-х гг. была невелика. Важным организующим фактором являлось размещением в Самаре (Куйбышеве) руководства Приволжского военного округа. В 1990-е годы руководство военного округа решало непростую задачу размещения воинских контингентов, выводимых из стран социалистического лагеря. При этом возникала масса социальных проблем, прежде всего, наделение военнослужащих жильем. В данной непростой ситуации резко возросла роль командующего войсками округа. От личных качеств, управленческого таланта зависело выживание воинских частей в тяжелой экономической ситуации 1990-х гг. Военное руководство округа в целом успешно решало эти задачи, но в 2001 г. Приволжский военный округ был расформирован и влияние военной элиты в региональных процессах стало существенно ослабевать.

Примечания

- ²⁶² Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 359-441.
- ²⁶³ Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978. С. 8.
- ²⁶⁴ Там же. С. 187.
- ²⁶⁵ Герои Советского Союза. Т. 2. М., С. 224.
- ²⁶⁶ Краснознаменный Приволжский. Куйбышев, 1980. С. 353.
- ²⁶⁷ Там же. С. 421.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Несокрушимая и легендарная: В огне политических баталий 1985-1993 гг. М., 1994. С.4-6.
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Там же. С. 132-134
- ²⁷² Там же. С. 124.
- ²⁷³ Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ За Родину. 1991. 28 мая.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
- ²⁷⁸ За Родину. 1991. 21 августа.
- ²⁷⁹ Самарские известия. 1991. 30 августа.
- ²⁸⁰ Волжские новости. 1992. № 6.
- ²⁸¹ Волжская коммуна. 1992. 24 октября.
- ²⁸² Волжская заря. 1995. 23 февраля.
- ²⁸³ Военно-промышленный курьер. 2005. 9 ноября
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Волжская коммуна. 1992. 24 октября.
- ²⁸⁶ Кто есть кто в современном мире. 1993. 13 октября.
- ²⁸⁷ Энциклопедия Самарской области. Т.3. Самара, 2011. С. 274.
- ²⁸⁸ Самарское обозрение. 2001. 30 апреля.

РАЗДЕЛ VI. САМАРСКИЕ ЭЛИТЫ В 1990-е гг.

1990-е гг. прошли под знаком регионализации и децентрализации власти. Как и во всей стране, в Самарской области шел процесс перераспределения властных полномочий в пользу регионов. Федеральная власть была слишком слаба, чем воспользовались региональные элиты. Чем слабее была федеральная власть, тем больше усиливалась региональная. Все это позволило региональным элитам сконцентрировать в своих руках значительные политические и экономические ресурсы, тем самым значительно повысив свой статус. Региональные лидеры превратились в полноценных хозяев, которые в меньшей мере зависели от федерального центра и проводили самостоятельную политику. Политическая жизнь регионов все более активизировалась, а процессы взаимодействия внутри властных элит усложнялись. В условиях сложной социально-экономической ситуации в начале 1990-х гг. каждый региональный руководитель искать свой путь развития. Все это привело к многообразию региональных политических режимов, форм взаимодействия регионов и федерального центра.

Однако менялся не только статус региональных элит, но и их состав. Формирование новой региональной политической элиты происходило в результате взаимной интеграции новых и старых элитных слоев. Сразу после «августовской революции» ядро российской политической элиты составили представители, вышедшие из демократического движения. Однако их число было явно недостаточным, они не смогли самостоятельно взять на себя функции государственного управления. Н.Ю. Лапина пришла к выводу, что в процессе формирования российской государственности компромисс новой власти с номенклатурой был неизбежен²⁸⁹. Причем именно в составе региональной элиты число выходцев из номенклатуры было наибольшим. По данным О.В. Крыштановской, в начале 1990-х гг. 82,3% региональных руководителей были из числа старой номенклатуры. Среди бывших номенклатурных работников преобладали выходцы из советского (78,6% от общего числа выходцев из номенклатуры) и партийного

аппарата (17,8%)²⁹⁰. Да и многие представители демократического движения были выходцами из партийной, комсомольской, советской или хозяйственной номенклатуры.

Стоит признать, что процесс обновления региональной элиты начался еще в конце 1980-х гг. Тогда были сделаны первые шаги в этом направлении, а также созданы предпосылки для последующего обновления элит, которое произошло уже в 1990-е гг. Именно в те годы началось ослабление партийных структур, а роль Советов всех уровней значительно повысилась. Одновременно с этим начал обновляться состав Советов, в том числе шла глобальная смена их руководителей. Это тоже были представители партийной, комсомольской, хозяйственной номенклатуры, но не из высших звеньев, а из «второго эшелона» номенклатурных работников. Среди новых руководителей Советов было немало руководителей предприятий. Именно к этой категории можно отнести возглавившего Куйбышевский областной Совет В.А. Тархова, который до этого был руководителем Производственного объединения «Куйбышеворгсинтез».

Активно привлекались к руководящей работе комсомольские работники среднего звена. В 1990-1991 гг. начался мощный карьерный рост у ряда выходцев из комсомола, которые в 1990-е гг. стали ключевыми фигурами региональной политической элиты. Именно к этой категории можно отнести К.А. Титова, возглавившего Куйбышевский городской Совет. Он еще с конца 1960-х гг. активно занимался комсомольской работой. В 1969 г. был избран заместителем секретаря комитета ВЛКСМ Куйбышевского авиазавода. В 1970 г. К.А. Титов перешел на освобожденную комсомольскую работу заместителем заведующего отделом учащейся и студенческой молодежи Куйбышевского горкома ВЛКСМ и руководителем городского студенческого строительного отряда. В 1973 г. он занял должность секретаря комитета ВЛКСМ Куйбышевского планового института с перспективой дневной аспирантуры при этом же институте. Но настоящий рывок в карьерной лестнице он сделал в 1990 г. Будучи избранным в Куйбышевский городской Совет, К. А. Титов в условиях жесткой конкуренции избирается его председателем²⁹¹.

Тогда же сделал важный шаг в политической карьере и О.Н. Сысуев, возглавивший Красноглинский райсовет. Еще во время учебы в Куйбышевском авиационном институте он активно занимался комсомольской работой, был членом КПСС, став в 1985 г. заместителем секретаря парткома Куйбышевского авиаотряда. С 1986 г. по 1990 г. являлся освобожденным секретарем парткома. В начале 1990 г. О.Н. Сысуев стал 1-м секретарем Красноглинского районного комитета КПСС. В марте 1990 г. он был избран народным депутатом Красноглинского районного Совета г. Куйбышева, а затем на сессии райсовета избран его председателем и одновременно председателем исполкома. Он практически сразу заявил о себе. Показательный момент произошел после избрания его делегатом XXVIII съезда КПСС (2-13 июля 1990 г.). Московская делегация выдвинула его кандидатом на пост Генерального Секретаря ЦК КПСС как альтернативу кандидатуре М. Горбачева. Всего выдвигалось 8 кандидатур – М. Горбачев, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, В. Бакатин, О. Лобов, Н. Столяров, О. Сысуев и Т. Авалиани. Все, кроме Горбачева и Авалиани, в тот же день взяли самоотвод, после чего был избран М. Горбачев²⁹². Так имя молодого самарского политика впервые прозвучало на общесоюзном уровне.

Новые руководители Советов, будучи членами КПСС, избрали тактику независимости от руководства обкома партии. Многие из них стали приверженцами политики Б.Н. Ельцина, открыто выступив против путча ГКЧП. Изменился и характер их работы. В Советах появились фракции «коммунистов» и «демократов». От председателей Советов теперь требовалось умение находить компромиссы, быть публичными политиками.

Новая волна смены высшего руководства в регионах произошла в 1991 г. Инициатором такой смены выступал федеральный центр. После неудачи путча ГКЧП Б.Н. Ельцин начал менять прокоммунистически настроенных руководителей регионов. Около 70% председателей областных, краевых и республиканских Советов, выступивших в поддержку ГКЧП, были отстранены от занимаемых должностей²⁹³. В соответствии с Указом «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» от 22 августа 1991 г. в регионах создавались новые органы испол-

нительной власти – областные администрации. За главой администрации закреплялась вся исполнительная власть в регионе с очень большими полномочиями. Они становились основным центром власти в регионе²⁹⁴. Важнейшим фактором региональных элит в начале 1990-х гг. стал отказ от первоначальной идеи проведения выборы глав регионов уже в конце 1991 г. Выборы были отсрочены. Новые главы областных администраций были назначены президентом по согласованию с соответствующим Советом народных депутатов и были подотчетны Б.Н. Ельцину. Они могли быть освобождены от должности Президентом РСФСР по личной инициативе или по представлению соответствующего Совета народных депутатов²⁹⁵. Главным критерием при назначении была политическая лояльность руководителя федеральному центру и личная преданность президенту Б.Н. Ельцину. Этот факт отмечал и В.А. Тархов, занимавший в 1991 г. должность председателя Самарского облисполкома и областного Совета: «Надо вспомнить обстановку, которая была при Борисе Николаевиче. Набор руководителей тогда происходил исключительно по принципу личной преданности»²⁹⁶. Подобная система распространялась и на нижестоящие уровни. В отличие от советских времен, когда от номенклатурной элиты требовалась верность партии, в новых условиях верность «персонифицировалась», означая преданность вышестоящему лицу – президенту, губернатору, главе администрации²⁹⁷.

Затронул процесс смены руководителей регионов и Самарскую область. После событий августа 1991 г. Самарская область оказалась в «черном списке» регионов, руководители которых поддержали путч ГКЧП. Действия органов государственной власти Самары в три августовских дня 1991 г. во время существования ГКЧП напрямую связаны с личностями председателя Самарского городского Совета К.А.Титова и председателя Самарского облисполкома и областного Совета В.А.Тархова. Оба руководителя заняли выжидательные позиции, т.к. не было ясности, какая сторона победит в конфликте. Свою нейтральную позицию в дни ГКЧП В.А.Тархова обосновал в интервью «Самарской газете» под названием «Выводить из равновесия губернию я не дам»: «Мы

пришли к выводу, что в руководящих документах ГКЧП не содержится никаких конкретных указаний для нашей области... По оценке юристов и прокурора, деятельность ГКЧП закону не противоречит... Многие восприняли данную ситуацию как смещение президента СССР. Я тоже отчасти. Формальности, тем не менее, соблюдены. За исключением обсуждения в ВС СССР. Если он подтвердит полномочия ГКЧП, то и спорить будет не о чем... Пускай в Москве два Верховных Совета разбираются и демократическим путем находят выход из кризиса, а мы работать должны»²⁹⁸. В дни переворота сессия областного Совета так и не была созвана.

Но и сессию Самарского городского Совета созвали лишь во второй половине 21 августа, когда уже определился перелом в Москве. В первые дни августовских событий 1991 г. председатель городского Совета К.А. Титов занял относительно нейтральную позицию, сказался больным и ни на каких митингах не выступал. В сентябре 1991 г. депутат В.М. Семенов упрекал К.А. Титов, что он не созвал 19 августа внеочередную сессию городского Совета. К.А. Титов честно признался, что «19-го мы еще ничего не знали, кто одержит верх и как одержит верх»²⁹⁹. Лишь после окончательной ясности с победителем в противостоянии в Москве К.А. Титов 21 августа заявил, что считает создание ГКЧП неконституционным, а все решения этого органа незаконными. Однако после всех этих событий оценка деятельности двух руководителей со стороны руководства страны была различной. К.А. Титов был зачислен в герои, а к В.А. Тархову надолго было прилеплено клеймо «пособника ГКЧП». Итогом стал указ Б.Н. Ельцина от 21 августа 1991 г. об отстранении В.А. Тархова от исполнения обязанностей председателя облисполкома «за поддержку антиконституционной деятельности т.н. ГКЧП и невыполнение Указов президента РСФСР» и указ от 31 августа 1991 г. о назначении К.А. Титова главой администрации Самарской области³⁰⁰.

И здесь свою роль сыграли не только действия конкретных руководителей, но и то, как это было преподнесено в Москве лично Б.Н. Ельцину. Ключевую роль в принятии решения президентом сыграл В.А. Махарадзе. Именно этот человек получил информацию из Самары о действиях областного Совета во время авгу-

стовских событий. Он же лоббировал кандидатуру К.А. Титова на должность главы администрации. Бывший депутат Верховного Совета России Ю.А. Юдин вспоминал, что К.А. Титов «вошел в контакт с Махарадзе» через Союз российских городов, в котором К.А. Титов был в приятельских отношениях с мэром Волгограда Кирпичниковым, который, собственно, и «продвинул на 90% кандидатуру Титова» через отвечающего за кадровые вопросы в аппарате Б.Н.Ельцина В.А. Махарадзе, выходца из Волгоградского областного Совета³⁰¹. Сам К.А. Титов на сессии городского Совета признал: «Мне скрывать нечего. Рекомендовал Союз российских городов, ряд депутатов Верховного Совета России, рекомендовал комитет по местному самоуправлению»³⁰².

Назначение К.А. Титова главой областной администрации не всеми было воспринято положительно. В Самарском городском Совете произошел раскол. Многие депутаты из числа демократической группы высказали свои претензии к своему председателю на 6 внеочередной сессии городского Совета, которая прошла 12-13 сентября 1991 г. Депутатами ставился вопрос о нравственности процедуры назначения главы областной администрации в результате подковерной борьбы. Многие сомневались в наличии у К.А. Титова необходимого опыта хозяйственной работы. Подвергалась критике его позиция во время августовских событий³⁰³.

М.Н. Матвеев отмечал, что «два основных кадровых последствия ГКЧП в Самаре - отстранение от власти В.А. Тархова и назначение главой областной администрации К.А. Титова, высветили все слабые и сильные места региональной политической и экономической элиты. Титов не был влиятельной фигурой областного масштаба, его и в Самаре не все знали. Но это был политик новой формации, и он оказался самым разворотливым в аппаратном смысле слова. Он очень быстро ориентировался в конъюнктуре и обладал, в отличие от Тархова и многих других, отменным политическим чутьем. Пройдя в 1990 г. через безальтернативные выборы и став при поддержке коммунистов депутатом, а затем председателем городского Совета, Титов очень скоро записался в «рыночники», а затем и вовсе вышел из КПСС. За долгие годы губернаторства он не раз демонстрировал поразитель-

ную политическую живучесть. Доказав ее первый раз именно в августе 1991 г.»³⁰⁴.

Одна из самарских газет писала во время предвыборной кампании 2000 г.: «Весь смысл противостояния Титова и Тархова можно объяснить двумя словами: Титов – политик, Тархов – хозяйственник. Тархов никогда не был замечен в желании заниматься политикой, за что, собственно, и попал в свое время в опалу. Отставка бывшего до Титова главой области Виктора Тархова напрямую связана с его аполитичностью»³⁰⁵. Не все представители региональной элиты восприняли кадровые перестановки 1991 г. положительно. Последний председатель областного Совета О.Н. Анищик, сменивший на этом посту В.А. Тархова, писал: «Когда Тархова избрали председателем облисполкома, дело пошло. Так нет же, президенту не угодил. А когда нынешние господа пришли к власти, я имею в виду 91 год, когда снимали по всей стране таких руководителей, как Тархов, – вот тогда пошла разруха»³⁰⁶. Да и сам В.А. Тархов с обидой вспоминал, что «Титов – это человек, который волею судьбы оказался на самом верху губернского руководства. Как я сейчас понимаю, не имея на тот период совершенно никаких навыков управления. Наверное, для такого внезапного взлета нужен был своего рода талант... Константин Алексеевич – человек, которому просто необходима власть. Не для того, чтобы что-то сделать, просто, чтобы была. А мне нужно работать для губернии, не проживу я без родины»³⁰⁷.

Став главой региона, К.А. Титов начал формировать свою команду. Если рассмотреть состав ключевых фигур губернаторской команды на уровне заместителей главы областной администрации (позднее вице-губернаторов), то можно отметить различие этих людей по профессиональной деятельности, образованию, социальному происхождению. Но их объединяли общие связи с губернатором на предыдущих этапах своей работы. К.А. Титов старался подбирать тех людей, в которых он был уверен, уверен как в их лояльности, так и профессиональных качествах.

Значительная часть руководящего состава областной администрации была из состава партийной, комсомольской, хозяйственной и советской номенклатуры. Ю.М. Логойдо был директором

Волгоградского, а затем Куйбышевского судоремонтного завода, главным инженером пароходства «Волгатанкер». С 1981 г. – на партийной работе. Работал управляющим делами сначала обкома КПСС, а затем – облисполкома. А.А. Латкин был Директором завода ЖБИ-5, избирался депутатом городского Совета. А.И. Родионов с 1958 г. долгое время работал в тресте «Строймеханизация №1», в 1971 г. став секретарем парткома этого предприятия. В дальнейшем начался путь советского функционера. Он проработал на многих должностях в системе Советов, шаг за шагом поднимаясь по карьерной лестнице. Работал в должности заместителя председателя Кировского райисполкома, председателя Промышленного райисполкома, заместителя, а затем председателя Куйбышевского горисполкома. В 1990 г. стал заместителем председателя облисполкома. В.С. Мокрый также активно работал на комсомольской и партийной работе. Был секретарем Советского райкома ВЛКСМ, заведующим промышленно-транспортным отделом райкома КПСС, инструктором Куйбышевского обкома КПСС, депутатом райсовета. С 1990 по 1991 г. заведовал сектором организационной и кадровой работы Куйбышевского горисполкома³⁰⁸. Это были люди, которых К.А. Титов давно знал по своей комсомольской и партийной работе, с которыми работал на предыдущих должностях, в том числе в качестве председателя Самарского городского Совета.

Однако команда губернатора не ограничивалась лишь выходцами из номенклатурной среды. Существовали и иные пути рекрутирования в систему областных исполнительных органов. Новым было включение в состав руководителей органов исполнительной власти большого числа преподавателей вузов, прежде всего гуманитариев. И в этом было отличие региональной элиты 1990-х гг. в сравнении с советским периодом. Советская элита была в значительной степени технократической. Среди элиты было много людей с инженерным или сельскохозяйственным образованием. Было также много людей, закончивших партийные учебные заведения. А для 1990-х гг. характерен рост гуманитариев среди различных групп элит, в том числе и региональной. Среди них особенно много было экономистов, что было вполне логич-

но, т.к. сам К.А. Титов еще с 1970-х гг. проводил научные исследования по проблемам экономической эффективности основных средств, капитальных вложений и новой техники.

Ключевой фигурой из числа бывших вузовских преподавателей экономических дисциплин был Г.Р. Хасаев. После окончания института он сразу же поступил в аспирантуру и начал работать над диссертацией. Затем работал преподавателем, старшим преподавателем, доцентом. В 1984 г. был избран заведующим кафедрой планирования народного хозяйства Куйбышевского планового института. В начале 1990-х гг. Г.Р. Хасаева пригласили в Куйбышевский горисполком на должность заместителя председателя – председателя городской плановой комиссии. С 1991 г. он работал первым заместителем главы администрации Самарской области, возглавляя финансово-экономический блок. Имел экономическое образование и В.Г. Мамигонов. В свое время он занимал должность заведующего кафедрой экономической теории Куйбышевского архитектурно-строительного института. С 1992 г. перешел на государственную службу, став заместителем главы администрации Самарской области, председателем комитета по управлению госимуществом области. С 1995 г. одновременно председатель комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку при администрации Самарской области. В 1994 г. пост заместителя главы областной администрации получил еще один выходец из преподавательской среды А.П. Жабин. С 1972 г. он занимался преподавательской деятельностью в Куйбышевском плановом институте, став кандидатом юридических наук. Занимал должности заведующего кафедрой, проректора по научной работе. В 1991 г. защитил докторскую диссертацию по экономике, в 1992 г. получил звание профессора. В период с 1994 по 1999 г. А.П. Жабин работал заместителем главы областной администрации по социальным вопросам. К числу бывших преподавателей относился и Ю.М. Бородулин. Он имел историческое образование, занимался преподавательской деятельностью в Куйбышевском политехническом институте. Но уже в конце 1980-х гг. активно пошел в политику, став одним из лидеров демократического движения в регионе. С 1992 г. был заместителем главы областной администрации³⁰⁹.

Многие из них также были давно знакомы с губернатором, особенно по совместной работе в Куйбышевском плановом институте. Например, А.П. Жабин занимал в свое время должность проректора по научной работе Куйбышевского планового института, фактически являясь начальником К.А. Титова, который на тот момент был руководителем научно-исследовательской лаборатории при институте.

За К.А. Титовым крепко закрепился образ руководителя-интеллектуала. В своей деятельности он старался активно опираться на представителей интеллектуальной элиты. Часть из них он пригласил в свою команду на постоянную основу. Некоторые ученые привлекались на временной основе в качестве экспертов, особенно в законотворческой деятельности. Например, разработкой Устава Самарской области под руководством А.П. Жабина занимались не только представители Самарской Губернской Думы и Администрации Самарской области, но и команда ученых-юристов из Самарского государственного университета, в том числе В.В. Полянский и И.Т. Беспалый. Да и в дальнейшем они активно привлекались при разработке новых областных законов. К.А. Титов старался создать наиболее эффективную модель регионального развития, опираясь на предшествующий опыт земства. В этих условиях он часто консультировался с представителями научной и творческой интеллигенции регионального и федерального масштаба, которые также были увлечены идеей земства. Он активно работал с видными деятелями «Самарского земского движения» П.С. Кабытовым, А.Н. Завальным, А.Ф. Китаевым.

На Всероссийском совещании по реформе местного самоуправления он встречался с А.И. Солженицыным и пригласил его приехать в Самару для обсуждения проблем местного самоуправления. Было принято решение провести в Самаре научно-практическую конференцию по истории земства в России, в работе которой и принял участие один из активнейших проводников воссоздания земских традиций и российского земства А.И. Солженицын. Такая практика приглашения видных представителей интеллигенции стала в 1990-е гг. очень распространенной. Самара стала одним из центров культурного развития, где проводились

многочисленные мероприятия с приглашением известных людей федерального масштаба. К.А. Титов старался быть открытым политиком, поэтому очень любил общаться с региональными и федеральными журналистами.

Положение губернаторов изменилось после их избрания в середине 1990-х гг. Появилась процедура демократической смены власти в регионах. Так, из 52 регионов, в которых прошли выборы в 1996-1997 гг., руководители были переизбраны в 27. Одновременно, менялся статус тех глав, которые были переизбраны. Теперь они превращались из назначенцев, обязанных своей властью президенту, в публичных политиков, получивших мандат власти от народа. Губернаторы теперь превращались в политически самостоятельные фигуры. Начала постепенно меняться и их политика по подбору команды. Однако эти изменения происходили постепенно. После переизбрания большинство губернаторов не производило кардинальных перестановок в своей команде, лишь частично обновляя управленческие кадры.

Стоит отметить, что К.А. Титов доверял своему ближайшему окружению. Причем постепенно характер взаимоотношений руководителя области со своими подчиненными стал меняться. Губернатор начал все больше делегировать им полномочия. К.А. Титов все чаще стал проводить время в Москве. Теперь он старался сосредоточиться на вопросах стратегического порядка, доверяя оперативное руководство регионом своему ближайшему окружению. Получалась довольно эффективная управленческая система. Если среди руководителей областной администрации и случались конфликты, то не против К.А. Титова, а между конкретными представителями за близость к губернатору. Однако губернатор, предоставив больше самостоятельности своим заместителям к концу 1990-х гг., все же опасался некоторых своих подчиненных, видел в них потенциальных конкурентов. Поэтому наиболее влиятельных сторонников старался отдалить. Причем это происходило не в ходе открытого конфликта, а в результате закулисной борьбы. Все это завершалось не публичной поркой с увольнением с занимаемой должности, а по более витиеватым схемам. Особенно показательна судьба В.С. Мокрого, которого в конце 1990-х гг.

в рейтинге влиятельности областных политиков ставили на второе место³¹⁰. В свое время К.А. Титов ему очень доверял, поручая одни из наиболее важных заданий. В.С. Мокрый был руководителем аппарата главы администрации, который координировал организационно-правовую работу областной администрации по всем направлениям политического и социально-экономического развития. Обеспечивал взаимодействие между органами законодательной и исполнительной власти, а также между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Тем самым он фактически был «серым кардиналом», в руках которого были огромные властные полномочия. Однако к концу 1990-х гг. отношения с губернатором чуть охладели. Опасаясь роста его влияния и все возрастающих политических амбиций, К.А. Титов рекомендовал его кандидатуру в депутаты Государственной Думы. Став депутатом в результате выборов 1999 г., он занял серьезный пост, возглавив комитет по местному самоуправлению. Тем самым он шел на повышение, но одновременно терял рычаги влияния на управленческие процессы в области.

Были и другие изменения в команде. Еще в 1994 г. покинул свой пост Ю.М. Бородулин, перейдя на должность полномочного представителя Президента РФ в Самарской области. В 1999 г. покинул областную администрацию и А.П. Жабин, вернувшись в родной университет в качестве ректора. В конце 1990-х гг. активно ходили разговоры о возможной отставке Ю.М. Логойдо, который занимал тогда должность председателя Правительства Самарской области. Эти слухи нашли свое подтверждение лишь в 2000 году. Однако в команде К.А. Титова было довольно много долгожителей, которые сохранили свои посты на протяжении всего его правления, вплоть до 2007 г., а некоторые из них сохранили свои посты и далее. Одним из главных долгожителей был Г.Р. Хасаев, который проработал в областной администрации и правительстве области 20 лет. В этом было отличие положения исполнительных органов Самарской области от федерального центра, где в 1990-е гг. наблюдалась «министерская чехарда». Местные министры работали в более спокойной обстановке. Именно это позволяло на губернском уровне проводить активную рефор-

маторскую деятельность. Министры работали в условиях практически неисчерпаемого кредита доверия со стороны губернатора и отсутствия жесткого противостояния с законодательной властью.

К.А. Титов считался сторонником рыночных реформ. Он старался в свою команду подбирать людей, готовых проводить реформаторскую деятельность в своей сфере деятельности, которые не боялись нововведений. За счет этого Самарская область в 1990-е гг. по многим направлениям была передовым регионом. Областные власти старались быть пионерами в проведении тех или иных реформ. Часть успешных нововведений затем применяли уже на федеральном уровне. Но этот путь имел и свои недостатки. Не имея большого опыта реформирования, именно Самарская область одной из первых сталкивалась с негативными последствиями тех или иных нововведений.

Передовые позиции занимали специалисты экономического блока областной администрации. В области были одни из самых высоких темпов приватизации. Она занимала одно из ведущих мест по привлечению иностранного капитала. Если ряд региональных руководителей крайне настороженно относился к передаче важнейших предприятий в руки иностранных компаний, то К.А. Титов активно этому способствовал. Много нововведений было в системе образования, которые проводил министр образования и науки Е.Коган. Серьезные изменения затронули сельское хозяйство. Шла поддержка фермеров. Губернатор часто посещал другие страны и старался перенять зарубежный опыт. К.А. Титов много говорил о внедрении ресурсосберегающих технологий. Однако не все нововведения оказались успешными. Наиболее знаковые проекты, куда было вложены деньги из областного бюджета (кукурузокалибровочный завод, тимашевский сахарный завод, молочная ферма в Новокуровке), оказались провальными. Более того, преобразования касались малой части аграрных хозяйств, а остальные предприятия почти не получали должной поддержки от областных властей. Ряд амбициозных проектов в области строительства был связан с руководителем областного департамента архитектуры и строительства А.А. Латкиным. В его активе строительство онкологического центра, домов ветеранов, приспособ-

бленных для полноценной жизни людей, дорог, построенных по новым технологиям, образовательных центров в сельских районах. Он одним из первых заговорил о внедрении ипотеки, причем именно областные власти стали одним из инициаторов принятия федерального законодательства в этой сфере. Он одним из первых высказывал в 1990-е гг. предложения о необходимости передачи жилищно-коммунального хозяйства в частные руки и т.д.

Приход нового лидера был главным фактором смены элит в регионе. Именно этим объясняется относительно стабильный состав политической элиты на областном уровне, т.к. К.А. Титов относился к числу губернаторов-старожилов. А вот на уровне некоторых муниципалитетов состав команд менялся значительно чаще. Именно выборы позволяли серьезно менять состав исполнительной и представительной власти муниципалитетов. Особенно четко этот процесс прослеживался в крупных городах области, где за постсоветский период сменилось сразу несколько руководителей, что влекло за собой значительные изменения в руководстве администраций. В этом отношении показательна судьба Самары после ухода О.Н. Сысуева.

Однако были и муниципалитеты со стабильной системой управления, когда руководители не менялись весь постсоветский период. Например, можно отметить главу администрации Хворостянского района В.А. Махова, который бессменно возглавляет район с советских времен, еще в 1981 г. став председателем Хворостянского районного Совета народных депутатов.

В 1991 г. ликвидировались горисполкомы и райисполкомы, а вместо них создавались городские и районные администрации, главы которых назначались губернатором. Однако первоначально радикальной смены элиты в городах и районах практически не произошло. Многие назначенные главы администраций занимали до этого посты председателей горисполкомов и райисполкомов, например, С.Г. Балахонов (Жигулевск), Н.М. Евграшин (Октябрьск), В.М. Филипенко (Похвистнево), В.П. Тарасов (Кинель), С.А. Лапшов (Безенчукский район), В.И. Бугров (Большеглушицкий район), В.В. Беленин (Большечерниговский район), А.М. Вирясов (Богатовский район), А.А. Веревкин (Борский район),

В.В. Потякин (Иса克林ский район), В.М. Богданов (Кинельский район), В.М. Гараев (Кинель-Черкасский район), И.Н. Соловьев (Клявлинский район), В.Н. Свечников (Красноярский район), А.А. Анисимов (Нефтегорский район), В.И. Трубаков (Сергиевский район), А.В. Румянцев (Ставропольский район), А.Н. Бахаев (Шигонский район). Глава администрации Кошкинского района А.И. Травин занимал ранее должность председателя райсовета. Л.М. Колпаков (Похвистневский район), А.В. Легостаев (Приволжский район), В.Н. Подобулин (Сызранский район), В.А. Махов (Хворостянский район), И.М. Евдокимов (Челно-Вершинский район) совмещали должности председателей райсоветов и первых секретарей райкомов партии³¹¹.

К.А. Титову удалось выстроить довольно эффективную систему взаимоотношений с главами муниципалитетов. Каких-то серьезных конфликтов с ними почти не было. Серьезные противоречия были лишь с руководителями Самары. О.Н. Сысуев был назначен главой администрации (мэром) г. Самары 11 января 1992 г. Указом Президента РФ. Назначение произошло при содействии представителя Президента в Самарской области А. Федорова, бывшего 1-го секретаря Красноглинского райкома ВЛКСМ, которого О.Н. Сысуев весной 1990 г. активно поддерживал во время выборов народных депутатов РСФСР. Это назначение прошло вопреки желаниям главы Самарской областной администрации К.А. Титова, трения с которым у О.Н. Сысуева начались еще в 1990 г., когда Титов был председателем городского Совета. О.Н. Сысуев проводил самостоятельную политику. В некоторые моменты он мог поддерживать губернатора, но бывали случаи, когда он занимал нейтральную позицию или даже вступал в открытое противостояние с губернской властью. О.Н. Сысуев участвовал в учредительном съезде областного Объединения поддержки реформ (ОПР), созданного по инициативе губернатора. Основной целью создания ОПР было продвижение губернатора и его сторонников в Федеральное Собрание на выборах 12 декабря 1993 г. и избрание лояльных к «партии власти» местных представительных органов. О.Н. Сысуев был включен в состав Совета ОПР, но активного участия в нем не принимал. А уже весной 1994 г. по инициативе мэра

в Самаре было создано объединение избирателей «Город» - аналог ОПР Титова, но на городском уровне и под контролем городской, а не областной «партии власти». В объединение «Город» Сысуев привлек самарскую культурную и экономическую элиту: ректоров авиационного и медицинского институтов, гуманитарной академии, заведующих кафедрами этих вузов, редакторов газет, телевидения, часть предпринимателей и руководителей предприятий - в том числе ранее участвовавших в ОПР³¹².

О.Н. Сысуев был харизматичным и популярным у населения политиком, который не боялся идти на выборы, дважды выиграв мэрские кампании. 5 июня 1994 г. он победил на выборах главы администрации Самары, набрав в первом туре более 72% голосов. Помимо объединения «Город» он был поддержан на выборах как «Выбором России», так и местной организацией КПРФ. Губернатор Титов также в этот раз официально высказался за избрание Сысуева. 1 сентября 1996 г. он вновь был переизбран мэром Самары, получив 73,20% голосов избирателей. Как и в 1994 г. был поддержан и демократами (городской организацией партии ДВР), и КПРФ. Областная администрация на этот раз поддерживала основного соперника Сысуева - А.Н. Белоусова, за которого высказался губернатор. После этого О.Н. Сысуев и городская администрация Самары в кампании по выборам губернатора Самарской области не поддерживала ни К.А. Титова, ни его основного соперника-коммуниста, депутата Государственной Думы В.С. Романова³¹³.

Уже на должности мэра О.Н. Сысуев довольно громко заявил о себе на общероссийском уровне. В 1995 г. он был избран сопредседателем Союза российских городов и был включен в состав Совета по местному самоуправлению при Президенте РФ, созданного в августе 1995 г. С 1996 г. был руководителем российской делегации и постоянным представителем Российской Федерации в Конгрессе местных и региональных властей Совета Европы³¹⁴.

Для О.Н. Сысуева был характерен демократичный стиль руководства. Он поддерживал дружеские отношения со многими своими подчиненными. О.Н. Сысуев не был сторонником резких кадровых перестановок. Именно поэтому часть руководителей

советского периода сохранили свои посты, если устраивали мэра с профессиональной точки зрения. Неслучайно, что большинство глав районных администраций Самары имели опыт руководящей работы в своем районе еще с советских времен. Главы Железнодорожного района А.И. Матвеев, Ленинского района А.Н. Белоусов, Октябрьского района В.М. Урусов, Промышленного района Т.К. Лосева, Самарского района В.Н. Довбыш в советские времена занимали должности председателей райсоветов. Главы Кировского района Г.Е. Нечаев и Советского района Ю.В. Жирнягин ранее занимали должности председателей райисполкома. А глава Куйбышевского района А.В. Авраменко в советские времена был 1-м секретарем райкома³¹⁵. Однако не всегда удавалось поддерживать такую сплоченность внутри команды мэра города. Так, в 1996 г. один из его приближенных А.Н. Белоусов, поддержанный губернатором К.А. Титовым, начал открытую кампанию против мэра, выдвинув свою кандидатуру на выборах 1996 г. О.Н. Сысуев выборы выиграл, а А.Н. Белоусов покинул должность главы Ленинского района.

Значительно изменился состав политической элиты Самары после выборов 1997 г., когда довольно неожиданную победу одержал Г.С. Лиманский. Сменив О.Н. Сысуева, он не имел своей команды. Не имея опыта работы в структурах исполнительной власти, Г.С. Лиманский вынужден был искать кадры в самых разных социальных группах, многие из которых ранее не работали чиновниками. Особенностью его команды было активное привлечение людей с военным прошлым. Вошли в команду и ряд лиц из избирательного штаба. Сам Г.С. Лиманский так характеризовал подход к формированию команды: «Те люди, которые были в моём штабе, те, которые шли со мной - те же заводчане, я тоже брал их на различные должности. Игорь Станкевич, герой России, с которым я познакомился в Чечне, приехал, присоединился к нам. Командующий ПриВО, генерал-полковник Анатолий Ипатьевич Сергеев, рекомендовал мне офицеров через отдел кадров армии. Достойных людей, которые отвечали за жизни людей, руководили структурами. Сегодня иногда смотришь газеты, там критикуют, не зная, что глава бывший Октябрьского района Константин Фомен-

ко, он был руководителем спецгруппы. Освободил очень многих из плена. Я знал биографии всех этих ребят. Но, подчеркиваю, что все эти люди пришли через рекомендацию штаба ПриВО и лично командующего»³¹⁶. Наиболее успешную карьеру из всех бывших военных в городской администрации сделал В.Н. Троян, который через несколько лет работы стал главным идеологом политики, проводимой командой главы города. С 1997 г. он работал заместителем начальника, а затем начальником контрольного управления администрации города Самара. А уже во время второго мэрского срока Г.С. Лиманского он занял должность первого заместителя главы городской администрации.

После выборов 1997 г. большинство представителей старой команды покинуло городскую и районные администрации. Из 10 заместителей главы города свое кресло сохранил лишь один, из 9 руководителей районов 8 лишились своих постов³¹⁷. Причины были различные. Кто-то по собственной инициативе ушел со своей должности, другие не сработались с новой командой и лично мэром. Однако это коснулось наиболее знаковых постов, на низовом и среднем уровне большинство работников сохранили свои должности. Г.С. Лиманский даже специально ездил к О.Н. Сысуеву, советовался по кандидатурам различным чиновникам из прежней команды. Он вспоминал: «Среднее звено, начальники управлений, заместители глав администраций районов и некоторые главы районов - продолжили работу. Также как и некоторые заместители главы города Ушамирский, Василенко, Григоров. Волчкова Алла Александровна осталась, хотя она работала против меня с флажками ходила и так далее. Чертухина осталась на здравоохранении и так далее. То есть фактически остались те профессионалы, которые были необходимы городу. Я не тот человек «против, значит уходите», нет! Кадровая база осталась предыдущей. Считаю, что так надо делать всем главам городов»³¹⁸.

В Тольятти в 1990-е гг. также сменилось несколько руководителей, но при этом наблюдалась определенная преемственность, т.к. все руководители города занимали важные посты в системе городской власти еще с советских времен. Хотя Б.М. Микель, который занимал в советские времена должность председателя гори-

сполкома, был назначен главой администрации, но в июле 1992 г. ушел в отставку. Это последовало сразу же за отставкой И.Г. Антонова, занимавшего с 1990 г. пост секретаря горкома КПСС и избранного председателем Тольяттинского городского Совета. Однако весной 1992 г. он ушел в отставку, мотивируя свой шаг «утратой советами реальных полномочий». Т.е. арену покинули 2 наиболее знаковых человека в городе. Однако после этих отставок им на смену пришло ближайшее окружение. В июле 1992 г. новым главой администрации Тольятти стал Н.Д. Уткин, который еще с 1989 г. занимал должность 1-го заместителя горисполкома. Однако должность свою занимал относительно короткий срок. В 1994 г. и 1996 г. дважды участвовал в выборах мэра, но в обоих случаях занял 2-е место. Несмотря на это, выигравший выборы С.Ф. Жилкин счел целесообразным оставить своего основного соперника в своей команде, назначив его на должность 1-го заместителя главы администрации. Сам С.Ф. Жилкин тоже не был новым человеком в системе городской власти. В 1990 г. он был избран председателем Автозаводского райсовета, а в 1991 г. назначен главой администрации этого района³¹⁹. Третьим по значимости человеком в системе городской власти был А.А. Степанов, избранный председателем Центрального райсовета г. Тольятти, а в 1991-1996 гг. занимавший должность главы администрации района. Он дважды участвовал в выборах мэра и занимал в обоих случаях 3-е место. Если после первых выборов он сохранил свой пост, то после выборов 1996 г. С.Ф. Жилкин освободил его от должности главы района.

Одним из основных каналов формирования региональной политической элиты является получение статуса депутата местного законодательного (представительного) органа. Поэтому серьезные изменения в составе региональной элиты произошли в результате демонтажа системы Советов. Смена депутатского корпуса произошла в 1994 г., когда прошли выборы в Самарскую Губернскую Думу и муниципальные представительные органы. Деятельность Самарской Губернской Думы отличалась от работы областного Совета народных депутатов. Численность депутатов значительно сокращалась, тем самым повышался статус депутатского мандата. Менялся и характер работы. Дума стала законо-

дательным органом, что требовало хорошей юридической подготовки. Однако первоначально среди 25 депутатов был лишь один человек с юридическим образованием.

28 июня 1994 г. состоялось первое заседание Самарской Губернской Думы. Были избраны председатель Самарской Губернской Думы Л.И. Ковальский и его заместитель В.И. Явон, образованы комитеты Думы. На последующих заседаниях заместителями председателя Думы были избраны депутаты Г.С. Лиманский и А.Н. Иванов. Л.И. Ковальский долгие годы возглавлял Производственное объединение «Главкуйбышевводстрой»³²⁰. Он имел определенный опыт депутатской работы, т.к. в 1990 г. был избран депутатом областного Совета. Л.И. Ковальский был обязан своим постом лично К.А. Титову, находясь в значительной зависимости от него. Это не была самостоятельная политическая фигура. Не обладая серьезными политическими амбициями, он полностью устраивал К.А. Титова.

7 декабря 1997 г. во всех 25 избирательных округах состоялись выборы депутатов в Самарскую Губернскую Думу второго созыва. Председателем Самарской Губернской Думы вновь был избран Л.И. Ковальский. Заместителями председателя избраны Н.Д. Уткин и Л.И. Дурова³²¹. 9 депутатов вновь были переизбраны. Состав депутатов первого и второго созыва Самарской Губернской Думы несколько отличался. Среди депутатов второго созыва стало больше представителей администраций городов и районов области. Их численность возросла с 4 до 7. Мотив участия большинства представителей исполнительных органов заключался в лоббировании интересов своих муниципалитетов при принятии бюджета области и участие в перераспределении бюджетных средств. Депутатами второго созыва стали: Г.С. Лиманский – глава города Самары; Н.Д. Уткин – заместитель мэра города Тольятти; С.Г. Балахонов – мэр города Жигулевска; В.Г. Янин – глава города Сызрани; А.П. Нефедов – глава города Новокуйбышевска; А.И. Роккель – глава администрации города Отрадного; В.В. Потякин – глава администрации Исакинского района³²². Кроме того, ряд депутатов имели опыт работы в администрациях. А.Н. Белоусов ранее возглавлял администрацию Ленинского района города Са-

мары, а Л.И. Дурова долгие годы до своего избрания работала заместителем главы Советского района Самары.

А вот количество руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий, представителей коммерческих структур сократилось с 16 до 9³²³. Однако изменился подход бизнес-элиты к областному парламенту. Ряд финансово-промышленных групп постарался провести целую группу своих депутатов, которые могли уже значительно активнее лоббировать свои интересы. Это были только первые шаги на этом пути. Финансово-промышленные группы еще в открытую не противостояли губернатору, но он с ними должен был уже считаться. М.Н. Афанасьев отмечал, что «в своем нынешнем виде региональные парламенты являются местом встречи власти и крупного капитала, где оформляется их корпоративная уния. Благодаря институту парламентского совместительства, промышленники и предприниматели, в т.ч. крупнейшие местные магнаты, получают мандаты законодателей. Это идеальный порядок для формирования частных клиентов и олигархических группировок, приватизирующих prerogatives публичной власти»³²⁴.

Высшее образование имели 24 депутата второго созыва, среди них 3 кандидата наук. По возрасту депутаты распределились следующим образом: 4 депутата - от 30 до 40 лет; 16 депутатов - от 40 до 50 лет; 4 депутата - от 50 до 60 лет; 1 депутат - старше 60 лет³²⁵.

В 1990-е гг. законодательные органы в регионах были зависимы от губернаторов. Самарская область не была исключением. Традиционно Самарскую Губернскую Думу называли «карманной». Хотя председатель Думы Л.И. Ковальский, по крайней мере, публично пытался показать самостоятельность Думы и равноправные отношения с исполнительной властью. Он отмечал: «Дума не будет являться придатком администрации или областного правительства. Мы будем уважительно относиться к исполнительной власти, и требовать уважения к Думе. Функции у нас четко разграничены, и нет общего пространства, где бы мы мешали друг другу. Это, по-моему, и называется партнерским равенством»³²⁶.

Однако оппозиция в Думе была малочисленной. Депутатов от оппозиционных партий было совсем мало. Политические партии

довольно слабо участвовали избирательных кампаниях, поэтому Самарская Губернская Дума была довольно аполитичной. В первом созыве Думы среди представителей оппозиции можно выделить лишь депутата-коммуниста В.С. Грома. Во втором созыве оппонентами губернатора были В.В. Козленков, Н.П. Малахов, Н.А. Боброва.

Важнейшим документом, принятым первым созывом Думы, был Устав Самарской области. Работа над ним продолжалась полтора года и закончилась принятием документа 21 декабря 1995 г. и его вступлением в силу 5 января 1996 г. Над Уставом работала совместная законотворческая комиссия, в которую наряду с депутатами Самарской Губернской Думы и работниками Администрации области входили представители органов местного самоуправления, ученые-правоведы, представители политических партий и движений³²⁷.

Депутат Н.А. Боброва вспоминала: «Самым главным стал вопрос о взаимоотношении двух ветвей власти, законодательной и исполнительной. Каждая ветвь была объективно заинтересована в том, чтобы отразить в Уставе, прежде всего, свои полномочия. Обсуждался вопрос, как формируется администрация – единолично губернатором или все же чиновники назначаются с согласия Думы... У нас администрация насмерть стояла за то, что вся полнота власти сосредотачивается в руках губернатора: кого он захочет, того и назначит, кого захочет, того и снимет... Исполнительная власть победила»³²⁸.

Еще большая зависимость от исполнительной власти была у городских и районных представительных органов. Анализ состава представительных органов показывает, что большинство из них были, как правило, сторонниками глав администраций и сотрудниками территориальных органов исполнительной власти различного уровня, а также представителями бюджетных организаций и предприятий, находящимся в зависимости от областной администрации.

Даже в Самарской городской думе большинство депутатов занимали лояльную позицию по отношению к мэру. Однако в 1996 г. образовалась оппозиционная депутатская группа «Наш

город». В нее вошли О.Борисов, В.Кириллов, С.Тереньтев, А.Демина и П.Петров. На пресс-конференции, посвященной созданию фракции, депутаты отметили, что в городской думе зачастую не желают выслушивать альтернативные мнения при решении тех или иных проблем, а от коллектива, пускай и небольшого, отмахнуться будет трудно. Фракция не ставила своей целью бороться с исполнительной властью, а выступала за создание атмосферы конструктивного диалога, поскольку при отсутствии альтернативы начинается застой. Однако депутаты постепенно проникались лояльностью к мэру. В результате в оппозиции остались только А. Демина и П. Петров. Но и при новом мэре Г.С. Лиманском оппозиция сохранилась. Депутаты Думы второго созыва А. Демина и П. Петров считали, что команда Г.С. Лиманского, состоящая в основном «из танкистов и связистов», препятствует развитию малого и среднего бизнеса, раздувает штаты и пр. Они заявили о создании инициативной группы по сбору подписей для выражения недоверия главе города³²⁹.

Особое положение занимала Тольяттинская городская дума, где было много представителей крупного бизнеса. Мэр в таких условиях был не столь самостоятелен, и должен был учитывать интересы крупных компаний, прежде всего АвтоВАЗа. А в большинстве малых городах и сельских районах представительные органы полностью зависели от главы администрации.

Стоит отметить, что именно избрание депутатов было одним из самых быстрых способов вертикальной мобильности в системе элит. Группа депутатов была одной из наиболее молодых по возрасту. В этом отношении показательны выборы в Государственную Думу 1993 г., когда от области было избрано сразу 2 молодых депутата. Одним из них был М.З. Фейгин. На момент избрания ему было лишь 22 года, он стал самым молодым депутатом Государственной Думы. Причем его политическая карьера складывалась стремительно, а избрание депутатом стало довольно неожиданным. В 1989 г. он вступил в Демократический союз, где оставался до 1991 г. С 1992 г. был сопредседателем Самарской областной организации «Демократическая Россия». В 1993 г. перед выборами в Государственную Думу первого созыва возглавил в Самарской

области отделение избирательного блока «Выбор России» и был вторым в региональном списке на выборах. Первоначально в число депутатов М.З. Фейгин не вошел. Однако после отказа А.Ю. Федорова, возглавлявшего региональный список блока, М.З. Фейгин стал депутатом. После окончания депутатских полномочий с 1997 по 2007 г. он был заместителем главы администрации города Самары Г.С. Лиманского. Другим молодым депутатом, избранным в 1993 г., был А.И. Леушкин. Ему на момент избрания было 26 лет. Он также сделал довольно быструю политическую карьеру, став одним из лидеров демократического движения в области. В 1991 г. он был избран председателем Самарского областного отделения Демократической партии России (ДПР). Одновременно принимал участие в деятельности других организаций демократической направленности. Он был сопредседателем Самарского отделения Движения «Демократическая Россия», одним из организаторов «Гражданского союза» в Самаре. В конце 1990-х гг. он сосредоточился в большей степени на экономической деятельности став одним из наиболее известных и влиятельных бизнесменов города³³⁰.

Да и в целом характерной тенденцией 1990-х гг. было омоложение правящего слоя. Особенно это касалось глав региональных администраций. Материалы, собранным сектором изучения элиты Института социологии РАН, показывают, что средний возраст глав регионов брежневской когорты составлял 59 лет, горбачевской когорты – 52 года, ельцинской когорты – 49 лет³³¹. Этот процесс был характерен и для всей региональной элиты Самарской области. В конце 1990-х гг. был проведен анализ биографических данных высшего эшелона региональной политической элиты (губернатор, его заместители, главы городских и районных администраций, депутаты Самарской Губернской Думы). В ходе исследования выяснилось, что основная часть политической элиты Самарской области была представлена двумя возрастными группами: 40-49 лет (59,77%) и 50-59 лет (26,3%). Самой «молодой» была группа депутатов. В ней было относительно немного лиц в возрасте старше 50 лет (24%) и больше, чем в других группах, процент политиков моложе 40 лет (16%)³³².

Проще всего достигнуть вертикального взлета можно было посредством выборов депутатов различных уровней, что делало эту группу элиты наиболее «открытой» для молодых кадров. В ходе выборов депутатов в начале 1990-х гг. были случаи избрания самовыдвиженцев из простых слоев населения, которые не обладали опытом работы в государственных структурах, не имевшие связей с политическими партиями или финансово-промышленными группами. Во многие муниципальные представительные органы избирались в качестве депутатов учителя, врачи, работники промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Однако выборные кампании постепенно меняли характер. Все меньше «случайных» людей могли пробиться в законодательные и исполнительные органы, не заручившись поддержкой финансово-промышленных групп. Все более усиливалась и роль административного ресурса в выборных кампаниях, что ограничивало возможность избрания депутатов, не получивших поддержки со стороны главы области или муниципалитета. В условиях завершения трансформации общественных институтов элитарная группа становится все более закрытой. Появлялось все больше барьеров для вертикального социального лифта.

В образовательном плане большинство политических лидеров региона можно отнести к «технарям». 49,5% политиков закончили технические вузы. Особенно велика была доля «технарей» среди депутатов Самарской Губернской Думы – 63%. Это объяснялось большим количеством руководителей промышленных предприятий в депутатском корпусе. На втором месте было сельскохозяйственное образование. Оно было в основном у руководителей сельских районов. Третье место занимало экономическое образование (15%), которое получили многие заместители губернатора. Среди них этот показатель достигал 50%³³³. Это касалось первого высшего образования. В 1990-е гг. была характерна тенденция по получению второго высшего образования среди областных и муниципальных руководителей. Особенно популярно было получение юридического и экономического образования. Появилась тенденция и по защите диссертаций в этих областях. Например, губернатор К.А. Титов стал доктором экономических наук.

Изменение критериев рекрутирования в политическую элиту объяснялось переходом к новым реалиям общества. Для советской элиты решающими факторами были исполнительность и отношения личной преданности. В конце 1990-х гг. данные критерии были тоже важны, но их роль постепенно ослабевала. В условиях демократизации политической жизни и становления рыночных отношений на первую роль вышли другие критерии. В ходе экспертного опроса, проведенного Э.Б. Куприянычевой в 1998 г., выяснилось, что определяющими факторами продвижения в состав политической элиты Самарской области были поддержка экономических и финансовых структур (96%) и личностные качества политика (94,3%). Далее следовали связи однокашников и приятельские отношения внутри элиты (82%), а также профессионализм и компетентность политика (80,5%). Лишь следом были отношения личной преданности и покровительства (77%) и исполнительность (72%). В советские времена последние факторы были решающими. Кроме того, в советские времена можно говорить скорее о преданности партии, то в 1990-е гг. преданность персонифицировалась. Речь шла о лояльности по отношению к конкретному руководителю региона или муниципалитета. Кроме того, в числе факторов продвижения в состав политической элиты отмечались поддержка СМИ (71%), идеологические убеждения (63%), поддержка широких масс населения (59,5%), земляческие связи (50,8%), семейно-родственные связи (46%), национальность (44%)³³⁴.

Т.о., региональная политическая элита сформировалась в начале 1990-х гг. из числа старой номенклатуры, комсомольских работников среднего звена, выдвинутых на руководящие посты накануне распада СССР, самовыдвиженцев, не связанных с прежней системой, заявившие о себе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. К концу 1990-х гг. возможности для самовыдвиженцев несколько ограничались. Параллельно с этим шел процесс постепенного обновления элиты за счет индивидуального отбора. Руководители обновляли свою команду, включая туда новых лиц, причем факторы отбора в разных случаях довольно сильно отличались, что зависело от взглядов руководителя. Некоторые

отдавали приоритет личной преданности, другие больше ориентировались на профессиональные качества. Постепенно стали формироваться новые принципы, основанные на конкурсной процедуре, когда назначением занимались конкурсные комиссии на основании профессиональных качеств, профильного образования и необходимого опыта работы. Создавались специализированные учебные заведения для подготовки управленческих кадров. Однако эти нововведения не смогли уничтожить в полной степени архаические принципы, завязанные на знакомстве, родственных связях и т.д.

Однако не все региональные руководители советского периода смогли сохранить свое влияние. Часть из них осталась без каких-либо постов в новых структурах государственной власти. В период социальных катаклизмов наблюдалась повышенная вертикальная мобильность. Причем была характерна не только восходящая, но и нисходящая мобильность, когда многочисленные руководители теряли свои посты и шли на понижение. Например, серьезно изменился статус В.С. Романова, который долгие годы занимал должности председателя Новокуйбышевского горисполкома, первого секретаря Новокуйбышевского горкома КПСС, депутата Куйбышевского областного Совета народных депутатов, заместителя председателя Куйбышевского облисполкома, а в 1990-1991 гг. – первого секретаря Куйбышевского обкома КПСС. Однако после августовских событий 1991 г. и запрета деятельности КПСС в течение 3-х месяцев он был безработным. Ему так и не нашлось достойного места в системе областных исполнительных органов. Лишь через определенное время он смог устроиться на должность начальника отдела капитального строительства Объединённой энергосистемы «Волгоэнерго». Однако В.С. Романов не ушел из политики, но занял оппозиционные позиции по отношению к федеральной и региональной власти, став в 1993 г. первым секретарем обкома КПРФ, а начиная с 1995 г. многократно избирался депутатом Государственной Думы.

Изменил свой статус и В.А. Тархов. Он покинул пост председателя облисполкома, на несколько месяцев сохранив должность председателя областного Совета. 8 апреля 1992 г. Б.Н. Ельцин

отменил пункт Указа №70 в части, касающейся В.А. Тархова. Но практических последствий это решение уже не имело, т.к. еще в марте 1992 г. тот ушел в отставку с поста председателя областного Совета. После этого он покидает государственные структуры и на несколько лет уходит в бизнес. Первоначально он возглавил Новокуйбышевский НПЗ, а затем переезжает в Москву, став первым вице-президентом НК «ЮКОС». В политической жизни до конца 1990-х гг. он больше не участвовал³³⁵. Лишь в 2000 г. он возвращается в политику, участвуя в губернаторских выборах, а затем став депутатом Самарской Губернской Думы и мэром Самары.

В структуре региональной элиты важнейшее место занимала также и экономическая элита. Причем её роль возрастала с каждым годом. От руководителей крупнейших предприятий региона зависело материальное благосостояние региона. Особенно это касалось моногородов. В Самарской области это относилось в первую очередь к Тольятти, который был завязан на АвтоВАЗ. Новокуйбышевск, Отрадный, Нефтегорск и ряд других муниципалитетов зависели от предприятий, входящих в состав Самарнефтегаза. Чапаевск был ориентирован на оборонную промышленность. Соответственно, от судьбы этих предприятий зависело будущее городов. В руках руководителей были огромные рычаги влияния, и власть должна была это учитывать. Однако и благополучие многих предприятий зависело от благосклонности местных властей. Поэтому бизнес-сообщество постаралось как можно быстрее выстроить нормальные отношения с руководителями области и муниципалитетов.

Характер взаимоотношений политической и экономической элиты в различных регионах довольно серьезно отличался. Н.Ю. Лапина выделяла несколько моделей взаимодействия бизнеса и власти. В ряде регионов была распространена модель патронажа. Она была характерна для национальных республик и регионов «красного пояса», где власть взяла верх над бизнесом. В них роль государства в экономической сфере сохранялась на достаточно высоком уровне. Крупный независимый бизнес здесь практически не сложился. В некоторых национальных регионах (Татарстан, Башкортостан) предприятия остались в

собственности субъекта федерации либо приватизация проходила в интересах лиц, близких к руководству регионов. Здесь были сформированы семейные кланы, которые контролировали политическую власть в регионе и целые отрасли экономики. В некоторых регионах сложилась модель приватизации. Она была характерна для регионов, где присутствовала одна крупная бизнес-структура. Влияние компании было очень большим, в результате чего она подчиняла себе власть в регионе, когда руководителем становился представитель этой компании. В 1990-е гг. на региональном уровне она была еще не очень распространена, больше относясь к моногородам. Модель партнерства возникла в тех регионах, где сложились влиятельные группы экономических интересов, с которыми власти не могли вести диалог с позиции силы. Такая модель была характерна для регионов с диверсифицированной экономикой, когда возникает несколько элитарных групп, каждая из которых имеет собственные ресурсы влияния. В таких условиях политическое руководство региона пытается достигнуть партнерских отношений с важнейшими представителями экономической элиты. В ходе компромисса происходит четкое разделение сфер влияния между бизнесом и властью. При такой системе отношений особо ценными качествами главы региона являются взвешенность и умение выработать консенсусные решения³³⁶.

Для Самарской области была характерна модель партнерства. Область относилась к числу наиболее развитых регионов с диверсифицированной экономикой, что привело к созданию сразу нескольких крупных региональных компаний. К.А. Титов считался одним из наиболее ярых сторонников рыночных реформ. Он был противником активного вмешательства государства в экономическую сферу. К.А. Титов отмечал: «Я стою на либеральных позициях как сторонник предоставления предприятиям полной свободы. Но надо быть реалистами и понимать, что мы должны последовательно пройти все этапы развития. Сегодня предприятия нуждаются в поддержке, они должны нарастить мускулы. Вкладывая в них сегодня, мы обеспечиваем свой завтрашний день. Вставшие на ноги предприятия мы отпускаем в свободное плавание... Ру-

ководитель акционерного общества работает на прибыль. Его не надо агитировать и им не надо руководить. Своими указаниями мы только мешаем. Создавать условия – это другое дело»³³⁷.

В связи с этим бизнес в регионе был более самостоятельным, особенно по сравнению с соседними регионами. Однако первоначально деятельность многих предприятий зависела от поддержки областных властей. Ключевые решения в экономической сфере принимались непосредственно губернатором. Он старался вникать в проблемы конкретных предприятий, поэтому их руководители не только общались с министрами профильных областных ведомств, но и старались выйти лично на губернатора. В период приватизации роль областных властей была особенно велика. В условиях сложной экономической ситуации многие предприятия могли выжить лишь благодаря налоговым послаблениям, чего невозможно было достигнуть без личного участия губернатора. Особенно сложная ситуация была с предприятиями военно-промышленного комплекса. Для их поддержки была разработана региональная программа конверсии и создан специальный фонд. В этих условиях изменилось отношение руководителей оборонных предприятий к губернатору. В первое время они смотрели на К.А. Титова свысока. Многим он был незнаком, а образ экономиста-теоретика первоначально не позволял выстроить отношения. Для них он был полной противоположностью прежнего главы В.А. Тархова, за которым закрепился образ крепкого хозяйственника. Однако в условиях резкого сокращения оборонного заказа и нависшего банкротства над их предприятиями руководители оборонных заводов свое отношение изменили, понимая, что без поддержки областных властей сложно будет сохранить предприятия на плаву. Из всех предприятий особенно большую поддержку областных властей получил авиационный завод «Авиакор». Во второй половине 1990-х гг. завод был освобожден от уплаты налогов и получил льготные кредиты. Однако эффективность этой поддержки была не очень большой. Завод удалось сохранить, однако он влачил жалкое существование, прекратив на несколько лет выпуск новых самолетов.

Значительную роль во взаимоотношении с бизнесом играл и тот момент, что К.А. Титов долгое время возглавлял комитет по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию, банковской деятельности Совета Федерации, что позволяло ему лоббировать интересы местного бизнеса на федеральном уровне. Также К.А. Титов любил бывать за границей, где стремился найти зарубежных инвесторов для самарских предприятий. Самарская область одной из первых приняла целый комплекс законов, обеспечивающих правовые гарантии деятельности инвесторов. На областном уровне была реализована программа «Региональная инвестиционная инициатива», которая была принята в рамках комиссии «А.Гор – В. Черномырдин» после визита вице-президента США в Самарскую область в 1997 г. Только за 1999 г. Самарскую область посетили 75 иностранных официальных делегаций. Причем инвестиционная привлекательность региона возрастала с каждым годом. Итогом стало увеличение на протяжении 1990-х гг. числа предприятий с иностранным капиталом в регионе в 9 раз³³⁸.

Однако к концу 1990-х гг. модель взаимодействия губернской власти с бизнесом начала меняться. Причем инициатором этих изменений стала именно бизнес-элита. Некоторые предприятия после сложностей первых лет рыночных реформ встали на ноги и могли теперь развиваться самостоятельно. Они уже не нуждались в опеке со стороны власти и хотели меньше от неё зависеть. Более того, теперь уже они хотели влиять на власть, диктовать ей свои условия. В регионе появились крупные финансово-промышленные группы, у которых были собственные интересы, которые не всегда совпадали с интересами высшего политического руководства региона. Модель партнерства постепенно начала разрушаться.

К экономической элите относились собственники и топ-менеджеры крупных компаний Самарской области, которые оказывали существенное воздействие на политическую жизнь региона. Начало рыночных преобразований изменило состав руководителей существовавших ранее предприятий, изменило характер их деятельности, а также способствовало появлению большого

количества новых коммерческих структур, которых не было в советские времена. Этот процесс совмещал в себе стихийное создание новых рыночных единиц обычными выдвинутыми с низов и целенаправленную политику по превращению номенклатуры в полновластных собственников. Еще во второй половине 1980-х гг. сформировалось предпринимательское движение, из которого впоследствии вышли многие представители бизнес-элиты. В значительной степени они были выходцами из интеллигенции. Однако многие из них были представителями номенклатуры, особенно из числа комсомольских работников. Создавалась система центров научно-технического творчества молодежи, которым предоставлялись значительные налоговые льготы. В них начали путь предпринимательской деятельности наиболее активные представители комсомола. Именно эта группа стала одной из наиболее существенных составляющих в зарождающейся тогда бизнес-элите. Многие крупные бизнесмены федерального и регионального уровня были выходцами из комсомола, заработав свой первый капитал именно в центрах научно-технического творчества молодежи. Исследование, проведенное Институтом социологии РАН показало, что бизнесмены, принадлежащие к первой предпринимательской волне и начавшие свою деятельность в 1987-1988 гг., составили треть бизнес-элиты. Социологи выделяли среди них группу «комсомольцев» (17% от элиты начала 1990-х гг.) и «физиков» (15%)³³⁹.

Постепенно к процессу перехода собственности в частные руки подключились и другие категории номенклатуры. Первоначально в конце 1980-х – начале 1990-х гг. приватизации носила латентный характер. Скрытая от глаз стороннего наблюдателя приватизация проходила без всякого объявления, под полным контролем государственных чиновников, когда на месте министерств были созданы концерны, на месте госбанков – коммерческие банки, на месте Госснабов – биржи и крупные торговые дома. В этот же период в форме эксперимента произошла приватизация ряда рентабельных производств. В Самарской области это коснулось, прежде всего, Волжского автомобильного завода, который был преобразован в АО АвтоВАЗ³⁴⁰. Позднее привати-

зация уже приняла открытый характер, затронув основную часть предприятий. В процессе отказа от административной экономики и перехода к рыночной менялся статус директоров предприятий. Ранее они были лишь управленцами, подотчетными вышестоящим партийным и хозяйственным органам. В результате приватизации директора становились полноценными собственниками. В Самарской области к этой категории относились директор ОАО Моторостроитель И.Л. Шитарев, директор Самарской кабельной компании А.К.Бульхин, директор АО Тольяттиазот В.Н. Махлай и др. Все они возглавляли эти предприятия в советские времена и получили полный контроль над ними в ходе приватизации.

Однако на ряде предприятий в ходе приватизации контроль переходил к сторонним лицам, в ходе чего менялось и руководство. Зачастую руководителями предприятий становились совсем молодые люди, которые резко выделялись на фоне выходцев из хозяйственной номенклатуры. В этом плане можно отметить довольно резкую карьеру, которую сделал Л.А. Хасис. В 1995 г. в возрасте 29 лет он стал президентом, председателем совета директоров авиационного завода «Авиакор», который являлся одним из крупнейших предприятий области. Причем уже до этого у него был опыт руководства рядом других бизнес-структур.

Одновременно с этим в 1990-е гг. шел процесс становления компаний с нуля, поэтому процесс рекрутирования шел непрерывно, включая новые слои населения. Принадлежность новых представителей бизнеса была самой различной, однако наибольшего успеха добивались лица, имевшие знакомство или родственные связи с чиновниками, ответственными за процесс приватизации. Показательно, что ряд родственников областных чиновников преуспели в бизнесе. Так, сын губернатора А.К. Титов возглавил Газбанк, сын руководителя областного департамента архитектуры и строительства А.А. Латкин возглавил группу ДВИ, которой доставались наиболее крупные заказы областных властей в области дорожного строительства.

Стоит отметить и факт перехода части предприятий области в собственность крупных федеральных компаний. Наиболее знакомым был переход областных предприятий нефтяной промышлен-

ности в собственность компании ЮКОС, а также проникновение в регион в конце 1990-х гг. компании Сибирский алюминий, скупившей ряд крупных заводов (Авиакор, Самеко).

Ключевой бизнес-структурой Самарской области в 1990-е гг. был АвтоВАЗ. Он являлся градообразующим предприятием для второго города губернии и крупнейшим налогоплательщиком в областной бюджет. Кроме того, на него были завязаны десятки предприятий-смежников со всей области. АвтоВАЗ играл огромную роль не только для региона, но и для всей страны. В связи со своими масштабами завод слабо зависел от областных властей. Основное внимание менеджмент предприятия отводил своим связям с федеральными чиновниками. Ключевой фигурой на предприятии был Председатель Совета директоров АвтоВАЗа В.В. Каданников. У него были огромные лоббистские возможности. Большую часть времени он проводил в Москве. Поэтому это была не только важнейшая фигура региональной экономической элиты, но и знаковый игрок федерального уровня. Еще более возросла его роль после его назначения в 1996 г. первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации. Второй по значимости фигурой был А.В. Николаев, который с 1996 по 2002 г. занимал должность президента-генерального директора АвтоВАЗа. Однако АвтоВАЗ при всей самостоятельности не старался конфликтовать с губернатором. Взаимоотношения с губернской властью можно озаглавить скорее в нейтральных тонах. К.А. Титов так характеризовал свои отношения с руководством АвтоВАЗа: «Отношения хорошие, мы стараемся работать корректно. Область не имеет акций ВАЗа и поэтому не вмешивается в его внутренние дела и не старается им управлять. Когда они свободны, они работают лучше. С Николаевым у меня хорошие отношения. И с Каданниковым мы спокойно работали»³⁴¹. Между губернатором и АвтоВАЗом был достигнут негласный пакт, который разделял сферы влияния. Согласно нему топ-менеджмент поддерживал губернские власти, но не позволял губернатору вмешиваться в свои внутренние дела. Однако руководители АвтоВАЗа не отстранялись от политической жизни. Причем в некоторых случаях они вступали в конфликт с некоторыми представителями

региональной элиты. Можно отметить выборы в Самарскую Губернскую Думу второго созыва, когда АвтоВАЗ не поддержал команду мэра города Тольятти С.Ф. Жилкина. Показательно, что он сам проиграл выборы по своему округу члену Совета директоров АвтоВАЗа И.А. Барышникову.

Второй по значимости бизнес-структурой региона была Ассоциация делового сотрудничества «Волгопромгаз», созданная в 1994 г. Ключевыми фигурами этой финансово-промышленной группы были три партнера: В.Е. Аветисян, О.Б. Дьяченко и А.И. Кислов, которые и были учредителями этой компании с самого начала. В.Е. Аветисян так характеризовал историю создания своего бизнеса: «У Андрея Кислова и Олега Дьяченко был свой торговый бизнес, охватывавший много товаров – от лампочек до продукции молдавских винных комбинатов. Я же всегда занимался тем, чему выучился, – строительством в сфере газовой промышленности. Мы общались с институтской скамьи, хорошо знали друг друга, и когда возникла идея создать совместный бизнес, сделали это, объединив их финансовый ресурс с моими наработками и знаниями. Так возникло предприятие «Газпром», которое занималось строительством и капитальным ремонтом сетей высокого и среднего давления в нескольких областях. Это была первая точка роста»³⁴². Постепенно организация расширялась. Был создан собственный банк Газбанк, страховая компания. К концу 1990-х гг. в состав Волгопромгаза вошел ряд крупных нефтехимических предприятий региона: «Синтезкаучук», Новокуйбышевский нефтехимический комбинат и др. В 1999 г. под контроль Волгопромгаза переходит компания Самараэнерго, тем самым получив в свое распоряжение энергоактивы сразу в нескольких регионах Поволжья. В результате компания значительно усилила свой статус, превратившись из региональной в межрегиональную. Расширение компании изменило характер взаимоотношения её руководителей с областной властью. Первоначально компания сильно зависела от местных властей. Характер взаимоотношений губернатора с руководством компании в середине 1990-х гг. можно с полным основанием назвать партнерским. О близости губернских властей с топ-менеджментом компании говорит хотя

бы тот факт, что в 1998 г. Газбанк, входящий в структуру холдинга, возглавил 24-летний сын губернатора А.К. Титов. Показательно, что именно через этот банк шли многие операции с деньгами областного бюджета. Однако постепенно Волгопромгаз начал дистанцироваться от областных властей, переориентируясь на контакты с политиками федерального уровня. Теперь руководители компании были не удовлетворены прежним статусом, стремясь оказывать большее влияние на политическую жизнь в Самарской области. Итогом возрастающих политических амбиций руководства Волгопромгаз стало избрание в 1997 г. О.Б. Дьяченко и А.И. Кислова депутатами Самарской Губернской Думы.

Осознавая все большие амбиции местной бизнес-элиты, губернатор старался заручиться поддержкой федеральных игроков. Именно в конце 1990-х гг. губернатор наладил тесные связи с ЮКОСом и Сибирским алюминием. Итогом такого союза стал приход во время третьего губернаторского срока в областную команду некоторых представителей этих бизнес-структур.

Усиление бизнес-структур не нравилось многим представителям региональной политической элиты. Для них была характерна настороженность по отношению похода бизнеса во власть. Ряд руководителей были уверены в скрытых целях бизнесменов, избранных депутатами, преобладании интересов бизнес-структур, которые они представляли, над интересами области или конкретного муниципалитета. Некоторые руководители категорически отказывались привлекать в свои команды выходцев из бизнеса. Если в областной власти такие примеры были, то в администрации Самары выходцы из бизнеса отсутствовали. Мэр Самары Г.С. Лиманский отмечал: «Я думаю, что еще не пришло то время, когда топ-менеджеры смогли бы управлять ситуацией. Сегодня у нас еще много социальных проблем. Уровень доходов и уровень жизни населения еще не таков, когда обществом могут управлять компьютеры. Потому что топ-менеджеры – это не что иное, как компьютеры»³⁴³. Соответственно, он занял довольно жесткую позицию и старался не допускать бизнес к власти. Не удивительно, что именно на городском уровне в первой половине 2000-х гг. раз-

вернулась настоящая война местных финансово-промышленных групп с Г.С. Лиманским.

Самарская область в 1990-е гг. была одной из наиболее развитых регионов, а политики и бизнесмены области были крайне амбициозны, стараясь распространить свое влияние и на федеральный уровень. В этот период было сразу несколько случаев перехода представителей региональной элиты на должности крупных федеральных чиновников. В январе 1996 г. В.В. Каданников был назначен первым заместителем председателя Правительства РФ. Вскоре в Москву переехал и О.Н. Сысуев, который 17 марта 1997 г. указом Президента был назначен заместителем Председателя Правительства РФ. Если отъезд В.В. Каданникова восприняли довольно буднично, то назначение О.Н. Сысуева было крайне неожиданным, застав врасплох местную элиту. Он считался вторым по степени влиятельности политиком области. Именно его многие считали основным претендентом на губернаторского кресло на последующих выборах. Сам О.Н. Сысуев так оценивал свое назначение: «Для меня лично предложение войти в правительство не было сногсшибательной неожиданностью, если честно. Я оценивал людей, которые там работают, не только с экранов телевизора, но и в непосредственном общении – по результатам конкретных дел. Любой человек, сравнивая, спрашивает себя: а что бы ты сделал на их месте, как бы ты решил ту или иную задачу? Думал об этом и я, и получалось, что мы не хуже, безусловно»³⁴⁴.

Назначение О.Н. Сысуева было знаковым. Впервые руководителю муниципалитета удалось достигнуть таких высот. Причем это выбор был вполне взвешенным и закономерным. На эту должность целенаправленно планировался человек из регионов. Причем рассматривались кандидатуры 10 мэров, а уже из них выбрали главу Самары. Сразу после своего назначения он отмечал: «Известно, что правительство не один год находится в кризисе. Всякие варианты испытывали при его формировании: были умудренные опытом партийные работники, которые прошли все на свете, были так называемые ребята из лабораторий – «головастики»... Но чего точно не было – так это руководителей, политиков с мест, которые работали и приобретали авторитет, можно сказать,

настоящий авторитет, на территории в течение последнего времени»³⁴⁵.

В качестве вице-премьера О.Н. Сысуев отвечал в правительстве за вопросы, связанные с образованием, трудовыми отношениями, здравоохранением, пенсионными фондами, культурой, спортом, туризмом, молодежной политикой, взаимодействием Правительства РФ с профсоюзными организациями, общественными движениями и объединениями, религиозными организациями и др. Вскоре после отставки правительства Кириенко О.Н. Сысуев стал первым заместителем руководителя администрации президента. Однако в 1999 г. он покидает и эту должность, вновь сделав резкий поворот в своей карьере. Он уходит с госслужбы в бизнес, став первым заместителем председателя Совета Альфа-банка.

Были серьезные политические амбиции и у губернатора К.А. Титова. И эти амбиции имели под собой основание. Все 1990-е гг. он входил в число 100 самых влиятельных политиков России, лишь в начале 2000-х гг. покинув этот список. К.А. Титов был членом Совета Федерации первого и второго созывов. Он являлся одним из наиболее влиятельных сенаторов, возглавляя комитет по бюджету, налоговой политике, финансовому, валютному и таможенному регулированию, банковской деятельности. Это позволяло ему быть в тесном контакте с представителями федеральной исполнительной власти, вплоть до премьер-министра.

К.А. Титов был одним из наиболее политизированных губернаторов, активно участвуя в партийном строительстве. Некоторые оппозиционеры ругали его за излишнее увлечение партийной жизнью, говорили, что губернатор должен быть в первую очередь хозяйственником, а не политиком. Однако сам К.А. Титов был с этим не согласен, считая, что активная политическая деятельность наоборот помогает отстаивать позиции региона на федеральном уровне. Он отмечал: «Моя партийность – это и связи и контакты с людьми, принимающими решения. А партийная трибуна – возможность лишний раз поднять проблемы региона»³⁴⁶.

За время нахождения на должности губернатора он был членом довольно большого количества партий и движений. В 1992 г. он присоединяется к Российскому Движению демократических

реформ (РДДР), входит в политсовет. После провала РДДР на выборах в Госдуму в 1993 г. вышел из движения, став членом «Демократического выбора России». В 1995 г. входит в оргкомитет создаваемого В.С. Черномырдиным движения «Наш дом – Россия» (НДР). На учредительном съезде НДР 12 мая 1995 г. К.А. Титов избирается первым заместителем председателя и главой Самарского отделения НДР. Весной 1997 г. ходили разговоры о том, что К.А. Титов получил предложение войти в правительство, но отказался. Многие считали, что его не устроила должность вице-премьера, он видел себя на премьерском кресле.

Если первоначально К.А. Титов переходил из одной «партии власти» в другую, то к концу 1990-х гг. он задумался о создании собственной партии. Теперь его не устраивали вторые роли в руководстве партий, он старался показать себя самостоятельным политиком федерального уровня. Показательным моментом была словесная перепалка между К.А. Титовым и В.Ф. Черномырдиным, которого в 1998 г. планировали утвердить в должности председателя правительства. К.А. Титов оказался тогда наиболее решительным противником возвращения В.Ф. Черномырдина на премьерское кресло. А уже в 1999 г. К.А. Титов выступает с идеей создания партии губернаторов «Голос России», видя себя её лидером. Она создавалась по инициативе регионов, точнее, нескольких губернаторов и глав законодательных собраний. Создание партии подобного типа объяснялось необходимостью повышения роли субъектов федерации и их руководителей. Однако эта идея оказалась провальной. Большинство губернаторов не согласилось вступать в эту партию, посчитав более перспективным другое объединение губернаторов – движение «Отечество – Вся Россия». Из 36 региональных лидеров, первоначально подписавших воззвание о создании «Голоса России», через некоторое время с К.А. Титовым остался лишь один – председатель законодательного собрания Тюменской области. Не получив успеха в собственном партстроительстве К.А. Титов вошел в состав избирательного блока «Союза правых сил», став одним из 5 его соучредителей и председателем политсовета. Логичным продолжением его политической деятельности на федеральном уровне стало участие

в президентской кампании 2000 г. К.А. Титов рассчитывал стать единым кандидатом от либеральных сил. Однако его надежды не оправдались, и он получил лишь 1,51% голосов. Провал президентской кампании фактически означал крах его претензий на роль политика федерального уровня.³⁴⁷

Таким образом, региональная элита из числа политиков и руководителей бизнес-структур не являлась однородной по возрасту, социальному происхождению, идеологическим убеждениям. Однако долгие годы удавалось сглаживать конфликты. В связи с этим Самарская область была одним из наиболее стабильных регионов в экономическом и политическом плане. Губернатор смог наладить нормальные отношения с главами муниципалитетов, с депутатами регионального парламента и представителями большинством бизнес-структур. Политическая элита была довольно консолидирована. Противоречия были, но не между губернатором и своими подчиненными, а за близость к губернатору. Даже руководители большинства муниципалитетов старались не ссориться с губернской властью. Многие муниципальные руководители кулуарно критиковали политику губернатора, но открытого противостояния практически не было.

С бизнес-элитой тоже удавалось находить компромисс. Особенно это было видно на примере АвтоВАЗа. Были разделены сферы ответственности, каждая из сторон не пыталась вмешиваться в дела другой. Да и с другими игроками удавалось найти понимание. Бизнес-элита была слишком завязана на региональную власть. Однако к концу 1990-х гг. бизнес уже окреп, такой опеки со стороны губернатора уже не требовалось. Соответственно, по мере роста своего экономического могущества, бизнес-элиты захотели играть большее политическое влияние. В первую очередь это коснулось депутатского корпуса, когда в представительные органы областного и муниципального уровня стали избираться целые группы депутатов в целях лоббирования конкретных финансово-промышленных групп. Чуть позднее началось проникновение представителей крупного бизнеса и в органы исполнительной власти. Довольно стабильная конструкция взаимоотношений внутри региональной элиты постепенно начала рушиться

на рубеже 1990-2000-х гг. Одной из причин этого стали политические просчеты губернатора, излишние политические амбиции, ухудшение взаимоотношений региональных и федеральных властей, что вызвало определенное недовольство некоторых представителей региональных элит.

Примечания

²⁸⁹ Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис. ... докт. пол. наук. М., 2004. С. 79.

²⁹⁰ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 65.

²⁹¹ Верстаков Г. Губернатор, которому удобно в своем кресле // Российский Кто есть Кто. 1999. №6. URL:http://whoiswho.ru/old_site/rubin.htm

²⁹² Зубарев Л. Олег Сысуйев: пьеро или леший // Российский Кто есть Кто. 1999. №3. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Password/journals/31999/sysuev.htm

²⁹³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2003. С. 103.

²⁹⁴ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-5140. Оп. 1. Д. 1. Л.1-4.

²⁹⁵ ЦГАСО. Ф. Р-5140. Оп. 1. Д. 1. Л.2.

²⁹⁶ Самарский курьер. 2000. 8 июня. С.4.

²⁹⁷ Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис. докт. пол. наук. М., 2004. С. 56-59.

²⁹⁸ Самарская газета. 1991. 22 августа. С.2.

²⁹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 55. Д. 1102. Л.33.

³⁰⁰ ЦГАСО. Ф. Р-5140. Оп. 1. Д. 1. Л.5.

³⁰¹ Матвеев М.Н. Самарский областной и городской Совет народных депутатов в дни ГКЧП в августе 1991 г. // Вестник Самар-

- ского государственного университета. Самара. 2003. №3(29). С.98-99.
- ³⁰² ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 55. Д. 1102. Л.32.
- ³⁰³ ЦГАСО. Ф. Р-56. Оп. 55. Д. 1102. Л.22.
- ³⁰⁴ Матвеев М.Н. Самарский областной и городской Советы народных депутатов в дни ГКЧП в августе 1991 г. // Вестник Самарского государственного университета. Самара. 2003. №3(29). С.104.
- ³⁰⁵ Самарский курьер. 2000. 23 июня. С.2.
- ³⁰⁶ Самарский курьер. 2000. 23 июня. С.1.
- ³⁰⁷ Самарский курьер. 2000. 8 июня. С.4.
- ³⁰⁸ Кто есть кто в Самаре. 1998 год. Самара, 1998. С. 74, 148, 154, 173
- ³⁰⁹ Кто есть кто в Самаре. 1998 год. Самара, 1998. С. 33, 83, 162, 271.
- ³¹⁰ Самарское обозрение. 1998. 15 июня. С. 4.
- ³¹¹ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 годы). Самара, 1999. С. 126-128.
- ³¹² Зубарев Л. Олег Сысуев: пьеро или леший // Российский Кто есть Кто. 1999. №3. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Password/journals/31999/sysuev.htm
- ³¹³ Зубарев Л. Олег Сысуев: пьеро или леший // Российский Кто есть Кто. 1999. №3. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Password/journals/31999/sysuev.htm
- ³¹⁴ Зубарев Л. Олег Сысуев: пьеро или леший // Российский Кто есть Кто. 1999. №3. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Password/journals/31999/sysuev.htm
- ³¹⁵ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 годы). Самара, 1999. С. 129.
- ³¹⁶ Лиманский Г.С. Иду на город. URL: <http://gslimansky.ru/georgiy-limansky-biography/item/12-idu-na-gorod>
- ³¹⁷ Александров. А.А. Самарская область: политические процессы, 1997-2000 гг. // Феномен Путина и российские регионы. М., 2004. С. 166.
- ³¹⁸ Лиманский Г.С. Иду на город. URL:<http://gslimansky.ru/georgiy-limansky-biography/item/12-idu-na-gorod>
- ³¹⁹ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 годы). Самара, 1999. С. 13, 38, 62, 89.

- ³²⁰ Самарская Губернская Дума: новый этап в государственном строительстве. URL: <http://museum.samgd.ru/region/history/79174/>
- ³²¹ Самарская Губернская Дума: новый этап в государственном строительстве. URL: <http://museum.samgd.ru/region/history/79174/>
- ³²² Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994-2009). Самара, 2009. С. 56.
- ³²³ Самарская Губернская Дума: новый этап в государственном строительстве. URL: <http://museum.samgd.ru/region/history/79174/>
- ³²⁴ Афанасьев М.Н. Региональное измерение российской политики // Полис. 1998. № 2. С. 91.
- ³²⁵ Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994-2009). Самара, 2009. С. 56-57.
- ³²⁶ Самарские известия. 1994. 13 июля. С. 1-2.
- ³²⁷ Самарская Губернская Дума. 15 лет (1994-2009). Самара, 2009. С. 37-41.
- ³²⁸ Волжская заря. 1994. 11 сентября. С. 8.
- ³²⁹ Самарская городская Дума II созыва. URL: <http://gorduma.samara.ru/historic/IIsozyv/>
- ³³⁰ Кто есть кто в Самаре. 1998 год. Самара, 1998. С. 58, 90-91.
- ³³¹ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. №1. С. 65.
- ³³² Куприянычева Э.Б. Особенности политической элиты Самарской области // Полис. 1999. №3. С. 117.
- ³³³ Самарское обозрение. 1998. № 24. С. 5.
- ³³⁴ Самарское обозрение. 1998. № 24. С. 4-5.
- ³³⁵ Политики Самарской области: кто есть кто (1988-1998 годы). Самара, 1999. С. 84-85.
- ³³⁶ Лапина Н.Ю. Бизнес и власть: сохранится ли региональное многообразие? // Региональная элита в современной России. М., 2005. С. 66-67.
- ³³⁷ Самарское обозрение. 1996. 25 ноября. С. 2.
- ³³⁸ Александров. А.А. Самарская область: политические процессы, 1997-2000 гг. // Феномен Путина и российские регионы. М., 2004. С. 153-154.

³³⁹ Лапина Н.Ю. Региональные элиты: процессы формирования и механизмы взаимодействия в современном российском обществе. Дис...докт.пол.наук. М., 2004. С. 147.

³⁴⁰ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 301-312.

³⁴¹ Самарское обозрение. 1996. 25 ноября. С. 2.

³⁴² Дело. 2014. Июль. С. 6.

³⁴³ Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Новые тенденции в развитии региональной власти // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь, 2002. С.181.

³⁴⁴ Дело. 1997. №10. С.6.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Самарское обозрение. 1996. 25 ноября. С. 2.

³⁴⁷ Александров. А.А. Самарская область: политические процессы, 1997-2000 гг. // Феномен Путина и российские регионы. М., 2004. С. 161-163.

РАЗДЕЛ VII.

ЗЕМЛЯЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА В МОСКВЕ)

Землячество как социальное явление – одна из наименее разработанных научных тем. Этому есть логичное объяснение, которое гласит, что, на первый взгляд, земляческие объединения в историческом прошлом не играли ведущей роли в общественных процессах. Еще одним аргументом «против» изучения этой проблематики может быть общий вектор глобализации человеческого мышления, изменение мироощущения людей, которое становится все более космополитичным.

Наблюдая современные тенденции развития российского общества, приходится признать, что оба тезиса могут быть оспорены. Исходя из представления о землячестве как общественной организации, для членов которой важна региональная самоидентификация, можно и нужно ставить и решать следующие научные проблемы.

Земляческие связи, будучи изначально неформальными, являются разновидностью пространственных социальных связей. Последние сегодня предметно изучают социологи, политологи и историки для понимания сути, специфики общественных явлений, в широком смысле – для осознания перспектив и потенциала деятельности некоммерческих, общественных организаций в российском обществе. Эта тема может быть одним из элементов более широкой проблемы – проблемы становления гражданского общества в России.

Важность земляческой тематики бесспорна при изучении вопроса о влиянии элит на развитие самарского (и любого другого) региона³⁴⁸ в XX-XXI вв. в экономическом, политическом, культурном плане.

С сугубо академической точки зрения, эта тема помогает более конкретно проанализировать содержание такой категории как «региональная идентичность»³⁴⁹: не только через призму описа-

ние ее конкретных проявлений, но и через попытку реконструкции механизмов ее существования (через восприятие земляками пространства, ностальгии и пр.).

Обилие исследований по вопросу об идентичности россиянина, об общероссийском и региональном ее срезе показывают, что он является одним из базовых, так как напрямую связан с государственной идеологией, политической практикой, общественными и индивидуальными воззрениями³⁵⁰. Вполне объяснимо, что изучение локальной, региональной идентичности особенно актуально для Москвы и Московской области³⁵¹.

Раздел содержит размышления и заключения авторов о социальных функциях землячеств в советский и современный период, позволяет сделать вывод о влиянии деятельности куйбышевско-самарской элиты, представители которой оказались в Москве, на развитие региона в 1960-е – 2000-е годы. Материалами для ее написания являются уже имеющиеся опубликованные исследования о деятельности самарцев, проживающих в Москве, а также глубинные интервью с 50 представителями РОО «Самарское землячество» (2009-2013 гг.).

Проблема терминологии и неопределенности дефиниции «землячество» в отечественной науке и, как следствие, в правовом поле, реально существует³⁵². Полагаем, что под термином «землячество» следует понимать разновидность общественной организации, собрание представителей региона, живущих за его пределами, объединенное осознанием собственной региональной идентичности. Землячество подразумевает взаимодействие неформального или отчасти формализованного характера, социальную сеть взаимопомощи, действующую на протяжении длительного времени, «помогающую его участникам нарастить социальный и личный капитал»³⁵³. При этом землячества выполняют задачи социальной адаптации, взаимопомощи, лоббирования интересов региона, оказывают содействие региону в решении проблем в различных областях деятельности.

Говоря о региональной идентификации, присущей членам землячества, отметим следующее. Де-факто мы имеем дело с локально-территориальной идентификацией, присущей российской си-

стеме ценностных ориентаций, сильно разнящейся, к примеру, с американской, где территория сама по себе не имеет решающего значения. В числе базовых ценностей, которые разделяют россияне, ученые нередко называют «почвенность» как социальную и культурную привязанность к месту происхождения, к региону проживания³⁵⁴. «Чувство места» тесно связано с представлением о стабильности, на уровне личности является залогом спокойствия, неконфликтности.

На уровне повседневного поведения региональная идентичность проявляет себя как процесс решения важных проблем, в котором поступки и решения по поводу собственного самоопределения будут соотноситься с осознанием собственной территориальной принадлежности. Важно отметить, что исключительное влияние на этот вид идентификации человека имеют социальные обстоятельства, окружение. Понятие «региональная идентичность» включает в себя, кроме прочего, социально-групповую принадлежность: знание о том, что «индивид принадлежит к некоторой социальной группе вместе с эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства»³⁵⁵.

Во многом региональная идентичность имеет абстрактный, символический характер, она нередко выстраивается политическими элитами, но имеет под собой реальную (культурную, лингвоэтническую, историческую) подоплеку. Идентичность выражается через материальные и символические формы. Землячество действительно представляет собой одну из таких материально-символических форм.

В итоге, под региональной идентичностью следует понимать осознание человеком принадлежности к сообществу определенного региона. Это осознание имеет для человека важное значение и связано с его социальным окружением, комплексом политических, экономических, культурно-исторических обстоятельств.

М.В.Назукина выделяет два уровня региональной идентичности: культурный (в нем объединены «те черты регионального сообщества, которые формируются в рамках взаимодействия внутри региона», включают в себя особые ментальные характеристики, культурно-историческое наследие, нарративы, мифологемы,

ценности, символы) и стратегический – «сознательное изобретение и использование региональной уникальности», продвижение позитивного имиджа как внутри региона, так и за его пределами³⁵⁶.

Говоря о культурном уровне идентификации московских самарцев, отметим наличие представлений о культурных героях – уроженцах Куйбышева-Самары, исторических личностях, связанных с регионом, признанных в стране и в мире. В роли таких героев выступают не только уроженцы региона, но и люди, не родившиеся в нем, но проведшие в нем часть жизни (к примеру, В.Н.Татищев, В.Чапаев, Я. Гашек и другие)³⁵⁷.

Важное значение для земляков имеет символическое единство вокруг природно-географического маркера: для многих опрошенных им является Волга. Особую гордость вызывают понятия «Куйбышев (Самара) – космическая столица», «запасная столица». Упоминались и другие объединяющие культурные образы: «перекресток», «вокзал» как место, куда приезжают и остаются люди из различных географических точек России, «ворота» из Европейской части России в «Азиатскую» Россию и Сибирь.

Переходя к анализу социальных функций, которые выполняли представители куйбышевской элиты, уехавшие в Москву в 1960-1980-е гг., отметим, что столичное самарское землячество уходит своими корнями в советскую эпоху. Однако тогда оно не имело четких организационных форм, было неформальным. Исследователи проблемы отмечают, что ассоциация по территориальному (региональному) признаку внутри политической элиты в центре была заметной в довоенный и послевоенный период³⁵⁸, и это полностью подтверждается авторскими материалами.

Наши данные показывают, что для области, для людей, для изменения облика города и области именно грамотные административно-хозяйственные решения, принимаемые представителями местной элиты, имевшей «выходы» в центр, имели далеко идущие позитивные последствия. Вот как об этом взаимодействии элит пишет В.И.Воротников³⁵⁹: «Задача директоров и парткомов предприятий, руководства области заключалась в том, чтобы обеспечить освоение и серийный выпуск продукции. Для этого требова-

лось реконструировать производство, на что получить необходимые финансовые и материальные ресурсы. За это и боролись. Ведь в стране действовала система централизованного планирования. Госплан выделял капиталовложения, лимиты, ресурсы. Надо было обосновать наши запросы, защитить право на определенные объемы вложений. Мы помогали в этом руководителям заводов. Ездили в Москву в Госплан, министерства, в ЦК КПСС. И не безуспешно.

Вообще Куйбышев и область, – это один из крупнейших в стране центров промышленности, причем разноплановой. И раньше, думаю, и теперь не все руководители из Центра имели о нем правильное представление. И нашей задачей (обкома и облисполкома) было – для решения возникающих в области проблем «затащить» нужного руководителя к себе в Куйбышев, чтобы он наглядно увидел, что собой представляет город и его потенциал. Это удавалось. И когда он, или они, побывают, посмотрят заводы, то с ними легче становится решать наши вопросы.

Вот тот же Горбачев, когда побывал у вас, в 1986 году, то уже в аэропорту, при встрече, мне говорит: «Ты знаешь, я не представлял себе, что это такой город, что там такая промышленность! На заводах техника высокого класса. И люди очень доброжелательные». Я ему ответил: «Тебе надо было давно там побывать». Так было и с другими, в наше время. Скажу, у нас сложились деловые, даже товарищеские отношения со многими министерствами, предприятия которых находились в области. Это: П.В. Дементьев, В.В. Бахирев, В.С. Федоров, П.С. Непорожний, С. А. Афанасьев, А. М. Тарасов, В.Д. Шапин и другие. И мы в контакте с ними достигали цели – объективного подхода к нуждам предприятий»³⁶⁰.

Этот отрывок из воспоминаний В.И.Воротникова вполне подтверждает, что многие вопросы в советское время решались не только в формальном, но и в неформальном поле, мнение руководителей высшего звена во многом зависело от активности региональных управленцев, от лоббирования ими интересов своего региона. И с этой точки зрения нельзя недооценивать значимость усилий, которые прилагали представители политической элиты области для решения самого широкого спектра задач.

«Успехи СССР во многих областях науки, культуры во многом были связаны с существовавшей в стране кадровой политикой. Это опыт можно расценивать как положительный, и, по моему убеждению, он заслуживает самого пристального изучения. Выросшие в недрах мощной промышленной куйбышевской области, наши земляки – В.П.Орлов, С.А.Токарев и другие, состоялись как советские, партийные лидеры самого высокого, союзного, уровня» (из интервью В.В.Рябова).

В советское время земляки способствовали реализации проектов, значимых для области: оказывали конкретную организационную помощь, «продвигали» необходимые документы, участвовали в обсуждении важных планов развития области с учетом местных интересов, выходили на людей, принимающих решения, могли дать важную информацию, советы, необходимые при налаживании деловых контактов. Региональная элита помогала реализовывать стратегический социально-экономический, кадровый, интеллектуальный потенциал региона, способствовала превращению Куйбышева в мощный индустриальный узел.

Исследователи справедливо отмечают, что «Номенклатурно-кадровый «застой» (брежневского периода – авт.) имел, по крайней мере, одну положительную сторону: повышение опыта руководящих работников»³⁶¹. Однако небесспорным является мнение о том, что «Введение хозяйственников в партийные структуры вело к снижению кадрового потенциала советских и ведомственных органов...»³⁶². (Сегодняшняя ставка на людей не «слова», а «дела» (т.н. губернаторов-хозяйственников) фактически является слабым сигналом в сторону возврата к этой тенденции, признание того факта, что менеджер-теоретик менее востребован обществом. Кроме того, сходными следует признать и формы лоббирования интересов региона, например, весьма перспективным с этой точки зрения является непосредственный контакт с высокопоставленным чиновником «на месте», в регионе).

Современная социальная деятельность землячества отчасти носит сходный характер. В настоящий момент РОО «Самарское землячество» в Москве представляет собой серьезное общественное объединение: в него входит 258 человек. В социальном плане

основная часть членов организации – это руководители предприятий компаний, учреждений, банков, а также работники сферы науки, образования, культуры и здравоохранения. В частности, в составе землячества шесть человек – Героев Советского Союза и России, пятеро космонавтов, два олимпийских чемпиона, восемь академиков, 63 доктора и кандидата наук. 15% членов являются представителями различных ветвей власти, 23% – бизнесмены, 38% – деятели науки и искусства.

По возрастным характеристикам, самарские земляки также укладываются в общую тенденцию: костяк составляют люди зрелого возраста (старше 50 лет), но в последнее время все активнее проявляет себя молодежное крыло³⁶³.

Деятельность РОО «Самарское землячество» постперестроечный период до официальной регистрации в 2002 году, вполне соотносится с общественными процессами того периода, когда землячества «создавались в основном как экс-элитная зона, предназначенная для адаптации бывших служащих к изменившимся в 1990-е гг. условиям жизни, и на первом этапе их деятельность сводилась к выполнению одной функции – организации взаимопомощи (экономической и моральной). Говорить о помощи регионам в этот период не приходится»³⁶⁴.

2000-е годы, период стабилизации внутривнутриполитической и экономической ситуации, поставил на повестку дня более серьезные вопросы. Имеющийся потенциал той части региональной культурной, политической элиты, которая оказалась за пределами Самарской области, был востребован в самых разных областях деятельности³⁶⁵. Сейчас затруднительно квалифицировать организацию как «экс-элитную зону» (И.К.Жуков), так как большинство членов, как уже упоминалось ранее, нашедшие себя в современных реалиях и активно работающие представители советской и партийной элиты, представители бизнеса, деятели культуры и искусств.

Современные землячества, и самарское не является исключением, преследуют основные цели – поддержка связей с родным регионом; содействие в трудоустройстве и решении конкретных личных, социальных проблем земляков; продвижение региона.

Неслучайно, что большая часть проектов, реализуемых РОО «Самарское землячество», носит именно гуманитарный характер. Это – выставки, публикации, культурные акции самого широкого спектра, проведение чествования ветеранов, праздников и пр. «Конечная цель подобного политического курса связана с изменением социальных представлений о регионе, развитием позитивного самоощущения и чувства гордости населения от проживания в рамках регионального пространства»³⁶⁶.

Авторы разделяют точку зрения И.К. Жукова, который отмечает: «...отличие (землячеств-авт.) от прочих лоббистских структур заключается в том, что землячества содействуют реализации интересов регионов, исходя не из желания извлечь личную выгоду, а из моральных побуждений, не провоцируют при этом конкуренцию и конфликты, что является, бесспорно, позитивной характеристикой»³⁶⁷.

Можно заключить, что современные функции землячества по сравнению с советским периодом не претерпели существенной трансформации: изменяются акценты – что-то становится более значимым, что-то – менее. Анализируя показатели промышленного развития Куйбышевской области в 1960-1980-е годы, можно заключить, что совокупность усилий элиты сыграла далеко не последнюю роль в становлении региона как мощного промышленного центра. В настоящее время же одним из наиболее важных конечных результатов деятельности самарских землячков является формирование положительного имиджа региона и его жителей, повышение инвестиционной привлекательности региона в широком смысле слова.

Однако современные исследования и наши наблюдения свидетельствуют, что социальные ресурсы общественных организаций – землячеств, национальных и религиозных объединений – в настоящее время востребованы не в полной мере³⁶⁸. В этом смысле у землячеств существует большой простор для деятельности, а с учетом благоприятных внешних обстоятельств и интересов молодых землячков и хорошая историческая перспектива.

Землячество, является своеобразной социальной сетью и общественной структурой на стыке гражданского общества и поли-

тической сферы. При благоприятных внешних обстоятельствах (лояльной позиции федерального центра и местных руководителей) землячество, как организация, и его члены, принадлежащие к политической, культурной элите, вполне способны ставить перед собой общественно значимые задачи и способствовать их решению. Исторический опыт свидетельствует, что это вполне реально.

Примечания

³⁴⁸ Вполне разделяем точку зрения тех исследователей, которые рассматривают регион как социально-политическую целостность, систему, связанную с деятельностью и функционированием социальных групп во властных структурах. Эту социально-территориальную систему можно описывать как относительно стабильный по системообразующим признакам (этноконфессиональные, исторические) социум, систему взаимодействия между людьми, проживающими на одной территории и апеллирующими к относительно схожим традициям и опыту. По справедливому замечанию Н.А.Косолапова, региональные связи по сути саморегулируются и не нуждаются во внешнем стимулировании или ограничении, опираются на социокультурное регулирование (Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М.: Аспект-Пресс, 1994. С.29-30).

³⁴⁹ Наиболее важная функция идентичности – функция приобщения/разобщения индивидов, включения их в социальные группы, сообщества, чувство сопричастности с той или иной общностью в прошлом, настоящем и будущем. Региональная идентичность одна из многочисленных идентификаций (этническая, культурная, профессиональная), совокупность которых образует целостность идентификации человека [Когатько Д.Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен: дис. ... канд. соц. наук. СПб, 2007. С.48].

³⁵⁰ См., в частности, Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-фило-

софский анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2011; Когатько Д.Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен...; Куракова Т.В. Общероссийская и региональная идентичность: теоретико-культурный анализ: дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2003; Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Дис. ... канд. пол. лит. наук. Пермь, 2009.

³⁵¹ По примерным подсчетам 70% жителей столицы – выходцы из разных регионов РФ. Поэтому вполне логично, что только 17% молодых москвичей назвали Москву своей Родиной [См. Доклад «Самоидентификация студенческой молодежи» Института этнологии и антропологии РАН. Исследование выполнено в IV квартале 2013 г. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=News&in=view&id=281>, дата обращения – 9.07.2014].

³⁵² Жуков И.К. Региональные землячества города Москвы: специфика деятельности, общественно-политические функции, перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. №5. С.67-72.

³⁵³ Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе // Регион: экономика и социология. 2011. №2. С.137.

³⁵⁴ Когатько Д.Г. Российская идентичность как культурно-цивилизационный феномен...С.58.

³⁵⁵ Смирнова Н.А. Региональная идентичность в условиях современного российского общества...С.46-47.

³⁵⁶ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ...С.58-59.

³⁵⁷ Самарцы в Москве: Страницы истории Самарского землячества / Рябов В.В., Кабытов П.С., Козловская Г.Е. и др. Самара: «Офорт», 2011. С.15-23.

³⁵⁸ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945-1991). Пермь, 2013.С.28-29.

³⁵⁹ В.И.Воротников – выдающийся советский и партийный деятель. В январе 1960 г. на пленуме Куйбышевского обкома КПСС В. И. Воротников избран на должность заведующего промышленно-транспортным отделом (позднее отделом оборонной промышлен-

ленности) Куйбышевского обкома КПСС. В сентябре 1961 г. он стал секретарем Куйбышевского обкома КПСС по промышленности. В начале 1963 г. его избирают вторым секретарем Куйбышевского промышленного обкома КПСС. Вскоре Виталий Иванович становится депутатом Верховного Совета РСФСР 6-го созыва, а с 1970 г. депутатом Верховного Совета СССР. В марте 1967 г. был избран председателем Куйбышевского облисполкома. (Подробнее см: Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Книга и бизнес, 2003; Самарцы в Москве... С.66-67).

³⁶⁰ Воротников В.И. А было это так... С.39-40.

³⁶¹ Кабытов П.С., Мякотин А.А. Партийно-административная элита Куйбышевской области в 1960-1991 гг. // Самарский земский сборник. 2013. №1 (22). С.171.

³⁶² Там же. С.172.

³⁶³ Подробнее: Деятельность региональных землячеств по вопросам взаимодействия с органами законодательной и исполнительной власти (на материалах РОО «Самарское землячество»). Материалы к заседанию Московского совета региональных землячеств 21 апреля 2010 г. / Сост. В.А.Курганов, Ю.Н.Гусева. Москва-Самара: тип. «Книга», 2010.

³⁶⁴ Жуков И.К. Региональные землячества города Москвы...С.73.

³⁶⁵ О результатах см: Деятельность региональных землячеств...; Самарцы в Москве...

³⁶⁶ Мохов В.П. Региональная политическая элита России...С.68.

³⁶⁷ Жуков И.К. Региональные землячества города Москвы...С.81.

³⁶⁸ Пахомов С.А. Малые сообщества и власть в современной России: особенности взаимоотношений // Личность. Культура. Общество. 2011.Т. XIII. Вып.1 (№№61-62); Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. Сети взаимопомощи в региональном сообществе...С.137-157.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение элит, элитология, в последнее десятилетие становится одним из важнейших направлений современной российской политологии. Исследовательский интерес объясняется непрерывным, интенсивным процессом формирования новой российской элиты, вобравшей в себя осколки элитарных групп предшествующих десятилетий (1980-е, 1990-е гг.). Особенностью современной российской элиты является ее изменчивость, неоднородность. Российская элита много десятилетий была оторвана от основной части российского общества, но при этом существенное ее влияние на все общественные процессы очевидно.

Период 1960-1990-х гг. в истории региональной элиты является, без преувеличения, *terra incognita*. Большинство публикаций, посвященных ему, являются не «академичными», даже легковесными. С фактологической, событийной стороны этот период реконструирован с достаточной полнотой. Однако именно колоссальный объем известных фактов, сведений нередко затрудняет понимание. Довольно сложно рассматривать недавнее прошлое с нейтральных позиций, более того, большинство жителей современной России являлись его свидетелями. Другой познавательный барьер носит технический характер. Большая часть документов находится в оперативном обороте или на временном (т.е. ведомственном) хранении; они недоступны исследователям. С документов по личному составу еще не снят – «за давностью лет» - гриф конфиденциальности.

Будущее социума, его победы и поражения сначала происходят (моделируются) в сознании элиты. Потребительство, индивидуальный и коллективный (ведомственный, классовый) эгоизм, скептическое отношение к идеологии и символам государства, распространившиеся среди позднесоветской номенклатуры, стали всеобщими и почти нормативными в постсоветской России. Поэтому наиболее выгодной инвестицией для общества, гарантирующей «светлое завтра» (по крайней мере, уверенность в нем), является воспитание национально-ориентированной элиты. В советский период существовала целостная, организационно за-

вершенная, система работы с управленческими кадрами. Она включала подбор и расстановку кадров, их идейную обработку, специализированное (партийное) образование. В посткоммунистической России эта система была фрагментирована, частично разрушена. Отдельные аспекты кадровой работы выполняются (формирование резерва, аттестация персонала и т.д., но они не составляют целостного механизма. При реконструкции системы подготовки и продвижения управленческих кадров уместно использовать советский опыт. Как показано в настоящей работе, проблему элитобразования невозможно решить путем создания специализированных закрытых учреждений («инкубатора элит»). Формирование компетентной, социально ответственной элиты обеспечивается здоровьем общества в целом, всей системой его институтов.

Анализ жизненного пути, профессиональной деятельности виднейших деятелей региональной истории является не только научной потребностью, но и долгом историка, данью памяти тем, чьим трудом и талантом были созданы колоссальные материальные и духовные ценности. Биографии выдающихся личностей имеют не только научно-познавательный, но воспитательно-дидактический потенциал. Для обеспечения преемственности развития, социализации новых поколений социуму необходимы «герои», т.е. люди, воплотившие в себе эталонные, образцовые качества. Не случайно «жизнеописания» являются древнейшим жанром научно-исторической литературы.

Для обозначения людей, сыгравших видную роль в истории края, в настоящей работе используется термин «элита». Это понятие включает ценностный аспект; его используют для обозначения людей «избранных», успешных, превосходящих других по социально-значимым критериям. Например, в средневековой Руси «лучшими людьми» называли социальную верхушку (бояр, зажиточных горожан). В этой работе мы постарались избежать оценочного «подтекста» и использовали понятие элиты в нейтральном, социологическом значении. К элите, на наш взгляд, следует отнести людей, которые в силу личных качеств, формального статуса, связей участвовали в выработке важных для реги-

она решений. В настоящем исследовании акцентируются негативные аспекты эволюции поздне- и постсоветского правящего слоя. Тем не менее, многие представители руководства полностью оправдывали определение «элита», демонстрируя образцы профессионализма и самоотверженного труда. В этот период регион возглавляли самые выдающиеся организаторы производства в его истории: А.М. Токарев, А.С. Мурысев, А.А. Росовский, В.П. Орлов. Масштаб этих личностей, значение их деятельности еще не получили должной оценки в литературе. Куйбышевской области «везло» на талантливых администраторов, топ-менеджеров. В этом одна из причин её опережающего – по отношению к другим регионам – развития. Понятие «застой», которым часто обозначают конец 1960-х – середину 1980-х гг., не применим к Куйбышевскому региону. За эти годы производственный потенциал области почти удвоился, произошли крупные сдвиги в социальной структуре населения, энерговооруженности экономики.

В целом период 1960-конца 1980-х гг. в истории региональной партийной власти отличает институциональная стабильность. Формирование верхнего эшелона элиты осуществлялось за счет местных кадров, преимущественно выпускников Куйбышевского политехнического института и других отраслевых вузов. Система управления номенклатурными кадрами, сложившаяся в предыдущие годы, сохранилась и в этот период. Возможности ее реформирования были ограниченными (это показала «перестройка»), а политические и организационные риски, связанные с реформаторством, весьма высокими. Это обусловило политический консерватизм позднесоветского руководства. Важный фактор существования самарской (куйбышевской) партийной элиты в изучаемый период – её количественный рост; уже в первой половине 1960-х гг. состав номенклатуры местных парткомов был значительно расширен. Большая часть кадровых ресурсов находилась в распоряжении партруководителей среднего звена. Вновь подчеркнем: важным фактором консолидации партийно-советской элиты стало ее рекрутирование из числа местных управленцев и организаторов производства; другими словами, переход в режим самовоспроизводства.

Дисбаланс полномочий и ответственности региональной парт-элиты, отсутствие внешнего контроля над ней вызвали падение темпов социально-экономического развития, оно было инерционным. В социально-кадровом аспекте «суверенитет» партийного аппарата привел к «застоям» в движении номенклатурных кадров. Режим внутрипартийного управления становился все более либеральным, «комфортным» для партийных функционеров. Механизмы обновления партийно-административной элиты не были институционализированы, они были персонифицированы. Новый руководитель государства (области, региона) производил – в том или ином масштабе – кадровую ротацию, расставляя на руководящие должности свои креатуры. Важно отметить высокую представленность старших возрастных групп в региональных парткомах в 1980-е гг. Например, по состоянию на 1 февраля 1988 г. 54 из 96 ответственных работников Куйбышевского обкома (58,3%) были старше 45 лет; в городских и районных комитетах удельный вес сотрудников этой возрастной категории составлял 36,4%.

Таким образом, в последние три десятилетия советской истории региональная политико-административная элита интенсивно формировалась; однако происходившие изменения носили неявный (внеинституциональный) характер. Изменялись психологические установки, социально-политическая мотивация, субкультура партноменклатуры. Получила значительное развитие «теневая сторона» номенклатурной власти – протекционизм, коррупция и другие нелегальные практики, связи номенклатуры с хозяйственниками, теньвым бизнесом, криминалитетом. Исподволь шло перерождение партийно-советской верхушки, ставшее главной причиной крушения «социализма».

Изучение научно-образовательной и культурной элиты показало ее больший консерватизм и стабильность. Этот фактор заметно отличал данную группу элиты от региональной административно-хозяйственной элиты, которая, к концу 1980-х годов необратимо деформировалась как социальный слой а потому оставалась аморфной и не желала сопротивляться радикальной смене курса. Образовательная и культурная элиты были менее

заинтересованы в резком изменении политического курса, что в полной мере подтверждается региональными материалами.

Значение деятельности научно-образовательной элиты помимо собственно развития инженерной мысли, стимулирования производства, состояло в том, что она способствовала формированию отношений между властью и обществом, осуществляла коммуникацию между народом и властью, так как подавляющее большинство представителей элиты было непосредственно или опосредованно связаны с партийными и советскими органами. Кроме того, научно-образовательная, культурная элиты оказывали решающее влияние на социальную среду, повышение общего культурного, интеллектуального уровня жителей области. Самарская научно-образовательная элита являлась продуктом симбиоза различных научных школ страны, она была открыта для новшеств, зачастую ориентирована во вне, но при этом у представителей данного вида элиты было твердое понимание важности таких категорий, как «преемственность», «традиция».

Группа военной элиты занимала важнейшее место в элитарной системе Самарской (Куйбышевской) области, прежде всего, это объяснялось размещением в Самаре (Куйбышеве) руководства Приволжского военного округа. В период 1960-1980-х годов военное руководство области демонстрировало стабильность своего существования, низкую степень кадровой ротации. Военные элиты в этот период проявляли высокую степень сплоченности с политической элитой и высокую степень интеграции с научной элитой, что объяснялось функционированием в Куйбышевской области десятков оборонных предприятий. В 1990-е годы руководство военного округа решало непростую задачу размещения воинских континентов, выводимых из бывших социалистических стран. В этой ситуации резко возросла роль командующего войсками округа. Многие вопросы приходилось решать в условиях «ручного управления». От личных качеств, управленческого таланта зависело выживание воинских частей. Требовался и особый дар убеждения при общении с военными в условиях резкого падения престижа армейской службы в глазах россиян. К сожалению, в 2001 г. Приволжский военный округ был расформирован и вли-

яние военной элиты в региональных процессах стало заметно ослабевать.

В 1990-е годы существование региональных элит претерпело кардинальные изменения. Региональная элита этого периода была крайне пестрой по возрасту, социальному происхождению, идеологическим убеждениям, однако серьезной внутренней конфликтности не наблюдалось. Вероятно это совпало с тем, что процесс формирования нового высшего слоя элиты генетически связан с элитой 70-80-х гг. XX в. Самарская область в изучаемый период продолжала оставаться одним из наиболее стабильных регионов в экономическом и политическом плане. Находящийся у власти в 1991-2007 гг. губернатор К.А. Титов смог наладить нормальные отношения с главами муниципалитетов, с депутатами регионального парламента и большинством бизнес-структур. Противоречия были, но не между губернатором и своими подчиненными, а за близость к губернатору. Даже руководители большинства муниципалитетов старались не ссориться с губернской властью. Многие муниципальные руководители кулуарно критиковали политику губернатора, но открытого противостояния практически не было.

Губернской власти удавалось находить компромисс и в отношениях с бизнес-элитой. Особенно это было видно на примере АвтоВАЗа. Были разделены сферы ответственности, каждая из сторон не пыталась вмешиваться в дела другой. Однако к концу 1990-х гг. бизнес уже окреп и такой опеки со стороны губернатора уже не требовалось. Соответственно, по мере роста своего экономического могущества, бизнес-элиты захотели иметь большее политическое влияние. В первую очередь это коснулось депутатского корпуса, когда в представительные органы областного и муниципального уровня стали избираться целые группы депутатов в целях лоббирования интересов конкретных финансово-промышленных групп. Чуть позднее началось проникновение представителей крупного бизнеса и в органы исполнительной власти. Довольно стабильная конструкция взаимоотношений внутри региональной элиты постепенно начала рушиться на рубеже 1990-2000-х гг. Одной из причин этого стали политические просчеты

губернатора, излишние политические амбиции, ухудшение взаимоотношений региональных и федеральных властей, что вызвало определенное недовольство некоторых представителей региональных элит.

Особым феноменом развития самарских элит в 1960-1990-е гг. стало самарское землячество. Землячество, является своеобразной социальной сетью и общественной структурой на стыке гражданского общества и политической сферы. При благоприятных внешних обстоятельствах (лояльной позиции федерального центра и местных руководителей) землячество, как организация, и его члены, принадлежащие к политической, культурной элите, успешно решало общественно значимые для региона задачи, и играло важнейшую роль в лоббировании интересов самарской элиты, повышении инвестиционной привлекательности и формирования имиджа Самарской области.

Анализируя показатели развития Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е годы, можно заключить, что особенности конфигурации, качество и совокупность усилий региональных элит сыграли важнейшую роль в становлении региона как политически влиятельного, мощного промышленного, развитого в научно-образовательной и культурной сферах субъекта Российской Федерации.

П.С. Кабытов, А.А. Мякотин, В.А. Тюрин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Раздел I. Теоретические и методологические вопросы изучения региональных элит	47
Раздел II. Партийно-административная элита Куйбышевской области в 1960-1991 гг.	72
Раздел III. Хозяйственно-экономическая элита Куйбышевской области в 1960-1991 гг.	90
Раздел IV. Научно-образовательная и культурная элита Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг.	139
Раздел V. Военная элита Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е гг.	167
Раздел VI. Самарские элиты в 1990-е гг.	179
Раздел VII. Землячество как форма региональной идентификации и его влияние на развитие региона (на примере самарского землячества в Москве)	223
Заключение	234